250 1108

250 — 1108

С. Ю. БЕНДАСЮКЪ

ОБЩЕРУССКІЙ ПЕРВОПЕЧАТНИКЪ ИВАНЪ ФЕДОРОВЪ

И ОСНОВАННАЯ ИМЪ БРАТСКАЯ СТАВРОПИГІЙСКАЯ ПЕЧАТНЯ ВО ЛЬВОВѢ

ИЗДАНІЕ СТАВРОПИГІЙСКАГО ИНСТИТУТА

ЛЬВОВЪ 1935

Типографія Ставроп. Институт. въ арендѣ З. М. Медыцкаго, Львовъ, ул. Бляхарская 9.

Иванъ Федоровъ, русскій первопечатникъ.

250 — 1108

С. Ю. БЕНДАСЮКЪ.

ОБЩЕРУССКІЙ ПЕРВОПЕЧАТНИКЪ ИВАНЪ ФЕДОРОВЪ

и

ОСНОВАННАЯ ИМЪ БРАТСКАЯ СТАВРОПИГІЙСКАЯ ПЕЧАТНЯ ВО ЛЬВОВѢ

ИЗДАНІЕ СТАВРОПИГІЙСКАГО ИНСТИТУТА

ЛЬВОВЪ 1934

Типографія Ставропигійскаго Института въ арендѣ З. М. Медыцкаго

Н

Оттискъ изъ „Временника“ на 1935 г.

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
№ 35105 1934

С. Ю. Бендасюкъ.

Общерусскій первопечатникъ

Иванъ Федоровъ и основанная имъ Братская Ставропигійская печатня во Львовѣ.

Юбилейные годы Ставропигіи.

Въ половинѣ декабря 1933 года минуло 350 лѣтъ отъ кончины знаменитаго, трудившагося, умершаго и похороненнаго во Львовѣ, въ св. Онуфріевскомъ монастырѣ, основателя Братской, впослѣдствіи Ставропигійской, печатни во Львовѣ и первопечатника всей Великой, Бѣлой и Малой Руси, москвича Ивана Федорова.

Осенью же 1935 г. исполняется 350-лѣтіе отъ пріобрѣтенія этой, Ивана Федорова, печатни львовскимъ Успенскимъ Братствомъ въ собственность и первыхъ мѣропріятій этого Братства по организаціи своей братской печатни и такого ея устроенія и обезпеченія, что она, разъ навсегда и крѣпко упроченная, дѣйствовала въ теченіи ряда столѣтій и дѣйствуетъ нынѣ.[1])

Въ другомъ мѣстѣ этого выпуска нашего изданія обращено [illegible]іе на близкій юбилейный годъ Ставропигійскаго Братства, [illegible] 1936-ой. Это также 350-тилѣтіе полученія Успенскимъ [illegible] первой учредительной грамоты Іоакима, патріарха антіо[illegible]ф, отъ 1-го ст. ст. января 1586 г., съ братскимъ уставомъ

---

[1]) Изъ пастырскаго посланія львовскаго прав[illegible] епископа Гедеона Бал[illegible] [illegible]ноября 1585 г. явствуетъ, что заложенная было, у еврея Израиля Яку- [illegible] Иваномъ Федоровымъ печатня уже выкуплена на средства Успенскихъ [illegible]въ въ братскую собственность, хотя и въ разсрочку выплаты [illegible] [illegible] ручательствомъ епископа: купили есмо — пишетъ епископъ въ своемъ [illegible] тые всѣ приправы друкарские, до друкарнѣ належачие, [illegible] [illegible]шаны, взялисмо их до рукъ своих в скарбницу церковную, давши за [illegible]е жидови з великим варованям тые полторы тисячи золотых дати на [illegible]ные«. (См. Monumenta Confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis sump[illegible]tituti Stauropigiani, edidit Dr. Wladimirus Milkowicz, tomus I, Leopo[illegible] № 79, pag. 111-112).

Она была первоосновой и первоисточникомъ ставропигійскихъ правъ и привилеевъ Б-ва, данныхъ ему и утвержденныхъ константинопольскими и другими восточными патріархами и королями польскими, и имѣла также чрезвычайно важное значеніе для братской печатни, которую тогда же патріархъ Іоакимъ совѣтовалъ основать и на которую затѣмъ собирать пожертвованія взывалъ въ своемъ посланіи отъ 15 ст. ст. января того же года.[2])

Жизни и дѣятельности этого высокозаслуженнаго общерусскаго первопечатника и исторіи братской Ставропигійской печатни и отводится предлежащая статья, съ заданіемъ изложить въ ней, по возможности, самое существенное и къ этой печатнѣ прямо или косвенно относящееся.

Первенство Ивана Федорова въ русскомъ книгопечатаніи.

Книгопечатаніе въ западной Европѣ возникло, постепенно развивалось и все шире распространялось уже съ половины XV вѣка.[3])

На славянскихъ земляхъ первая печатная книга появилась: въ Чехіи (Пильзнѣ) въ 1475 г., и вообще первая печатная славянская книга тамъ же (въ Прагѣ) въ 1478 г., первая печатная книга на церковно-славянскомъ языкѣ и кириллицей въ Краковѣ въ 1491 г., у южныхъ славянъ, въ Цетиньѣ въ 1493 г. (и одновременно, кажется, и въ Венеціи); на Руси вообще, именно въ Бѣлой Руси, въ Вильнѣ, въ 1525 г., въ Великороссіи, въ Москвѣ, въ 1564 г.

Появленіе въ какомъ-то мѣстѣ первой печатной книги еще не означаетъ тамъ начала постояннаго печатанія вообще, ни нахожденія тамъ долговременно и прочно установившейся и исправно работающей печатни. Скорѣе напротивъ, въ большинствѣ случаевъ и сначала долго, и въ западной Европѣ, и на славянскихъ земляхъ, это были только передвижныя, случайно открываемыя и временно дѣйствующія печатни.

На Руси, во всѣхъ трехъ ея составныхъ племенно-территоріальныхъ областяхъ, постоянно и прочно дѣйствующія печатни основалъ Иванъ Федоровъ,[4]) почему за нимъ въ литературѣ и исто-

---

[2]) Тамъ же, н-ръ 81, стр. 119—120.

[3]) По времени и пространству это распространеніе представляется такъ: Первая печатная книга въ Европѣ — это Библія (на латин. языкѣ) перваго европейскаго печатника Іоганна Гутенберга, въ Маинцѣ, ок. 1450 г. Затѣмъ первая печатная книга появляется: въ Италіи (Римѣ) въ 1464 г., во Франціи (Парижѣ) въ 1470 г., въ Голландіи (въ нѣск. мѣстахъ) въ 1473 г., въ Бельгіи и Швейціаріи въ 1474 г., въ Чехіи (Пильзнѣ) и Испаніи (Сарагоссѣ) въ 1475 г., въ Англіи (Лондонѣ) въ 1480 г., въ Даніи и Португаліи въ 1484 г., въ Польшѣ, но не польская и не латинская, а церковно-славянская, въ Краковѣ въ 1491 г., польская же первая печатная книга вообще въ концѣ XV. в., въ Австріи (Вѣнѣ) въ 1492 г.

[4]) Такъ онъ самъ себя называлъ, такъ его называли другіе и такъ принято называть его въ литературѣ русской и чужестранной; такъ называемъ его и мы,

ріи осталась слава первопечатника Великой, Бѣлой и Малой Руси. Это первенство давно уже ему признано и никѣмъ нынѣ не оспаривается. Все же, что до Ивана Федорова въ русскомъ печатномъ искусствѣ было сдѣлано внѣ Руси (въ Краковѣ, Прагѣ), или на Руси (въ Вильнѣ), или же, согласно предположеніямъ, могло быть сдѣлано (въ Москвѣ), — были только случайныя скоротечныя и примитивныя пробы основанія и веденія печатенъ. Уже тотъ самый фактъ, что Иванъ Федоровъ ввелъ и упрочилъ печатное дѣло во всѣхъ трехъ составныхъ частяхъ Руси, дѣлаетъ его однимъ изъ самыхъ видныхъ, не лишь двигателей, но и зиждителей общерусской культуры.

Положеніе церковно-славянскаго и русскаго книгопечатанія до Ивана Федорова.

Немногіе уцѣлѣвшіе и до нашего времени сохранившіеся памятники церковно-славянскаго и русскаго книгопечатанія, какъ случайные, рѣдкіе образцы первыхъ его опытовъ, своею примитивностью, отдаленностью мѣстъ*) ихъ появленія и невыдержанностью техническихъ пріемовъ, только еще ярче подчеркиваютъ и выдвигаютъ на первый планъ позднѣйшія мастерство и заслуги Ивана Федорова какъ первопечатника. Потому здѣсь приходится коснуться нѣсколькими словами этихъ пробныхъ печатныхъ первенцевъ.

Первыя двѣ книги на церковно-славянскомъ языкѣ и кирилловскимъ письмомъ напечаталъ не то нѣмецъ, не то славянинъ, Швейнполтъ Фіоль (Sveboldo Feyel),[5]) именно Октоихъ-Шестодневъ и Часословецъ, въ Краковѣ, въ 1491 г., обѣ въ 4°. Ему приписываютъ также напечатаніе (немного позднѣе) обѣихъ Тріодей, постной и цвѣтной, въ листъ. Какъ ни примитивны эти изданія, они все же показываютъ важный починъ въ печатномъ дѣлѣ: нашлись въ Краковѣ люди, знающіе это дѣло, наборщики, корректоры и даже редакторы этихъ печатаемыхъ тамъ церковно-славянскихъ книгъ. Нашелся также кто-то, давшій на эти из-

---

ставя только Ф вмѣсто Θ, скорѣе изъ-за технически-типогр. затрудненій. Между тѣмъ проф. И. Огіенко въ своихъ книгахъ употребляетъ собой смастеренную форму: **Іван Хведорович, фундатор постійного друкарства на українській землі.** Что же это? Попытка ли украинизовать этого коренного москвича даже по истеченіи 350 лѣтъ отъ его кончины?

*) Мѣстъ, называемыхъ И. Франкомъ только »точками, де почалася проба церковно-словянського друку в XVI віці«.

[5]) Нѣкоторые (чехи) называютъ его Святополкомъ Фіолемъ и считаютъ славяниномъ (чехомъ). Онъ — выходецъ изъ франк. г. Нейштадта на р. Эшъ, но происходилъ ли оттуда, не извѣстно. Вѣроятно былъ ученикомъ Гутенберга, привезъ же церковно-славянскія наборныя буквы (черенки) изъ Германіи (г. Брунсвика).

данія деньги, въ то время немалыя.[6]) Всѣ они, слѣдовательно, составляли собой извѣстную группу людей, считавшихъ напечатаніе такихъ книгъ дѣломъ полезнымъ, необходимымъ и надежнымъ въ смыслѣ спроса и сбыта.[7]) Все это не могло не отозваться будительнымъ откликомъ на славяно-русскомъ Востокѣ и не могло исчезнуть безслѣдно.

Но это печатное предпріятіе въ Краковѣ продержалось весьма коротко и было сорвано внезапно и насильственно. И эти напечатанныя книги и самого печатника постигла горькая участь: краковская духовная инквизиція (изъ ордена доминиканцевъ) арестовала его какъ еретика, а напечатанныя имъ книги были публично сожжены, почему нѣкоторыя изъ нихъ и не дошли до насъ. Претерпѣвъ эту напасть и съ трудомъ освободившись, Фіоль, съ нѣкоторымъ количествомъ еще спасенныхъ напечатанныхъ книгъ, бѣжалъ въ Венгрію[8]) и дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

Послѣ этого только четверть вѣка спустя сдѣлана была новая попытка славяно-русскаго книгопечатанія, бѣлороссомъ Франциском Георгіемъ Скориною[9]) изъ Полоцка, въ Чехіи, въ

---

[6]) Иванъ Франко (»Нарис історіі українсько-руськоі літератури«, Львовъ, 1910, стр. 40) высказываетъ мнѣніе, что книги Ш. Фіоля въ Краковѣ, въ 1491 г., были напечатаны стараніями и на средства (»заходами і накладом«) князя Константина Острожскаго (конечно, старшаго, Константина Ивановича). Кстати о странной манерѣ украинствующихъ цитировать Франка. Извѣстно, что И. Франко, б. членъ студенческаго »Академическаго Кружка« и соредакторъ его органа »Другъ« и сотрудникъ Ивана Наумовича по устройству вѣчъ и народной организаціи, хотя впослѣдствіи и сталъ украинствующимъ сепаратистомъ, но, какъ ученый и литераторъ, знающій прошлое и настоящее родного народа, употреблялъ по его адресу въ своихъ сочиненіяхъ названія: »галицько-руський«, »малоруський«, »українсько-руський« или же просто »руський«, и даже самъ себя называлъ до конца жизни (въ 1916 г.) галицкимъ русиномъ, русскимъ галичаниномъ или же просто русиномъ, но никогда украинцемъ. Зато свою жену называлъ украинкой, ибо въ самомъ дѣлѣ была уроженка Украины. Нынѣшніе украинствующіе, однако, цитируя его, безцеремонно ставятъ вездѣ вмѣсто этихъ названій »украинскій«. (»Нарис українськоі літератури« и т. д.), что, впрочемъ, дѣлаютъ съ цитатами не только Франка, но и другихъ украинствующихъ и даже гал.-русскихъ довоенныхъ писателей, и такимъ образомъ, вводятъ свою публику въ заблужденіе ложнымъ представленіемъ, что будто бы въ Галичинѣ царило тогда украинство въ ихъ нынѣшнемъ его пониманіи.

[7]) Правильно указываютъ нѣкоторые (проф. Огіенко и др.) на то, что въ тогдашней польской столицѣ, Краковѣ, находилось много православныхъ бѣло- и малороссовъ, которые и были вѣроятно ближайшими сотрудниками Фіоля въ печатаніи этихъ первыхъ церковно-славянскихъ кирилличныхъ изданій.

[8]) Этимъ обстоятельствомъ и объясняется сохраненіе отдѣльныхъ примѣрниковъ этихъ книгъ въ церквахъ Угорской Руси чуть ли не до самой всемірной войны.

[9]) Происходилъ Скорина (ред. ок. 1490 г.) изъ мѣщанской купеческой православной семьи, получилъ при крещеніи имя Георгій и православнымъ остался до своей кончины. Образованіе (медицинское) получилъ въ университетахъ въ Краковѣ и Падуѣ и, такъ какъ по тогдашнему обычаю вписывать православныхъ студентовъ, посѣщающихъ католическіе университеты, подъ католическими именами, онъ былъ занесенъ въ списки (въ Краковѣ, въ 1504 г.) какъ: **Franciscus Luce de Ploczko, то таковое имя (Францискъ) за нимъ** (по диплому д-ра медицины) въ дальнѣйшей его жизни и въ исторіи такъ и осталось.

Прагѣ, напечатавшимъ въ 1517—1519 гг. Библію на смѣшанномъ бѣло- и малорусскомъ нарѣчіи („Богу ко чти и людемъ посполитымъ к доброму научению".).

Его намѣреніемъ было напечатаніе „всеи бібліи рускаго языка", но удалось ему напечатать въ чешской Прагѣ только 22 библейскія книги, на средства виленскихъ мѣщанъ, Богдана Онькова, Якова Бабича и др., и затѣмъ такую же Псалтырь.[1])

Вернувшись на родину, Фр. Скорина напечаталъ добавочно въ Вильнѣ, въ 1525 г., въ домѣ виленскаго бургомистра Якова Бабича, еще Апостолъ и Малую Подорожную Книжицу (молитвословъ).[11]) Послѣ этого его дѣятельность, какъ печатника, прекратилась и его печатня пала, хотя части ея оборудованія хранились въ Бѣлой Руси долгое время.[12]) Потомъ печатное дѣло на Бѣлой Руси совершенно прекратилось чуть ли не на полвѣка, вплоть до прибытія туда и возстановленія его Иваномъ Федоровымъ.

Изъ исторіи всѣхъ этихъ болѣе или менѣе удачныхъ печатныхъ пробъ видно, что ни одна изъ этихъ передвижныхъ, кратковременныхъ и какъ будто только для заранѣе указаннаго, спеціальнаго заданія созданныхъ и пущенныхъ въ движеніе печатенъ (въ Краковѣ, Прагѣ и Вильнѣ) не можетъ считаться началомъ или основой позднѣйшаго систематическаго и прочнаго печатанія на Руси.

Начало книгопечатанія въ Москвѣ.

О распространеніи и упроченіи печатнаго дѣла въ западной Европѣ и о результатахъ вышеуказанныхъ опытовъ церковно-славянскаго печатанія въ Краковѣ, Прагѣ, Цетиньѣ, Венеціи и Вильнѣ было извѣстно и въ московскомъ государствѣ въ первой половинѣ XVI в. отъ чужеземныхъ посольствъ, торговыхъ людей („гостей") и путешественниковъ и не могло не вызывать интереса и желанія пересадить или же завести его у себя, тѣмъ паче, что печатными книгами несомнѣнно и несравненно легче, лучше и вѣрнѣй можно бы уберечь текстъ Священнаго Писанія и богослуженій отъ порчи при переписываніи или даже наборѣ, чѣмъ рукописными. Эти практическія соображенія были главной побудительной причиной основанія печатни въ Москвѣ.[13]) Существенная

---

[10]) Въ своемъ предисловіи къ ней Ф. Скорина заявляетъ, что »повелѣлъ есми псалтырю тиснути рускими словами и словенскимъ языкомъ«.

[11]) Въ составъ этой Малой Подорожной Книжицы вошли: Псалмы, Часословецъ, Акаѳисты, Каноны, Шестодневецъ, Календарь, Пасхалія.

[12]) Только въ 60-тыхъ гг. XVI в., въ протестантскихъ, напечатанныхъ несвѣжской печатней кн. Радивила, сочиненіяхъ Симеона Буднаго и Лаврентія Крышковскаго »для простыхъ людей языка рускаго«, замѣтно письмо наборныхъ буквъ (черенокъ) Ф. Скорины.

[13]) Соображеніями этими руководились, повидимому, и потомъ поддерживающіе Ивана Федорова круги въ юго-западной Руси (въ Вильнѣ, Львовѣ и особенно въ Острогѣ), почему и необходимо здѣсь на нихъ немного остановиться.

цѣль вводимаго книгопечатанія заключалась въ томъ, чтобы исправить и закрѣпить эти тексты и сдѣлать доступнѣе, популярнѣе и дешевле. Примѣръ Запада показывалъ практичность этого нововведенія, а трудности въ устраненіи и искорененіи ошибокъ и произвольныхъ измѣненій въ рукописяхъ повелительно указывали на его необходимость.

Надъ исправленіемъ этихъ текстовъ работали въ сѣверо-восточной Руси уже долгое время. Громадные и долголѣтніе труды вложили въ это важное дѣло новгородскіе архіепископы Даніилъ и особенно Геннадій. Въ началѣ XVI в. для исправленія книгъ въ Москву былъ вызванъ съ Аѳона ученый монахъ, также съ западно-европейскимъ образованіемъ, Максимъ Грекъ. Возглавляемая и руководимая имъ особая духовная комиссія-редакція собрала въ митрополичьемъ дворѣ, со всѣхъ концовъ государства большое количество библійныхъ и церковно-богослужебныхъ книгъ, русскихъ, греческихъ, болгарскихъ, сербскихъ и др., какъ рукописныхъ, такъ и напечатанныхъ уже на Западѣ, для сличенія, провѣрки и основательнаго выправленія ихъ текстовъ, причемъ было Максимомъ Грекомъ установлено, что эти тексты были переписчиками „растлѣны“ и во многихъ случаяхъ стали для употребленія непригодными.[14])

О необходимости введенія книгопечатанія въ Москвѣ, поэтому, заговорили впервые рѣшительно въ 1551 г. на т. наз. Стоглавомъ Соборѣ, и, по благословенію митрополита Макарія[15]) и повелѣнію царя Ивана Васильевича Грознаго, начались къ нему вступительныя приготовленія. И царь и митрополитъ за помощью въ этомъ новомъ, но вполнѣ созрѣвшемъ дѣлѣ обращали свои взоры на свѣдущій уже въ немъ и опытный Западъ, вліяніе котораго въ то время въ Москвѣ замѣтно сказывалось, но обращались къ нему крайне осторожно, съ недовѣріемъ и опасеніями, такъ какъ Западъ, посылая въ Москву своихъ знатоковъ любого дѣла, въ ихъ числѣ и печатниковъ (первыхъ, кажется, итальянскихъ), пытался навязать ей вмѣстѣ съ тѣмъ и свою вѣру, т. е. „латинство“ и „люторство“. Много помогло содѣйствіе сносившагося съ Иваномъ Грознымъ датскаго короля Христіана III. Весной 1552 г.

---

[14]) См. Ф. И. Свистунъ: Старопечатныя славяно-русскія книги Библіотеки Народнаго Дома во Львовѣ и развитіе книгопечатанія на Руси — въ Вѣстникѣ Народ. Дома, Львовъ, 1907 г.

[15]) Знаменитый митр. Макарій занималъ московскую каѳедру въ теченіе всей первой половины царствованія Ивана Грознаго (до своей кончины въ 1563 г.). При немъ и подъ его главенствомъ и водительствомъ произведены были въ Москвѣ всѣ тѣ преобразованія, узаконенія и устроенія ея жизни вообще, значеніе которыхъ было огромно для рус. прав. Церкви, московскаго государства, развитія государственно-общественной мысли и даже міровоззрѣнія московской духовной и мірской знати, какъ: канонизація русскихъ святыхъ, созванный для исправленія недостатковъ русской жизни Стоглавый Соборъ (подъ его предсѣдательствомъ), собраніе Четіихъ-Миней, составленіе историч. сборника п. з. »Степенная книга« (по степенямъ генеалогіи великихъ князей), »Домостроя« царскаго совѣтника, попа Сильвестра, и др. И основаніе первой печатни въ Москвѣ — въ высокой степени заслуга его, какъ церк. первоіерарха, отъ соизволенія и благословенія котораго это дѣло особенно зависѣло.

онъ прислалъ въ Москву своего миссіонера и вмѣстѣ съ тѣмъ опытнаго печатника Ганса Миссенгейма, который, вмѣстѣ съ живущими уже въ Москвѣ италіанскими и, вѣроятно, также бѣлорусскими и малорусскими печатниками, вскорѣ съорганизовалъ первую печатню прежде всего въ томъ смыслѣ, что снабдилъ ее всѣмъ необходимымъ въ техническомъ отношеніи и подобралъ и втянулъ въ ея работу подходящихъ людей. Участіе въ этомъ дѣлѣ бѣло- и малороссовъ тѣмъ болѣе вѣроятно, естественно и понятно, что нѣкоторые изъ нихъ, быть можетъ, уже съ нимъ ознакомленные, — старшіе въ печатнѣ Швейполта Фіоля въ Краковѣ, младшіе же въ печатнѣ Ф. Скорины въ Прагѣ и Вильнѣ,— какъ православные, внушали москвичамъ большее довѣріе, чѣмъ чужестранцы-иновѣрцы. Впрочемъ же, и внѣшній видъ, подборъ письма, украшеній и пр. въ первыхъ, въ Москвѣ напечатанныхъ книгахъ, показываютъ, что оборудованіе печатни и исполненіе первыхъ ея работъ не могли обойтись безъ содѣйствія русскихъ силъ, мѣстныхъ и пришлыхъ, т. е. велико-, бѣло- и малороссовъ.[16])

Въ составѣ учениковъ и подмастерьевъ печатника-датчанина работали и два будущихъ основателя и утвердителя печатнаго дѣла на Руси: житель Москвы, „москвитинъ“, какъ и самъ себя впослѣдствіи называлъ и подписывалъ, гостунскій[17]) діаконъ, Иванъ Федоровъ, и бѣлороссъ, Петръ Тимофеевъ (или Тимофеевичъ) Мстиславецъ.[18])

Оба оказались, повидимому, весьма способными, во всякомъ случаѣ лучшими иныхъ, мастерами печатнаго ремесла, разъ царь и митрополитъ поручили именно имъ обоимъ окончательное завершеніе, устроеніе и веденіе этой первой въ Москвѣ печатни въ 1563 г.

Въ теченіи десятилѣтія, отъ 1553 г., когда „повелѣніемъ благочестиваго царя и неликаго князя Ивана Василіевича всея Русіи и благословеніемъ преосвященнаго Макарія митрополита начаша

---

[16]) Тогдашними (т. е. 2-ой полов. XVI в.) первыми печатниками, бѣло- и малороссами, въ Москвѣ была подготовлена почва для дѣятельности позднѣйшихъ малорусскихъ печатниковъ тамъ же. Такъ уже въ началѣ XVII в. ученикъ Острожской печатни, также основанной Иваномъ Федоровымъ, волынецъ Анисимъ Радишевскій, прибылъ въ Москву, снискалъ себѣ милость и покровительство у царя и основалъ опять же »въ царскомъ дому« свою печатню, въ которой, въ 1606 г., напечаталъ въ листъ, въ 936 стр., первое печатное московское Евангеліе, а въ 1610 г., также въ л. и на 2512 стр. первый Уставъ. На этомъ первомъ въ Москвѣ печатномъ Евангеліи и отмѣчено, что оно напечатано »мастерствомъ многогрѣшнаго Анисима Михайлова сына Радишевскаго, волынца«.

[17]) Въ Москвѣ, въ Кремлѣ, церковь Николы Гостунскаго была построена еще царицей Софіей Палеологъ и называлась первоначально церковью Николы Льяного. Но въ 1505 г. въ ней былъ умѣщенъ принесенный изъ села Гостуни чудотворный образъ св. Николая и съ того времени она стала называться церковью Николы Гостунскаго, отсюда и служившій при ней Иванъ Федоровъ — діакономъ Гостунскимъ.

[18]) Происходилъ изъ мѣстечка Мстиславля въ могилевской губерніи.

изыскивати мастеръства печатныхъ книгъ", [19]) и построенъ былъ въ Кремлѣ для печатни особый домъ, до 1563 г., когда, по ихъ же повелѣнію, „друкарня съставися въ царствующемъ градѣ Москвѣ, [20]) все это предпріятіе было столь изрядно налажено и оправдало себя своей пригодностью до того, что и въ годину обрушившейся на него катастрофы, выдержало искусъ, во всякомъ случаѣ не пало окончательно, его уже не постигла судьба печатенъ Фіоля въ Краковѣ и Скорины въ Прагѣ и Вильнѣ, оно оказалось болѣе выносливымъ, прочнымъ и практически-жизненнымъ.

Печатня эта, основанная съ особой цѣлью — устранить неправильное списываніе книгъ церковно-богослужебныхъ и Свящ. Писанія, оборудованная, содерживаемая и ведомая на средства царя и по указаніямъ и подъ надзоромъ митрополита, являлась спеціальнымъ церковно-государственнымъ учрежденіемъ, со всѣми вытекающими изъ этого положенія послѣдствіями. [21]) Это было, совершенно — что называлось — „государево дѣло", о чемъ наглядно и убѣдительно свидѣтельствуютъ историческіе источники. [22])

---

[19]) Послѣсловіе московскаго Апостола 1564 г. (Не желая испещрять статью слишкомъ частыми указаніями источниковъ, ограничиваюсь отмѣченіемъ только важнѣйшихъ).

[20]) Послѣсловіе львовскаго Апостола 1574 г.

[21]) Послѣдствіями, какъ положительнаго, такъ и отрицательнаго характера. Для пониманія дальнѣйшаго хода дѣла и событій въ Москвѣ, необходимо уяснить себѣ сущность измѣненія въ способѣ производства доселѣ рукописныхъ, а отселѣ печатныхъ книгъ. За погрѣшности въ первыхъ, рукописныхъ, былъ отвѣтственъ лично самъ переписчикъ и, самое большее, быть можетъ, еще его ближайшій наставникъ, обычно и часто, уже впередъ въ своей рукописной книгѣ просилъ за нихъ у читателя снисхожденія и прощенія, признаваясь въ томъ, что, молъ, »азъ, многогрѣшный, по немощи человѣческой и діавольскому наваждению« и т. д. напуталъ много. И читатель понималъ и прощалъ тѣмъ легче и охотнѣе, что та же книга, въ другомъ спискѣ, уже, быть можетъ, не заключала въ себѣ тѣхъ именно ошибокъ, но иныя, другого многогрѣшнаго, которыя ,все же, по сличеніи текстовъ, не трудно было въ рукописи исправить. Во вторыхъ, печатныхъ, тѣ же опечатки и ошибки были уже во всѣхъ, многихъ примѣрникахъ изданія и исправить ихъ было гораздо труднѣе, да и отвѣтственность за нихъ была коллективная, по крайней мѣрѣ въ глазахъ и умахъ населенія, печатниковъ, корректоровъ, редакторовъ и издателей. Затѣмъ, правда, съ одной стороны, тексты печатаемыхъ въ такомъ спеціальномъ церковно-государственномъ учрежденіи, каковымъ была эта первая печатня въ Москвѣ, получали уже тѣмъ самымъ высшее утвержденіе, но, съ другой, и ошибки въ нихъ, все равно, фактическія и существенныя, или же мнимыя и мелкія, считались въ общественномъ мнѣніи непростительными, непоправимыми, сугубо роковыми, вредными и опасными, ибо прикрывалъ и осѣнялъ ихъ авторитетъ высшей церковной и государственной власти.

[22]) Обстоятельно и красиво представлено это въ одномъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ: »Царствующу надъ всею Русіею царю и великому князю Іоанну Василіевичу всеа Русіи, вложи ему Богъ на умъ благую мысль, еже бы ему изрядньѣе въ Рустѣй земли учинити и вѣчная память по себѣ сотворити: произвести бы ему отъ письменныхъ книгъ печатныя, крѣпкаго ради исправленія и утвержения и скораго дѣланія и легкія ради цѣны и своея ради похвалы, также бы въ царствующемъ градѣ Москвѣ и во всей Росіи учинити, якоже въ грекахъ и въ нѣмецкихъ земляхъ, въ Виницѣй (т. е. Венеціи) и во Фригіи (Италіи) и въ Бѣлой Руси въ Литовстѣй земли, и въ прочихъ тамошнихъ странахъ, дабы было святыя книги праведно и несмутно всякому православному христіанину прочитати и глаголати по нихъ... И тако повелѣніемъ царя и благослове-

Оба печатника, Иванъ Федоровъ и Петръ Мстиславецъ, начали 19 апрѣля 1563 г. печатаніе Дѣяній Апостольскихъ и закончили его въ слѣдующемъ, т. е. 1564 г., 1-го марта, въ листъ, на 6+261 лл. Ровно же полтора года спустя (2 сентября 1565 г.) оба они начали печатать Часовникъ (Часословъ) и закончили его въ томъ же 1565 г., 29 октября, въ 8^0, на 172 лл., судя по его послѣсловію.

Первая изъ нихъ, т. е. Апостолъ, съ гравированными заставами и заголовками, съ большими заглавными буквами, свидѣтельствовала о томъ, что оба печатника были знатоками всѣхъ частностей печатнаго мастерства, умѣющими не только набирать, но и отливать литеры (черенки) и вырѣзывать матрицы. Употребленное ими печатное письмо, повидимому, не было привезено изъ заграницы, но было изготовлено въ Москвѣ полностью и сохранило строгую чистоту и правильность московскаго пошиба письма во всѣхъ буквахъ и знакахъ, и было надлежаще, задолго до того, испробовано.[23])

По напечатаніи, однако, этихъ двухъ книгъ, Иванъ Федоровъ и Петръ Мстиславецъ, вынуждены были оставить Москву, и съ ихъ уходомъ печатня свою дѣятельность прекратила, ибо была озлобленною толпою разрушена, быть можетъ, даже сожжена. Все же этотъ ея разгромъ толпою врядъ ли былъ такимъ полнымъ и уничтожающимъ, какъ прежде принято было полагать, разъ, уходя, оба печатника взяли изъ нихъ и вывезли съ собой многіе предметы ея оборудованія и печато-письма, и разъ остатки ея, уцѣлѣвшіе и сохранившіеся въ Москвѣ, дали возможность нѣсколько позднѣе возстановить тамъ печатню и возобновить печатаніе.

Причиной нападеній на обоихъ печатниковъ и разгрома ихъ печатни было заподозрѣніе ихъ и ихъ близкихъ сотрудниковъ въ ереси и объявленіе печатни вреднымъ („злымъ“) дѣломъ со стороны не только толпы, но и духовной и мірской знати, какъ объяснилъ впослѣдствіи самъ Иванъ Федоровъ: „Презѣлнаго ради

ніемъ Макарія митрополита, начаху людіе изыскивати мастеровъ къ тому печатному дѣлу, кто бы смысленъ и разуменъ обрѣлся къ таковому дѣянію; и обрѣтеся нѣкто хитръ, разуменъ и смышленъ къ таковому орудію у Николы чудотворца Гостунского діаконъ званіемъ Іоаннъ Ѳедоровъ сынъ да клевретъ его Петръ Тимоѳеевъ сынъ Мстиславецъ, оба явистася искусна таковому хитрому дѣлу. Глаголютъ же нѣцыи о нихъ, яко отъ самѣхъ тѣхъ фрягъ (італіанцевъ) таковое ученіе пріяста, сего ради повелѣнно бысть отъ царя то дѣло составляти. Повѣствуетжеся отъ нѣкихъ, яко преже ихъ нѣцыи, или будетъ и они сами, малыми нѣкими и искусными (въ) начертаніи печатаваху книги. Послѣди же совершеннѣ той Іоаннъ да Петръ искусъ пріяста отъ тѣхъ преже реченныхъ фрягъ«. (»Сказаніе извѣстно« въ книгѣ П. Строева, »Описаніе книгъ Царскаго«, Москва, 1836 г.).

[23]) Невольно въ виду этого возникаетъ вопросъ, не печаталось ли ими въ Москвѣ уже что-нибудь до этого? не вышло ли что-нибудь изъ московской печатни до появленія этого Апостола? Нѣкоторые (А. Е. Викторовъ, П. В. Владиміровъ) догадываются, что да, что будто бы первой книгой изъ нея вышедшей было не дошедшее до насъ Евангеліе, равно же, какъ догадывается архим. Леонидъ, напечатанное Иваномъ Федоровымъ. Но всѣ эти догадки и предположенія до сихъ поръ не обоснованы убѣдительно.

озлобленія, часто случающагося намъ, многіе начальники и священноначальники и учители на насъ, зависти ради, многія ереси умышляли, хотячи благое во зло превратити и божіе вконецъ погубити". (Послѣсловіе льв. Апостола 1574 г.). И, конечно, за подстрекательствомъ этой духовной и мірской знати, толпа дерзнула броситься съ ожесточеніемъ на „государево дѣло" и разрушить его.

Подозрѣніе въ ереси, при остромъ недовѣріи къ Западу, [24]) вообще, могло быть вызвано не только какиминибудь вольными или невольными, а то, быть можетъ, и неизбѣжными и даже совершенно оправданными отступленіями въ текстѣ печатаемыхъ книгъ, отъ текста рукописныхъ, но и мелкими и неважными опечатками.

Изъ-за покровительства, оказываемаго со стороны царя и митрополита печатному дѣлу, эти круги относились къ обоимъ первопечатникамъ съ завистью.[25]) Толпа же погромщиковъ печатни

---

[24]) Недовѣріе нашихъ московскихъ сородичей къ Западу раздѣлялось и юго-западной Русью, хотя въ ней оно проявлялось не такъ остро. Оно имѣло свои глубокія причины, освѣщеніе которыхъ — предметъ общей исторіи Руси, здѣсь же укажемъ только нѣкоторыя, это: обѣщанія Запада дать помощь Руси противъ татаръ и турокъ, но съ условіемъ заключенія Русью церк. уніи съ Римомъ, (галицкимъ князьямъ Роману и Даніилу, московскимъ вел. князьямъ и царямъ); русское народное убѣжденіе, что взятіе турками Царьграда въ 1453 г. было карой Божіей за подписаніе имъ Флорентійской уніи въ 1439 г. (подписавшій ее отъ имени Руси митр. Исидоръ былъ прогнанъ изъ Москвы и не принятъ въ юго-западной Руси); нападенія шведовъ на Новгородскую и Псковскую земли и ордена крестомеченосцевъ на Литовскую Русь; тяжкое положеніе юго-западной Руси и наступательный въ ней походъ католичества на православіе, іезуиты и т. д. А между тѣмъ Москва, единственное свободное православное царство, становилась и объявлялась третьимъ Римомъ, выростала въ глазахъ современниковъ въ хранительницу православія не только для Руси, но и другихъ православныхъ народовъ, порабощенныхъ »агарянами«, болгаръ, сербовъ, молдаванъ и самихъ же грековъ, отсюда и опасенія, чтобы въ Москвѣ православное благочестіе не было западными »прелестями«, интригами и вліяніями подорвано, были велики и серьезны. Отсюда и подозрительность къ печатному двору, въ которомъ хозяиномъ былъ датскій миссіонеръ, какъ мастеръ, и подмастерьями пришельцы съ Запада. Произошелъ же этотъ разгромъ печатни уже послѣ смерти митрополита Макарія. Показательно и то, что въ исторіи глухо о томъ, были ли погромщики за разрушеніе царской печатни наказаны и какъ, и вообще были ли наказаны.

[25]) Что печатники были заподозрѣны въ ереси также »зависти ради« — это несомнѣнно и это подчеркнуто самимъ Иваномъ Федоровымъ. Но чтобы главнымъ мотивомъ этой зависти были матеріальныя соображенія и въ частности опасенія переписчиковъ, что потеряютъ заработокъ, — менѣе всего вѣроятно. А между тѣмъ по нынѣшней тенденціи и модѣ объяснять историческіе процессы и событія съ матеріалистически-экономической точки зрѣнія, этотъ мотивъ выдвигается съ очевидными натяжками, часто и упрямо. Извѣстно, что переписчиками книгъ были монахи, по своему положенію и міровоззрѣнію меньше всего заинтересованные въ матеріальной прибыли отъ этого своего занятія, а работающіе въ этомъ богоугодномъ дѣлѣ ради замоленія своихъ грѣховъ и спасенія души, съ иноческимъ смиреніемъ, въ высшей степени самоотверженнымъ и трогательнымъ. Кромѣ того, нельзя упускать изъ виду, что, съ введеніемъ на Руси книгопечатанія, переписчики своего занятія и, если хотите, »заработка«, отнюдь не лишались, ибо, несмотря на все увеличивающееся количество печатныхъ книгъ, онѣ все таки долгое время были весьма дороги, дороже иногда даже рукопис-

пылала инстинктивнымъ отвращеніемъ къ соблазнительному новшеству[26]) въ священномъ, церковно-богослужебномъ дѣлѣ. Впрочемъ же нападеніе толпы обрушилось больше на печатниковъ, чѣмъ на печатню. Иначе трудно было бы себѣ объяснить тотъ фактъ, что московская печатня (та же или же реорганизованная — все равно), нѣсколько лѣтъ спустя стала снова работать, и изъ нея уже въ 1568 г. вышла напечатанная Никифоромъ Тарасіевымъ и Н. Тимофеевымъ Псалтырь. Затѣмъ, правда, дѣятельность и этой печатни снова была прервана, но опять возобновилась съ 1577 г. уже въ Слободѣ около Москвы. И только съ 1589 г. (годъ установленія въ Москвѣ патріаршества) она работала уже долгое время правильно и безпрерывно, хотя и не такъ успѣшно, какъ печатни въ юго-западной Руси.

Дѣйствительно же и въ конецъ эта печатня въ Москвѣ была разгромлена и сожжена много позже, именно въ 1611 г., когда Москва находилась подъ властью гетмана Жолкевскаго, занявшаго Москву 27-го августа 1610 года. Относительная историческая запись выразительно отмѣчаетъ этотъ фактъ словами: „Тогда (т. е. въ 1611 г.) печатный домъ и вся штанба того печатнаго дѣла отъ тѣхъ враговъ и супостатъ розорися и огнемъ пожжена бысть и погибе до конца“. За тогдашнимъ полнымъ разгромомъ этой печатни, въ ней тогда и прекратилъ свою работу вышеупомянутый (см. стр. 9 примѣч. 16) печатникъ волынецъ О. Радишевскій.[27])

Въ общемъ, злоключенія московскихъ первопечатниковъ и первопечатни нисколько не горьше злоключеній первопечатниковъ и ихъ печатенъ на Западѣ.[28])

ныхъ, а послѣднія, написанныя благочестивою рукою, все еще были въ почетѣ и предпочтительномъ употребленіи долгое время, даже въ XVIII в. Ужъ если на то пошло, то скорѣе можно бы выдвигать экономическій моментъ въ позднѣйшей исторіи печатенъ, основываемыхъ со спекулятивными расчетами и конкурирующихъ другъ со другомъ, а также издателей книгъ и меценатовъ печатнаго дѣла.

[26]) А новшество въ этой (церковной) области зачастую пахнетъ соблазномъ. Припомнимъ, что относительно не очень давно такое новшество, какъ электрическое освѣщеніе въ церквахъ, вызвало въ обществѣ и печати оживленныя пренія. Въ глазахъ набожныхъ москвичей вообще считалось соблазномъ то, что священныя книги уже не пишутся рукою смиреннаго монаха, а производятся машиннымъ образомъ, на печатномъ станкѣ и что измѣненія въ нихъ одобряются и утверждаются свыше официально (см. на стран. 10 примѣчан. 21). Вотъ, почему старовѣры въ Россіи еще и въ XVIII в. продолжали пользоваться въ церквахъ только рукописными книгами.

[27]) См. объ этомъ І. Огієнко: Друкар волиняк Онисим Радишевський, въ изд. »Духовна Бесіда«, Варшава, 1924 г.

[28]) Въ свѣтѣ того, что происходило въ этомъ отношеніи на Западѣ, всѣ самыя яркія расписыванія руссофобной печатью этого »московскаго варварства« на всѣ лады, совершенно блѣднѣютъ, тѣмъ паче, что на Западѣ жестокое преслѣдованіе печатнаго дѣла, его работниковъ и самой печатной книги длилось цѣлыя вѣка. Достаточно указать на такіе общеизвѣстные факты, какъ: разгромъ и сожженіе первой церковно-славянской печатни и первой въ ней напечатанной кирилловскими буквами книги въ Краковѣ въ 1491 г., разгромъ первой печатни въ

Выѣздъ Ивана Ѳедорова въ Литовскую Русь и печатня въ Заблудовѣ.

Предположительно въ началѣ 1566 г. — какъ разсказываетъ самъ Иванъ Федоровъ въ своемъ послѣсловіи къ львовск. Апостолу 1574 г. — „зависть и ненависть (отъ многихъ начальниковъ и священноначальниковъ и учителей) сія убо насъ отъ земля и отечества и отъ рода нашего изгна и въ ины страны незнаємы пресели“, т. е. оба первопечатника, Иванъ Федоровъ и Петръ Тимофеевъ Мстиславецъ, выѣхали, какъ бѣженцы, заграницу. Отправились въ сосѣднее государство, весьма близкое къ московскому не только по сосѣдству, но и по духу, вѣрѣ, народности и культурѣ своего населенія — литовско-русское, тѣмъ естественнѣе, что врядъ ли оно было Ивану Федорову особенно „незнаємо“, ибо навѣрно весьма много интереснаго наслышался о немъ отъ своего „клеврета“ (товарища), бѣлоросса, Петра Тимофеева. Да и переходъ границы при переѣздѣ изъ московскаго государства въ Литовскую Русь и Польшу или наобототъ въ тѣ времена не былъ труденъ. Черезъ эту границу они оба пробрались вмѣстѣ со своими семьями и вывезли съ собой самыя необходимыя печатныя принадлежности: печато-письма, пунсоны (чеканы), гравюры и пр., а также нѣкоторое количество примѣрниковъ, отпечатанныхъ въ Москвѣ Апостола и Часослова.

Прибыли въ столицу Литовской Руси, Вильну, гдѣ — какъ уже сказано — удачныя попытки книгопечатанія уже давно дѣлались и почва для печатной работы была подготовлена, ибо зажиточное, въ тамошнемъ русскомъ правосл. Свято-Духовскомъ Братствѣ объединенное мѣщанство склонно было печатное дѣло поддерживать.

Въ лицѣ виленскаго каштеляна и гетмана Вел. Княжества Литовскаго Григорія Александровича Ходкевича, русскаго и православнаго, оба пришельца пріобрѣли себѣ могучаго защитника и щедраго покровителя, которому русское печатное дѣло было тогда близко къ сердцу. Въ виду все усиливающагося католическаго натиска на православіе на русскихъ земляхъ въ Польшѣ, и русское мѣщанство и литовско-русскіе вельможи понимали и учитывали значеніе печатной книги для своей самозащиты, и прибытіе въ Вильну обоихъ опытныхъ печатниковъ было кстати и въ пору, что и видно изъ словъ Ходкевича: „изобрѣтохъ себѣ в дѣлѣ друкарскомъ людей наученых, Ивана Ѳеодоровича Москвитина да Петра Тимоѳѣевича Мстиславца“.[29]) Онъ отправилъ обо-

---

Маинцѣ и бѣгство оттуда печатниковъ въ 1462 г., изгнаніе изъ Парижа печатника Фуста въ 1470 г. и цѣлыя столѣтія практиковавшееся сожиганіе печатныхъ книгъ чуть ли не во всѣхъ странахъ западной Европы, и, въ частности, въ Польшѣ, о чемъ въ прошломъ году однимъ польскимъ ученымъ былъ прочитанъ во Львовѣ, по случаю открытія выставки польскихъ инкунабуловъ, весьма интересный докладъ, помѣщенный затѣмъ въ львовскихъ польскихъ газетахъ.

[29]) Учительное Евангеліе 1569 г.

ихъ въ свое родное мѣстечко Заблудовъ (недалеко отъ Вильны) и тамъ „повелѣ имъ учинити варстатъ друкарскій“,[30]) вести печатню и печатать въ ней книги на его средства и подъ его покровительствомъ и попеченіемъ.

Въ этой ими новооснованной печатнѣ въ Заблудовѣ, 8 іюля 1568 г. „начася друковати книга зовомая Євангеліє Учительноє“, законченная печатаніемъ 17 марта 1569 г. въ л., на 8 + 399 лл., съ обозначеніемъ: „выдана єсть во отчизномъ имѣнію пана наивышшаго Григорія Александровича Ходкевича, в мѣсте зовомомъ Заблудовью, властнымъ накладомъ єго милости“.[31]) Гетману Ходкевичу книга понравилась, и онъ послѣ ея выхода Ивану Федорову „весь немалую дарова на упокоєніє“, т. е. чтобы могъ жить въ покоѣ и достаткѣ.[32]) Послѣ этого, однако, Петръ Тимофеевъ Мстиславецъ пожелалъ стать самостоятельнымъ печатникомъ, оставилъ Ивана Федорова, поселился въ Вильнѣ и, вскорѣ, съ помощью тамошнихъ мѣщанъ, Зарѣцкихъ, Мамоничей и др., основалъ въ Вильнѣ свою печатню.

Въ томъ же 1569 г., 26 сентября, Иваномъ Федоровымъ „начася друковати Псалтырь и Часословецъ“ и въ слѣд. (1570) году, 23 марта „совершена бысть книга сія“, какъ въ ней и отмѣчено, въ 4⁰, на 17+240+69 лл.,[33]) вполнѣ также удовлетворившая гетмана, который и заявилъ въ ея предисловіи: „Я также и впередъ працы и накладу моєго жаловати не буду, и другыя церквамъ и людемъ божіимъ во Христа вѣрующимъ, потребныя (книги) друковати дамъ“.

Гетманское покровительство казалось тѣмъ прочнѣе и надежнѣе, что, какъ свидѣтельствуетъ самъ Иванъ Федоровъ, въ своемъ лывовск. Апостолѣ 1574 г., къ печатному дѣлу относились такъ же дружелюбно и покровительственно и сыновья гетмана, Андрей и Александръ, о которыхъ говоритъ, что и они „виновни суть таковыя ползы“.

Потому загадочнымъ и страннымъ является почти внезапное охлажденіе гетмана къ этому, казалось бы, весьма любимому дѣлу, уже въ слѣдующемъ году, до той степени, что, несмотря на то, что въ матеріальномъ отношеніи былъ хорошо обезпеченъ, Иванъ Федоровъ предпочелъ и подаренную ему „весь“ бросить и съ гетманомъ разстаться и вскорѣ переѣхать во Львовъ, чтобы тамъ все таки продолжать свое занятіе печатнымъ дѣломъ. И онъ объясняетъ это охлажденіе гетмана его, гетмана, старостью, а свой отъѣздъ нежеланіемъ подчиняться его приказу, бросить печатное дѣло совершенно и заниматься сельскимъ хозяйствомъ въ подаренномъ имѣніи: „От єго милости, пана Григорія Ходкевича — пишетъ Иванъ Федоровъ въ львовск. Апостолѣ — всякими потребами тѣлесными, пищею и одеждею удоволенъ бѣхъ... Єгда

---

[30]) Учительное Евангеліе 1569 г.
[31]) Тамъ же. Каратаевъ, н-ръ 75.
[32]) Львъ. Апостолъ 1574 г.
[33]) Каратаевъ, н-ръ 77.

же пріити єму въ глубоку старость, и начастѣ главѣ єго болѣзнію одержимѣ бывати, повелѣ намъ (т. е. Ивану Федорову) работанія сего (т. е. книгопечатанія) престати, и художество рукъ нашихъ ни во что положити, и въ веси земледѣланіємъ житіє мира (міра) сего препровождати. И сего ради понудихся ити оттуду".

Не лишена, быть можетъ, нѣкоторыхъ основаній догадка, что это охлажденіе гетмана къ книгопечатанію находилось въ какой-то связи съ заключеніемъ 1-го іюля 1569 г. Люблинской уніи, къ которой литовско-русскіе вельможи, въ ихъ числѣ и Г.А. Ходкевичъ, были причастны, и что потому узами и послѣдствіями этого акта онъ считалъ себя связаннымъ. Повидимому, и Петръ Тимофеевъ Мстиславецъ, покидая своего долголѣтняго друга и товарища и его, зависимую отъ гетмана печатню и вмѣстѣ съ виленскими мѣщанами основывая свою, счелъ сотрудничество съ мѣщанствомъ болѣе надежнымъ и вѣрнымъ. Наконецъ, и самъ Иванъ Федоровъ, съ семьею, осенью 1672 г., переселяется во Львовъ и находитъ для своего печатнаго дѣла поддержку у здѣшняго русскаго православнаго мѣщанства.

Прибытіе Ивана Федорова во Львовъ и основаніе львовской печатни.

И на этотъ разъ везетъ онъ съ собой свои печатныя орудія и нѣкоторое количество примѣрниковъ уже напечатанныхъ книгъ. Переѣздъ, или же точнѣе, переходъ пѣшкомъ, былъ для него весьма труденъ, длителенъ и опасенъ, особенно изъ-за повальныхъ болѣзней, на что и жалуется въ льв. Апостолѣ: „И шествующу ми, многи скорби и бѣды обрѣтоша мя, не точію, долготы ради путнаго шествія, но и презѣлному повѣтрею дышущу и, просто рещи, вся злая и злыхъ злѣе". Уже во время этого его долгаго путешествія во Львовъ, умеръ Г. А. Ходкевичъ.

Прибывъ во Львовъ въ концѣ 1572 г., Иванъ Федоровъ поселился гдѣ-то на Подзамчьѣ, и тамъ, возможно, что въ Свято-Онуфріевскомъ монастырѣ, основалъ свою печатню, если уже не въ концѣ того же года, то навѣрно въ началѣ слѣдующаго. Здѣсь, однако, для своего печатнаго предпріятія, несмотря на свои усиленныя просьбы, не нашелъ никакой помощи ни поддержки у знатныхъ и богатыхъ людей, іерарховъ и вельможъ, а только у сѣраго и бѣднаго мѣщанства и низшаго духовенства, о чемъ, разсказываетъ въ льв. Апостолѣ живо и цвѣтисто: „Вселшумися въ преименитомъ градѣ Львовѣ, начахъ богоизбранноє сіє дѣло къ устроєнію навершати. И обходяхъ многащи богатыхъ и благородныхъ въ мирѣ (мірѣ), помощи прося отъ нихъ, и метаніє сътворяя, колѣномъ касаяся и припадая на лицы земномъ сердечно каплющими слезами моими ноги ихъ омывахъ, и сіє не єдиною, ни дващи, но и многащи сътворяхъ. И въ церкви священнику всѣмъ вслухъ повѣдати повелѣхъ. Не испросихъ умиленными глаголы, ни умолихъ многослезнымъ рыданіемъ, не исходатайствовахъ никоєя милости іерейскими чинми. И плакахся преторкими слезами, єже не обрѣтохъ милующаго, ниже помагаю-

щаго, не точію же в руском народѣ, но ниже въ грекахъ милости обрѣтох, но мали нѣцыи въ іерейскомъ чину, иніи же неславніи въ мирѣ (мірѣ) обрѣтошася, помощь подающе".

Хотя этотъ плачъ дожно принимать не въ буквальномъ, а скорѣе только въ риторическомъ смыслѣ тогдашнихъ литературныхъ пріемовъ,[34]) все же и эти напрасныя моленія и дальнѣйшія мытарства этого уже тогда опытнаго печатнаго мастера, привезшаго съ собой во Львовъ и образцы этого мастерства, показываютъ, какъ мало было во Львовѣ лицъ, понимающихъ значеніе и силу печатной книги уже въ то время, когда именно ею можно было успѣшно защищаться отъ чужого засилья. Особенно показательно то, что не была ему оказана поддержка со стороны мѣстнаго епархіальнаго архіерея.[35]) Оказывали ему помощь только отдѣльные мѣщане и монахи.

Въ первыхъ же своихъ дѣйствіяхъ по организаціи печатни во Львовѣ, московскій пришлецъ-діаконъ попалъ въ столкновеніе съ львовскимъ столярскимъ цехомъ и властвующими надъ нимъ магистратскими „райцами", по поводу запрещенія ими Ивану Федорову пользоваться для необходимыхъ въ печатнѣ нѣкоторыхъ столярскихъ работъ услугами работниковъ, не принадлежащихъ къ цеху. Тяжба съ магистратомъ длилась нѣсколько мѣсяцевъ и закончилась только 7 декабря 1573 г. разрѣшеніемъ Ивану Федорову взять себѣ и внѣльвовскаго столярскаго работника, записать его у львов. столярскаго мастера и только у этого мастера нанять его себѣ для работы на одно полугодіе.

Еще труднѣе было дѣло съ пріобрѣтеніемъ денежныхъ средствъ, нужныхъ въ значительной тогда суммѣ, но неимѣвшихся у Ивана Федорова. Видно, однако, что интеллигентному мѣщанству польза этого культурнаго дѣла была понятнѣе. Возможно, что оно въ этомъ отношеніи поддавалось просвѣщенному вліянію князя А. М. Курбскаго.[36]) Уже въ началѣ 1573 г. Ивану

---

[34]) Часть этого отрывка-повѣствованія взята Иваномъ Федоровымъ чуть ли не буквально изъ перваго посланія князя Андрея Мих. Курбскаго къ Ивану Грозному, написаннаго въ 1563 г. и гласившаго въ относ. мѣстѣ: »На испросихъ умиленными глаголы, ни умолихъ тя многослезнымъ рыданіемъ и не исходатайствовахъ отъ тебя никоея-жъ милости архіерейскими чинами«. (»Сказанія кн. А. М. Курбскаго«, СПБ., 1833 г., ч. II, стр. 5). Заимствованіе это также одно изъ многихъ доказательствъ сильнаго вліянія писаній князя Курбскаго на тогдашніе книжническіе круги юго-западной Руси.

[35]) Львовскимъ правосл. епископомъ былъ тогда и жилъ во Львовѣ ставленникъ короля Сигизмунда III, Іоаннъ Осмѣловскій. Позднѣйшій же льв. епископъ Гедеонъ Балабанъ, королемъ не утвержденный, жилъ тогда въ Стрятинѣ или же въ Галичѣ. Тогда уже вводилась роковая практика выигрыванія одного кандидата въ епископы противъ другого, чтобы отъ нихъ добиться большей уступчивости разнымъ требованіямъ и ограниченіямъ епископской власти.

[36]) Бѣжавшій изъ московскаго царства отъ опалы Ивана Грознаго въ Литовскую Русь, въ 1563 или 1564 г., князь Андрей Михайловичъ Курбскій (род. ок. 1528 г., ум. въ маѣ 1583 г. въ Ковлѣ), потомокъ князей ярославскихъ, авторъ знаменитыхъ посланій къ Ивану Грозному, имѣлъ во время своего долголѣтняго пребыванія въ литовско-русскомъ государствѣ до конца жизни (т. е. полныхъ

Федорову удалось получить въ займы, у львов. мѣщанина Сенька Сѣдляра, друга князя А. М. Курбскаго, 700 золотыхъ, которые и употреблены были на устройство впервые открываемой во Львовѣ печатни. И слѣдующіе потомъ Ивану Федорову предоставляемые кредиты львовскими мѣщанами, вѣроятно братчиками Успенской церкви, показываютъ все растущую заинтересованность братчиковъ въ его культурномъ и для народной самозащиты важномъ предпріятіи.

Вскорѣ, ибо 25 февраля 1573 г. въ этой печатнѣ „начася книга друковати, рекомый, Апостолъ, въ богоспасаємомъ градѣ Львовѣ", какъ въ этомъ Апостолѣ и сказано, и закончено печатаніемъ почти годъ спустя, именно 15/25 февраля 1574 г., въ л., на 278 лл.; это не только первая русская изъ печатни во Львовѣ

---

20 лѣтъ), значительное вліяніе на русскую культурную, церковную и общественную жизнь въ Литовской Руси вообще, и на Волыни, а также въ Галичинѣ въ частности. И въ Москвѣ, по тогдашнему, князь былъ высокообразованнымъ человѣкомъ, близкимъ другомъ Максима Грека и знакомцемъ жившихъ тамъ выходцевъ изъ Запада, бѣло- и малороссовъ. Получивъ отъ польскаго короля на русскихъ земляхъ помѣстья, кн. Курбскій еще пополнилъ свое образованіе (научился, м. пр., латинскому языку), знакомился съ чужестранными литературами и самъ былъ литераторомъ: переводилъ съ греческаго святоотеческія книги и писалъ свои, оригинальныя сочиненія. Главнѣйшія произведенія его: »Исторія князя великаго московскаго«, »Исторія флорентійскаго собора«, »Посланіе къ Ивану Многоученому« (полемическое сочиненіе противъ католичества и лютеранства), »Посланія къ Ивану Грозному«. Появившіяся въ юго-зап. Руси цѣлый рядъ новыхъ (Кривого и др.) переводовъ Евангелія и вообще Новаго Завѣта во второй полов. XVI в. несомнѣнно былъ вызванъ, если не прямымъ его участіемъ въ ихъ редакціи, то его совѣтами и поощреніемъ. Не безъ литературнаго и общественнаго значенія и вліянія на современниковъ были его письма къ кн. К. К. Острожскому, Марку Сарыгозину, Козьмѣ Мамоничу, Федору Бокею, княгинѣ Чарторыжской и др.

Дворецъ А. М. Курбскаго въ Миляновичахъ, возлѣ Ковля, былъ всегда оживленнымъ, культурнымъ средоточіемъ, въ которомъ собирались и объединялись научныя и литературныя силы юго-западной Руси и въ которомъ находили пріютъ и защиту другіе бѣженцы изъ московскаго царства.

Онъ посвятилъ эти послѣдніе 20 лѣтъ своей жизни защитѣ православія и распространенію и укрѣпленію просвѣщенія въ юго-западной Руси. Былъ въ перепискѣ и вообще въ сношеніяхъ съ братчиками (Семенемъ Сѣдляромъ и др.) и монахами (Миною и др.) во Львовѣ и Вильнѣ, и особенно близкимъ другомъ и сотрудникомъ кн. К. К. Острожскаго въ его культурныхъ начинаніяхъ вообще и въ редакціонно-издательскихъ и печатныхъ планахъ и дѣлахъ въ частности.

Много значилъ его просвѣщенный и русскій патріотическій авторитетъ для другихъ выходцевъ изъ московскаго царства, осѣвшихъ на русскихъ земляхъ въ Польшѣ и принимавшихъ участіе въ мѣстной культурной работѣ (напр. извѣстнаго старца Артемія, Ѳеодосія, кн. М. Волконскаго и др.). Благотворны и велики были его роль и посредничество въ сношеніяхъ и культурномъ обмѣнѣ юго-западной Руси и сѣверо-восточной (московской).

Имѣются вѣскія основанія для предположенія, что не безъ его вліянія львов. братчики поддерживали Ивана Федорова съ самого начала, послѣ его пріѣзда во Львовъ, и не безъ его совѣта затѣмъ пригласилъ его къ себѣ въ Острогъ кн. К. К. Острожскій.

Вообще приходится сказать, что культурныя заслуги князя А. М. Курбскаго для юго-западной Руси огромны, во всякомъ же случаѣ онѣ гораздо и несравненно больше и важнѣе, чѣмъ нынѣ у насъ принято признавать, напр., въ учебникахъ »мовы и письменства«, гдѣ отводится много мѣста ничтожнымъ »письменникамъ«, а гдѣ фамилія кн. Курбскаго еле упоминается, если вообще упоминается.

и вообще на Галицкой Руси вышедшая книга, но и вообще первая, изданная во Львовѣ печатная книга.[37])

Если сопоставить и сличить этотъ первый львовскій печатный Апостолъ съ напечатаннымъ въ 1564 г. въ Москвѣ, то видно поразительное сходство письма обоихъ, такъ, что можно полагать, что, уѣзжая изъ Москвы, Иванъ Федоровъ вывезъ съ собой всѣ московскія черенки, которыми затѣмъ и напечаталъ львов. Апостолъ, съ тою же киноварью, уставною азбукою великорусскаго почерка и т. п.[38])

Вскорѣ Иванъ Федоровъ побывалъ съ примѣрниками этой только что напечатанной во Львовѣ книги въ Острогѣ, у К. К. Острожскаго, который и пригласилъ его, кажется уже весной того же 1574 г., къ себѣ на службу, съ заданіемъ основать для него, князя, печатню въ Острогѣ и развернуть ея дѣятельность возможно нашире, какъ представляетъ самъ Иванъ Федоровъ въ послѣсловіи Острожской Библіи 1581 г.: „Всесильный Богъ благоволый убо православному князю въ умъ сіе пріяти, да мнѣ, многогрѣшному и зѣло недостойному, повелит божественное слово всѣмъ повсюду тисненіемъ печатным предложити".

Приглашеніе это было Ивану Федорову тѣмъ болѣе лестно, заманчиво и выгодно, что по напечатаніи Апостола, обошедшагося въ финансовомъ смыслѣ весьма дорого, онъ нашелся въ стѣсненномъ матеріальномъ положеніи, какъ показываетъ то обстоятельство, что онъ не былъ въ состояніи 6 мая 1574 г. уплатить львов. мѣщанину Сеньку Сѣдляру свой долгъ въ 700 зол., а обязался возвратить ихъ только на Рождество того же года, причемъ, въ обезпеченіе этой претензіи передалъ ему часть своего движимаго имущества: примѣрники напечатанной книги и печатный станокъ, съ нѣкоторыми принадлежностями. По долголѣтнему же опыту зналъ уже, что для напечатанія новой книги нужно снова имѣть въ распоряженіи крупный капиталъ, который добыть во Львовѣ не легко.

[37]) Первая польская печатная книга во Львовѣ вышла нѣсколько лѣтъ позднѣе.

[38]) Такое большое сходство обоихъ Апостоловъ, московскаго и львовскаго, съ одной стороны указываетъ на устроеніе Иваномъ Федоровымъ львовской печатни по образцу московской, но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ другой, даетъ также отрицательный отвѣтъ на вопросъ, была ли какалнибудь печатня во Львовѣ до прибытія сюда Ивана Федорова, ибо невозможно представить себѣ, чтобы, борясь съ такими большими затрудненіями на первыхъ порахъ, онъ въ какойнибудь мѣрѣ не воспользовался чѣмъ-то, сдѣланнымъ здѣсь уже прежде въ этой области. Вопросомъ же этимъ интересовался рядъ изслѣдователей. Нѣкоторые (Зубрицкій, Бандтке, Пташицкій) предполагали, что какія-то пробы печатанія во Львовѣ до пріѣзда Ивана Федорова уже дѣлались, ибо онъ нашелъ себѣ здѣсь мастеровъ для вырѣзки черенокъ (Лаврина Филипповича), да и прежнія пробы въ Краковѣ и Вильнѣ могли вызвать нѣкоторый отголосокъ и во Львовѣ, но до сихъ поръ для обоснованія такого предположенія нѣтъ никакихъ документальныхъ данныхъ, ни печатныхъ произведеній, ни слѣдовъ, ни хоть бы скольконибудь имовѣрныхъ намековъ. Надпись же на надгробной плитѣ Ивана Федорова, что онъ, »Іоаннъ Ѳеодоровичъ, друкарь, москвитинъ, который своимъ тщаніемъ друкованіе занедбалое обновилъ«, относится къ печатнымъ пробамъ вообще (въ Краковѣ и въ Вильнѣ особенно).

Выѣздъ Ивана Ѳедорова въ Острогъ и основаніе тамошней княжьей печатни.

Осенью, кажется, того же 1574 г., Иванъ Федоровъ выѣхалъ на Волынь и поступилъ на службу къ князю К. К. Острожскому, который сначала, пока будетъ съорганизована и открыта печатня, назначилъ его, діакона, 2 марта 1575 г., „справцею" (управляющимъ) имѣній княжьяго Дерманскаго монастыря (Дермань въ 20 верстахъ отъ Острога) на мѣсто прогнаннаго управляющаго, мірянина, Михаила Джусы, только нареченнаго игуменомъ этого монастыря еще въ 1571 г., благодаря стараніямъ и поддержкѣ польской шляхты, но противъ воли князя и духовенства.

Изъ Волыни, однако, Иванъ Федоровъ, отъ времени до времени, пріѣзжалъ во Львовъ по своимъ личнымъ дѣламъ (нпр. продажѣ напечатанныхъ книгъ и др.) и дѣламъ организуемой въ Острогѣ печатни (оборудованія ея, подбора служащихъ). Частичная выплата долговъ и взыскиваніе своихъ претензій показываютъ, что онъ постепенно свертываетъ свои дѣла во Львовѣ. Завѣдываніе, однако, монастырскими имѣніями не было ни легкимъ, ни спокойнымъ.[39])

Осенью 1576 г. Иванъ Федоровъ, по желанію князя окончательно поселился въ Острогѣ и основалъ и устроилъ печатню въ замкѣ князя, гдѣ въ то же время была устроена и открыта также школа. Похожая на нее была позже открыта львовская братская школа при Успенской церкви,[40])

Въ то же приблизительно время, по порученію князя, Иванъ Федоровъ ѣздилъ, кажется, въ Молдавію и Турцію, для поисковъ и пріобрѣтенія списковъ Библіи, которую князь постановилъ напечатать въ своей новооснованной печатнѣ въ первую голову, конечно, въ исправленномъ видѣ на основаніи собранныхъ списковъ. [41])

---

[39]) Крестьяне монастырскаго села Кунина враждовали съ крестьянами сосѣдняго села Спасова, принадлежавшаго прежде гетману Г. А. Ходкевичу и затѣмъ вдовѣ по немъ, изъ-за владѣнія и пользованія частью угодій.

[40]) Школа эта, въ княжьемъ замкѣ, въ Острогѣ, достигла вскорѣ высокаго уровня, благодаря хорошей программѣ и постановкѣ ученія и обслуживанію ея лучшими учительскими силами съ русскаго сѣвера и юга, особенно въ 80-ыхъ и 90-тыхъ годахъ XVI в.; но вопросъ о томъ, была ли она даже коллегіей (или, какъ у насъ принято называть, академіей) не выясненъ и не рѣшенъ такъ и по сегодня, за неимѣніемъ вѣрныхъ данныхъ, изъ-за сравнительно недолгаго ея существованія и быстраго роста и превосходства надъ всѣми школами юго-западной Руси Кіевской Могилянской Коллегіи, позднѣ. академіи, основы которой все таки на дѣлѣ были положены въ Острогѣ, въ этой княжьей школѣ.

[41]) Подобно тому, какъ это было въ Москвѣ, такъ и въ этомъ случаѣ, въ Острогѣ, кн. К. К. Острожскому приходилось накоплять большое количество списковъ предположенныхъ къ печатанію текстовъ Библіи, причемъ это заданіе было на столько труднѣе, что имѣлось въ виду напечатаніе полной Библіи. Полной же Библіи на церковно-славянскомъ языкѣ тогда на Руси вообще еще не было. Напечатанная же Ф. Скориною была далеко не полной, да и не на церковно-славянскомъ языкѣ, а на бѣлорусско-малорусской языковой смѣси. Князь же Острожскій, несомнѣнно по внушенію горячаго поклонника и защитника церк.-

Одновременно съ собираніемъ этихъ списковъ, въ Острогѣ, у князя, собирались ученые, которые по его порученію ихъ исправляли, переводили на церковно-слав. языкъ чужеязычные тексты и редактировали Библію для печати — все, какъ и въ Москвѣ, — работа длительная, сложная и чрезвычайно отвѣтственная. Изъ среды этихъ ученыхъ назначались также учителя для открытой княземъ въ Острогѣ школы.[42])

Съ половины 1577 г. печатня начала свою дѣятельность. Управлялъ ею Иванъ Федоровъ, какъ „княжій печатникъ русскихъ книгъ" (Illustris Domini Ducis Ostroviensis et Palatini Kijoviensis librorum ruthenorum impressor), согласно титулу въ документахъ. Онъ подготовляетъ себѣ хорошихъ помощниковъ. Нѣсколько человѣкъ онъ уже себѣ подъучилъ раньше во Львовѣ, гдѣ его учениками были позднѣйшіе его преемники печатники: монахъ Мина, Гринь Ивановичъ, Семенъ (Сенько) Корунка, Сачко Сѣдляръ и др. Теперь, въ Острогѣ, кругъ его учениковъ и помощниковъ былъ шире и изъ ихъ среды впослѣдствіи набирались печатники для печатенъ не только юго-западной, но и сѣверо-восточной Руси.

Осенью 1579 г., когда печатня въ Острогѣ уже дѣйствовала, а прежніе львовскіе и внѣльвовскіе долги Ивана Федорова до крайности одолѣвали и выплатить ихъ не было возможности, онъ, вдвоемъ со своимъ сыномъ Иваномъ, называемымъ Переплетчикомъ, заложилъ во Львовѣ, у еврея Израиля Якубовича за 411 зол. 140 штукъ русскихъ книгъ и всѣ во Львовѣ оставшіяся печатныя принадлежности: черенки, формы и т. д.)

слав. языка кн. А. М. Курбскаго постановилъ напечатать всю Библію на этомъ языкѣ. Поиски, собираніе и сличеніе разныхъ ея списковъ производились уже съ 1570 г. Князь старался получить прежде всего изъ Москвы древнѣйшій русскій списокъ Библіи новгородскаго архіеп. Геннадія (1489—1499 гг.) чрезъ своего друга, канцлера вел. княжества литовско-русскаго Михаила Гарабурду, сносившагося съ Москвой и ѣздившаго туда въ составѣ посольствъ въ 1570, 1572 и 1573 гг. (См. Харламповичъ: Зап.-русскія школы, Казань, 1898, стр. 240; Д. Абрамовичъ: Къ литературной дѣятельности иноха Исаіи Камянчанина, СПБ., 1913, въ »Памятникахъ древней письменности«, № 181), и въ концѣ концовъ Мих. Гарабурда получилъ этотъ списокъ отъ царя Ивана Грознаго и доставилъ кн. Острожскому, что и отмѣчено въ предисловіи къ Острожской Библіи 1581 г. Назначенная княземъ редакціонная комиссія имѣла въ своемъ распоряженіи списки Библіи изъ Москвы, Константинополя, Аѳона и др. центровъ правосл. Востока, русскіе, греческіе, болгарскіе, сербскіе, и латинскіе изъ зап. Европы.

42) Князь К. К. Острожскій окружилъ себя учеными людьми того времени, содерживалъ ихъ на свой счетъ и распредѣлялъ и поручалъ имъ работы. Особенно выдающимися между ними считались извѣстные талантливые православные проповѣдники и полемисты противъ католичества и лютеранства: Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій, оо. Василій и Даміанъ и Христоферъ Филаретъ. У него бывали и жили эмигранты изъ московскаго царства, проѣздомъ же на Русь и обратно, останавливались и по-долгу живали у него путешественники и посланцы, духовные и міряне, изъ Молдаво-Валахіи, отъ южныхъ славянъ, изъ Турціи и подчиненныхъ ей странъ балканскихъ и малоазіатскихъ. Изъ этихъ странъ, проѣздомъ въ Москву, Кіевъ, Львовъ, гостили у князя и совѣщались съ нимъ восточные православные патріархи, митрополиты и др. іерархи. При немъ г. Острогъ фактически сталъ столицей юго-зап. Руси, гдѣ выносились самыя важныя постановленія и откуда далеко и широко расходились указанія и распоряженія, под-

Въ началѣ 1580 г. началось печатаніе знаменитой Острожской Библіи, законченное 12 іюля того же года, какъ въ ней же и записано: „Напечатана бысть книга, глаголемая Библія, въ богоспасаемомъ градѣ Острозѣ, многогрѣшнымъ и недостойнымъ рабом Иваном Ѳеодоровым сыном Москвитиномъ В лѣто от созданія миру 7088, а от воплощенія Господа Бога и Спаса нашего Ісуса Христа 1580, мѣсяца іюля 12 день", но она выпущена тогда въ міръ не была, а только въ слѣдующемъ, т. е. 1581 г., и первой книгой Острожской печатни не была. Первою ея книгой былъ Новый Завѣтъ съ Псалтыремъ, вышедшій въ сентябрѣ 1580 г., какъ въ предисловіи и значится, что это: „первый овощъ отъ дому печатнаго Острозскаго". И только въ отмѣткѣ отъ 12 августа 1581 г. указано, что книга Библія „напечатася многогрѣшным Іоанном Ѳеодоровымъ сыномъ зъ Москвы, въ богохранимомъ градѣ Острозѣ".

Въ Острогѣ затѣмъ Иванъ Федоровъ оставался и работалъ въ княжьей печатнѣ еще и 1582-ой годъ, но въ концѣ этого года оставилъ ее и Острогъ и, взявъ нѣсколько сотъ примѣрниковъ Острожской Библіи, выѣхалъ во Львовъ.[43])

Очутившись во Львовѣ, Иванъ Федоровъ снова силится во что бы то ни стало завести свою собственную печатню. Но средствъ на это у него нѣтъ. Есть большіе долги. Выручка изъ крайне медленной продажи примѣрниковъ Библіи даетъ ему мало, недостаточно даже для содержанія себя и семьи. Тяжбы и секвестры разоряютъ его въ конецъ. Чтобы добыть необходимый для печатни капиталъ, Иванъ Федоровъ готовъ взяться за любую работу.[44]) И все же заключенный имъ 26 февраля 1583 г. договоръ съ Гринемъ Ивановичемъ о выдѣлкѣ черенокъ показываетъ, что Иванъ Федоровъ собирается открыть во Львовѣ, хотя, вѣроятно, съ помощью братчиковъ, печатню. Осуществить этотъ планъ Ивану Федорову уже не удалось. Житейскія невзгоды, тяжелыя

держка и заступничество въ дѣлахъ защиты русской народности и православной вѣры. Въ частности, и въ свое издательское дѣло князь вложилъ огромный капиталъ, покровительствовалъ ему и поддерживалъ его щедро и мощно до самой своей кончины 13. февраля 1608 г. (Объ Острогѣ, какъ русскомъ культурномъ центрѣ, см. Рус. Историч. Библіотека, т. IV, СПБ., 1878, стр. 1136—37; Акты Зап. Россіи, т. IV, стр. 216).

[43]) Между нимъ и княземъ вышла, повидимому, изъ-за чего-то распря, возможно, что изъ-за дѣлежа и продажи всего завода напечатанныхъ примѣрниковъ Библіи, ибо, когда Иванъ Федоровъ находился при смерти и на все его имущество за долги былъ наложенъ арестъ, въ числѣ кредиторовъ-взыскателей выступилъ чрезъ своего уполномоченнаго и князь и отступилъ только позже, уже послѣ смерти Ивана Федорова.

[44]) Въ этомъ отношеніи показателенъ хотя бы такой эпизодъ: кажется въ началѣ января 1583 г. Иванъ Федоровъ, вмѣстѣ съ львов. мѣщанами Даніиломъ Пушкаремъ и Сапкомъ Сеньковичемъ Сѣдляромъ выѣхалъ въ Краковъ и получилъ 9 января отъ короля Стефана Баторія заказъ вылить небольшую военную пушку, возмѣщеніе расходовъ поѣздки и королевскій ордеръ къ львовскому старостѣ на 120 зл. О дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла ничего не извѣстно. Во всякомъ случаѣ самый этотъ фактъ такого королевскаго заказа свидѣтельствуетъ о большихъ дарованіяхъ и смѣтливости Ивана Федорова.

переживанія, судебная волокита, долги и нужда, сломили эту энергичную, и, казалось, несокрушимую натуру. Поздней осенью того же года онъ „впаде в болезнь ко смерти“, какъ писалъ о немъ два года спустя епископъ Гедеонъ Балабанъ.

Умеръ Иванъ Федоровъ во Львовѣ 5 или 6 ст. ст.[45]) декабря 1583 г., на Подзамчьѣ, и былъ похороненъ въ оградѣ Свято-Онуфріевскаго монастыря. Нѣсколько лѣтъ позже, заботами и хлопотами его сына Ивана Переплетчика (называемаго также Друкаревичемъ) и, кажется, при поддержкѣ со стороны Ставропигійскаго Успенскаго Братства, была на его могилѣ помѣщена скромная надгробная плита съ важною для біографіи и исторіи дѣятельности покойнаго надписью. Пока эта плита находилась на могилѣ Ивана Федорова, съ нея сдѣланы были рисунки игуменомъ Св.-Онуфріевскаго монастыря о. М. Гриневецкимъ въ 1817 г. и затѣмъ много позднѣе, въ 1875 г. археологомъ гр. Уваровымъ гипсовый оттискъ. Надпись на плитѣ — по скольку ее прочесть удалось — гласила: „Іоаннъ Ѳеодоровичъ друкарь Москвитинъ, который своимъ тщаниємъ друкованіє занедбалоє обновилъ... друкарь книгъ предтымъ невиданыхъ... преставися року 1583 декабря 6 (5)...“ Цѣнный этотъ памятникъ, въ началѣ 80-хъ годовъ преступно уничтоженный, исчезъ безслѣдно.

Надгробной плитѣ Ивана Федорова посвященъ цѣлый рядъ изслѣдованій. Она уже къ 1860 г. находилась въ составѣ плитъ церковнаго пола Св.-Онуфріевскаго храма, какъ указываетъ въ своей замѣткѣ Я. Ф. Головацкій въ альманахѣ п. з. „Зоря Галицкая яко альбумъ на 1860 годъ“, стр. 472: „Я осматривалъ правѣ уже забытый тотъ памятникъ (Ивана Федорова). Онъ лежитъ по правой сторонѣ входя въ церковь Св. Онуфрія, подъ лавками, на немъ стоящими, вставленный въ каменный полъ. Состоитъ изъ четыреугольной плиты пѣсчанника полтретья аршина долгой, а $1^1/_5$ аршина широкой, на которой зъ лицевой стороны во двохъ паралельныхъ обводкахъ выкована врѣзная круговая надпись. Сторона отъ запада совсѣмъ истерта, що не можно отчитати ничего, отъ сѣвера читается: (к)ичь дрꙋкарь москви(ти)нъ которыи своимь. тщаниемь. дрꙋ (зъ восточной стороны) кованиє занедбалоє (далѣе зъ южной стороны) обновиль. преставися въ Л(ков)и рокꙋ афпг. д. є. Наконецъ еще за одитъ надпись на западную сторону: дех. м. Прочое вытерто или вытоптано ногами. Въ серединѣ гербъ сходный съ изображенымъ на концѣ Острожской библіи, выпукло выдѣланный съ буквами по бокамъ вырѣзанными: І. Ѳ. Верху него надъ узловатымъ украшеніемъ якаясь надпись, изъ которой только отчитати можно во второй строцѣ: ы ними, въ третьей: зъмствыхъ чаю. Ниже герба подобнымъ же узломъ вырѣзаны слѣдующіи слова — 1-а строка: Дрꙋкарь книгь, 2-я строка: предь тымь не ви, 3-я стр.:

[45]) День кончины установить трудно изъ-за разночтеній обозначающей этотъ день церковно-славянской цифры на надгробной плитѣ Ивана Федорова, пока эта плита еще была цѣла и находилась на своемъ мѣстѣ; одними эта цифра была прочитана какъ »есть«, другими какъ »зѣло«, иные же источники не даютъ такой увѣренности, чтобы можно остановиться на одной изъ этихъ двухъ цифръ.

данныхъ. Буквы надписи наши уставныи по обыкновенію лапидарнаго почерка часто соединены по двѣ или три. Понеже камень розломаный на серединѣ, то нѣкоторыи буквы надписи выкрушились".

А. С. Петрушевичъ въ своей „Сводной Галицкорусской Лѣтописи съ 1600 по 1700 годъ", Львовъ, 1874 г., стр. 556, прочелъ на этой плитѣ: „преставися року 1583 декабря 6", такъ же и гр. Уваровъ. Въ своей же статьѣ п. з. „Иванъ Ѳедоровъ, русскій первопечатникъ. Историческо-библіографическое разсужденіе, Львовъ, 1883 г.", стр. 1—38 во Временникѣ Ставроп. Института на 1884 г., Петрушевичъ пишетъ: „Надгробный камень находится въ притворѣ близь главныхъ дверей съ правой стороны, подъ стѣною, закрытъ теперь скамейками. Камень сей находился нѣкогда извнѣ церкви и сюда позднѣе употребленъ былъ для вымощенія пола во притворѣ". Уже снятіе этой плиты съ могилы и умѣщеніе въ полъ въ притворѣ, подъ скамейками и ногами посѣтителей церкви, было хуже чѣмъ легкомысленной небрежностью. Тѣмъ паче, что еще проф. М. П. Погодинъ, въ письмѣ отъ 12 октября 1837 г., умолялъ игумена монастыря, о. В. Компаневича вынуть эту плиту изъ пола и сохранить невредимой. Но кощунственнымъ поступкомъ и наказуемымъ преступленіемъ было совершенное уничтоженіе ея, полную отвѣтственность за которое несутъ хозяева монастыря, оо. василіане.[46])

---

[46]) Исчезла эта плита внезапно и загадочно. За нѣсколько дней до торжественнаго празднованія 300-лѣтней годовщины смерти Ивана Федорова, 6 декабря 1883 г., русскихъ львовянъ какъ громъ поразила вѣсть, что, во время ремонта монастырской церкви лѣтомъ того же года, находящаяся въ полу ея притвора эта плита исчезла. Съ возмущеніемъ писалъ объ этомъ фактѣ Руславъ (псевд. О. А. Мончаловскаго) въ ст. п. з. »Трехсотлѣтняя годовщина кончины Ив. Федорова« въ газ. »Слово« н-ръ 132 отъ 1-го декабря 1883. Такъ какъ А. С. Петрушевичъ видѣлъ ее въ полу еще лѣтомъ того же года, то было ясно, что исчезла она недавно. Оправдываясь крутарски, игуменъ м-ря о. Климентъ Сарницкій разсказывалъ, что эта плита, будто бы уже на половину уменьшенная, вдѣлана въ стѣну церкви, у алтаря. Затѣмъ, будто бы зодчій Ив. Левинскій, производя въ 1903 г. пристройки, при той же стѣнѣ съ плитой Ив. Федорова, воздвигнулъ новую стѣну такъ, что ею закрылъ то мѣсто (съ плитой). Разслѣдованіе особой комиссіи укр. Наук. Товарищества ім. Шевченка въ 1924 г. было безрезультатно. Впрочемъ же и до войны ходили слухи, что плита была уничтожена, не то сама собой разсыпалась, не то была разбита рабочими при ремонтѣ церкви. Чѣмъ объяснить или же чѣмъ объяснялось такое жестоко-дикое отношеніе даже къ надгробной плитѣ такого для культуры Галицкой Руси заслуженнаго мужа второй полов. XVI. в.? Въ довоенное время, въ галицко-русской печати, было единодушно высказано убѣжденіе, что только что »среформованные« іезуитами василіане уничтожили ее только потому, что Иванъ Федоровъ былъ русскій и православный. Что это такъ, доказываютъ и всѣ послѣдующія проявленія слѣпой ненависти украинствующихъ василіанъ къ русскимъ и Руси. Подтверждаетъ это также интересный обмѣнъ мнѣній въ укр. печати въ 1924—25 гг., когда д-ръ В. Щуратъ взялся защищать (неудачно) василіанъ въ связи съ этимъ дѣломъ. Въ своемъ отвѣтѣ ему, въ журн. »Стара Україна«, I—II, 1925, стр. 29—30, проф. И. Огіенко пишетъ: »В. Щурат пише, що василіяне боялися, щоб їх не запідозрили в нахилі до схизми й москвофільства«, бо то був час, коли розпочинати якунебудь акцію в звязку з православним Федоровим і пригадувати польським кругам культ його, піддержуваний москалями, не було василіянам ані вказане, ані безпечне« (Записки Чина СВВ.,

Въ печальной судьбѣ даже этой могильной плиты Ивана Федорова и еще больше въ перенесенныхъ имъ при жизни мытарствахъ и саможертвенныхъ сверхсильныхъ трудахъ для этого новаго въ то время на Руси великаго культурнаго дѣла, и, наконецъ въ его сиротливой кончинѣ, отобразились живо, какъ въ зеркалѣ, тяжелыя судьбы и дорого стоющія героическія усилія и незмѣрныя жертвы всего русскаго народа въ подвигахъ и борьбѣ за высшія культурныя достиженія и цѣнности, которыя — такъ же, въ годину его обезсиленія и катастрофы, вражьей стихіей люто уничтожались и уничтожаются.

Участь Ивана Федорова была поистинѣ трагической, не столько изъ-за гоненій и преслѣдованій, сколько изъ-за лишенія его необходимой поддержки со стороны, въ рѣшающіе моменты, въ его эпохальномъ дѣлѣ, книгопечатаніи, которому онъ до конца жизни былъ преданъ всецѣло и служилъ честно и добросовѣстно. Трагизмъ былъ въ томъ, что для успѣха и удачи этого дѣла недостаточно было его таланта, преданности и добросовѣстности, а нужны были еще и громадныя матеріальныя средства, т. е. то, что уже зависѣло не отъ него и что пріобрѣсти и дать не могъ онъ, скромный, убогій и семейный діаконъ-скиталецъ, а только дать могли, такъ же какъ онъ, понимающіе и любящіе это дѣло, просвѣщенные богачи-меценаты. Такими меценатами были: въ Москвѣ царь Иванъ Грозный, пока не сорвала этого дѣла завистниками подстрекнутая толпа, въ Заблудовѣ гетманъ Г. А. Ходкевичъ, пока къ нему не охладѣлъ, во Львовѣ мѣщане-братчики, пока ихъ средства не исчерпались, въ Острогѣ князь К.К. Острожскій, пока не дошло до розмолвки.

Личность Ивана Федорова.

Жаль, что для жизнеописанія и характеристики личности общерусскаго первопечатника въ источникахъ находится мало данныхъ, да и тѣ, которыя попадаются, имѣютъ отношеніе скорѣе къ его печатному занятію чѣмъ къ нему самому. Самъ же Иванъ Федоровъ, въ своей скромности, уподобляющейся смиренности монаховъ-переписчиковъ, такъ же какъ они, если и упоминаетъ что-то о себѣ, то только въ связи съ напечатанными и печатаемыми книгами. Но и на основаніи этого, крайне скуднаго матеріала можно кое-что о его личности сказать.

Это была широкая русская, точнѣе великорусская натура, съ великорусскими практичностью, смѣтливостью, предпріимчивостью и стремительностью. Идеалистъ, вѣрящій въ успѣхъ и удачу дѣла,

---

т. I, ст. 132—140, цитата ст. 137). Отже коротко й ясно: Хведорович був православний, а тому... і т. д. З цього б власне й починати треба було... Але д. Шурат підкреслює тут лише два моменти, коли василіяне боялися цього підозріння »в нахилі до схизми« — рр. 1835—1838 та 1833 р.; але цікаво б знати, чому ж плити Хведоровича не перенесли до відповідного місця в інші роки? А час же на це був... Чи може »підозріння« тревало й тревае аж до сьогодня?« — заключаетъ справедливо проф. Огієнко.

но не отчаивающійся и не опускающій рукъ въ случаѣ его провала. Онъ, вѣроятно, человѣкъ дюжій, здоровый духомъ и тѣломъ, съ діаконскимъ басомъ, высокаго роста, и, въ общемъ, такой, какимъ изображенъ въ памятникѣ въ Москвѣ, воздвигнутомъ въ 1883 г., и нынѣ, согласно газетнымъ извѣстіямъ, перенесенномъ большевиками изъ центра куда-то подальше. Онъ готовъ подчиняться, слушаться и служить другимъ, по скольку и они служатъ его любимому дѣлу, но и съ рѣшимостью — все бросить и уйти, когда обнаружилъ противное и разочаровался. И тогда ничѣмъ его не уймешь, не соблазнишь, не купишь. Онъ и на службѣ тогдашнимъ всевластнымъ и прихотливымъ вельможамъ отстаивалъ свою личную и дѣловую независимость. По тому поводу и также по вспыльчивости своей натуры и прямотѣ душевной онъ иногда и съ близкими людьми не ладилъ, а то и остро сталкивался.[47])

Его увлеченіе новоизобрѣтеннымъ массовымъ производствомъ книгъ захватило и нѣкоторыхъ львовскихъ мѣщанъ, которые, поэтому, дарили его довѣріемъ и кредитовали, но съ опаской, боясь риска, ибо сразу вложить въ это дѣло нужно было большія суммы, а выручка изъ продажи новыхъ книгъ могла давать мало, не скоро, а то и не дать совсѣмъ ничего.

Для львовской Руси этотъ московскій бѣженецъ, со своимъ печатнымъ мастерствомъ, былъ неоцѣнимымъ культурнымъ пріобрѣтеніемъ, но она узнала ему цѣну и признала его заслуги только послѣ его кончины.

Пособная роль княжьей Острожской печатни.

У Ивана Федорова счастлива была рука въ томъ смыслѣ, что разъ имъ гдѣ-то налаженная, но съ его уходомъ и наконецъ смертью пошатнувшаяся печатня уже не падала окончательно, но вскорѣ поднималась, дѣйствовала и развивалась. Такъ было въ Москвѣ и въ Виленщинѣ, такъ было въ Острогѣ и во Львовѣ. Пока львовская была отъ еврея выкуплена и возстановлена, острожская продолжала работать и, какъ такъ затѣмъ находилась со львовской въ особыхъ сотрудническихъ отношеніяхъ, то нельзя не упомянуть о ней хотя бы вкратцѣ.

Въ противоположность многимъ, въ Галичинѣ и на Волыни въ разное время возникшимъ печатнямъ, конкурирующимъ и борющимся съ львовскою братскою печатнею, эта княжья въ Острогѣ была единственная ей дружественной, помощной и выручной. Обѣ онѣ обмѣнивались печатописьмами, печатниками и подготовляемыми къ печати матеріалами. Все это потому, что владѣлецъ

---

[47]) Напр., во время завѣдыванія имѣніемъ Дерманскаго м-ря съ экономами и крестьянами. Мѣщанинъ львов. Подзамчья, Яковъ Суконникъ, 10 мая 1582 г. предсталъ передъ город. судьей съ жалобой на »Ивана Друкаря«, за то, что нанесъ ему двѣ раны, тогда же на допросѣ и показанныя. (С. Л. Пташицкій: Иванъ Федоровъ, московскій первопечатникъ. Очеркъ по архивнымъ матеріаламъ. »Русская Старина«, т. 41 за 1884г., кн. 3 (мартъ), стр. 461—478, п-ръ 17).

острожской печатни, кн. К. К. Острожскій былъ всегда въ хорошихъ отношеніяхъ съ львовскимъ православнымъ Успенскимъ Братствомъ. По княжьему ли внушенію или же самъ собой установился естественный и мудрый раздѣлъ зданій обѣихъ печатенъ: львовская братская печатала преимущественно (за рѣдкими исключеніями) церковно-богослужебныя книги, а княжья острожская — полемическія книги, брошюры и посланія противъ уніи, на печатаніе которыхъ львовская братская, боясь потерять королевскіе привилеи и опасаясь конфискацій и преслѣдованій, никогда не могла бы себѣ позволить.

Въ такихъ же близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ находилась княжья печатня и съ виленской печатней, которая, подражая ей и пользуясь покровительствомъ и защитой нѣкоторыхъ литовско-русскихъ православныхъ вельможъ, также печатала иногда (изрѣдка) такія же полемическія сочиненія, что, однако, обходилось ей слишкомъ дорого. За напечатаніе, нпр., въ 1610 г. полемическаго сочиненія Мелетія Смотрицкаго п. з. „Θриносъ, сирѣчь плачъ Восточной Церкви", эта печатня была даже на нѣкоторое время закрыта.[48]) Она иногда печатала ихъ тайно, не обозначая въ нихъ мѣста изданія.

Одинъ только всемогущій кн. К. К. Острожскій, въ одно время первый кандидатъ на польскій королевскій тронъ, никогда не старался получить королевскій привилей на свою печатню, никогда и нигдѣ не предъявлялъ ее къ какой бы ни было оффиціальной регистраціи, и печаталъ въ ней, что хотѣлъ, и никто не дерзалъ ему въ этомъ препятствовать, хотя іезуиты на это жаловались.[49])

Съ другой стороны, конечно, князя Острожскаго величали церковныя братства въ письмахъ и писатели въ панегирикахъ, отмѣчая особенно дѣятельность его печатни. Въ годъ изданія Библіи, 1581-ый, его прославилъ редакторъ этого ея изданія, Герасимъ Смотрицкій (отецъ Мелетія[49а]). Знаменитый же галицко-русскій полемистъ первой пол. XVII в., Захарія Копыстенскій, писалъ въ своей „Палинодіи" о кн. К. К. Острожскомъ: „Онъ первый межи княжаты Роскими — великій заступъ и потѣха всего народу Роского, муръ желѣзный на окраинахъ, слава и свѣча ясносвѣтлая", потому что онъ „знаменитое добродѣйство церквамъ показалъ и учинилъ, же през магистерство типографіи книгъ богословскихъ выдалъ немало, презъ што Церковъ Христова будуется не только ту въ Россіи, але и по иныхъ краинахъ сполвѣр-

[48]) По особому распоряженію короля Сигизмунда III эта книга была изъята изъ продажи и уничтожена, а напечатавшая ее виленская печатня была закрыта и отобрана у ея владѣльца.

[49]) Между прочимъ, въ 1581 г. іезуитъ Поссевинъ писалъ, что »эти князья, Острожскій и Слуцкій, имѣютъ свои печатни и школы, которыми далеко и повсюду распространяется схизма« (Habent ii duces, quales sunt Ostrogiae et Slucensis, typographias et scholas, quibus longe lateque schisma favetur). (К. В. Харламповичъ: Зап.-рус. православ. школы, стр. 243).

[49а]) Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій, подолянинъ-шляхтичъ, сначала секретарь город. управы Каменецъ-Подольска, затѣмъ подскарбій кн. К. К. Острожскаго. Преподаватель, б. м. даже ректоръ Острожской школы. Онъ — одинъ изъ главныхъ редакторовъ Острожской Библіи. (И. Огіенко, указ. соч.).

ныхъ намъ народовъ (Рус. Историч. Библіотека, т. IV, стр. 1135 и 1137, СПБ., 1878 г.).[50])

Въ то время уже эта вспомогательная роль княжьей Острожской печатни учитывалась и подчеркивалась ярко заявленіями, что она сдѣлала очень много въ то время, когда „никто же можетъ стати противу ярости врага", ибо, какъ отмѣчено въ той же „Палинодіи" далѣе, „коли кто изъ нашихъ, особливо противъ латинниковъ, выдастъ книгу, теды такового преслѣдовати и през зверхность свѣцкую опримовати (угнетать) не встыдаются".

Послѣ смерти, однако, кн. К. К. Острожскаго, 13 февраля ст. ст. 1608 г.[51]), скоро пали его печатня, школа, научно-литературный кружокъ и рядъ другихъ культурныхъ учрежденій.

Выученики Ивана Федорова, послѣ его ухода, продолжали работать въ княжьей печатнѣ, и одинъ изъ нихъ, о. Василій, былъ долгое время (до 1598 г.) ея завѣдующимъ.

За нѣсколько лѣтъ до своей кончины, князь, уже немощный старикъ, учитывая, конечно, что его сынъ и дочь — уже католики, и желая обезпечить и упрочить свою печатню на будущее время такъ, чтобы она дѣйствовала въ томъ же духѣ и по той же программѣ и послѣ его смерти, перевелъ ее изъ Острога въ Дермань и устроилъ ее при тамошнемъ монастырѣ. Работалъ въ ней тамъ и затѣмъ былъ ея завѣдующимъ хорошій печатникъ, о. Даміанъ, братъ гетмана Наливайка.

Какъ будто бы въ назиданіе позднѣйшимъ печатникамъ-преемникамъ этотъ прекрасный примѣръ согласованнаго сотрудничества львовской и острожской печатенъ разрѣшалъ уже впередъ

---

[50]) Авторъ »Палинодіи«, Захарія Копыстенскій, происходилъ изъ перемышльскихъ дворянъ. Учился въ львовской братской школѣ и въ польскихъ коллегіяхъ. Путешествовалъ по Молдаво-Валахіи и др. странахъ. Въ 1616 г. онъ былъ уже членомъ кіевскаго церк. братства. Въ 1625 г. онъ сталъ кіево-печер. архимандритомъ. Главныя его сочиненія, кромѣ »Палинодіи«: »Книга о вѣрѣ« 1619 г. (противъ протестантовъ) и »Бесѣды Іоанна Златоуста на Дѣянія св. Апостолъ« 1624 г. Написанная же имъ въ 1621—22 гг. »Палинодія« противъ изданной въ 1617 г. книги »Оборона уніи« и принадлежащая къ лучшимъ полемич. сочиненіямъ двухъ столѣтій, не могла быть нигдѣ напечатана и ходила по рукамъ только въ спискахъ. Значеніе ея въ богословскомъ, историческомъ и научно-литературномъ отношеніяхъ весьма велико. Впервые она напечатана была только въ 1878 г. въ СПБ., въ IV т. Рус. Историч. Биб-ки.

[51]) Согласно записи въ львов. Св.-Онуфріевскомъ м-рѣ п-ръ 49 (Лимонарій Софронія): »Февруарія 13, в суботу первую св. Поста (1608 г.), преставися благочестивый князь Константинъ-Василій Острожскій, живъ 81 годъ«. Его сынъ и наслѣдникъ, краковскій каштелянъ, Янушъ (Иванъ) былъ уже католикъ и занимаетъ въ сочиненіяхъ польскихъ историковъ видное мѣсто. Онъ умеръ на 66-омъ году жизни 19 сентября 1620 г., не оставивъ мужескаго потомка. Онъ и послѣ своего перехода въ католичество, въ общемъ, къ культурнымъ православнымъ учрежденіямъ своего отца относился терпимо. Разрушила же ихъ и уничтожила его сестра и дочь К. К. Острожскаго, ранѣе Януша перешедшая въ римокатоличество, княгиня Анна Алоиза, замужняя Ходкевичъ. Она княжью русскую школу въ Острогѣ превратила въ іезуитскую коллегію, русскую печатню въ латинскую. Впрочемъ же эта печатня, уже какъ латинская, въ силу сложившихся условій и обстоятельствъ, не могла продолжать своей дѣятельности, быстро падала и вскорѣ совсѣмъ исчезла. Есть предположеніе, что остатки ея попали позже въ великолѣпно развивавшуюся кіевскую печатню (съ 1616 г.).

щекотливый вопросъ о будущихъ взаимоотношеніяхъ отдѣльныхъ печатенъ на нашей родинѣ удовлетворительно, въ томъ смыслѣ, что имъ предстоитъ и слѣдуетъ такимъ же образомъ раздѣлить между собой издательскія заданія и тогда откроется для всѣхъ самое широкое и благодарное поле культурной дѣятельности въ пользу всего русскаго народа, — и въ самомъ дѣлѣ всего, ибо тогда и еще долгое время потомъ, печатаемыя въ юго-западной Руси книги расходились также въ сѣверо-восточной свободно и въ большомъ количествѣ. Увы, этого не случилось и этотъ примѣръ не научилъ ихъ ничему. Въ теченіе долгихъ столѣтій здѣсь у насъ все возникающія и падающія печатни только подрывали львовскую братскую печатню, безъ пользы для себя и съ большимъ ущербомъ для русской культуры.

Выкупъ печатни Ивана Федорова львовскими Успенскими братчиками.

Самому Ивану Федорову, при жизни, не посчастливилось развернуть свою печатню въ большое и мощное печатно-издательское предпріятіе, но зато счастлива была его рука въ наученіи, управленіи и выведеніи въ мастера печатнаго дѣла ряда лицъ духовнаго званія и мірянъ, въ каждомъ мѣстѣ своей дѣятельности, т. е. въ Москвѣ, Заблудовѣ, Острогѣ и, наконецъ, во Львовѣ. Кромѣ того онъ тамъ повсюду пробуждалъ въ русскихъ людяхъ къ этому дѣлу интересъ, симпатіи и охоту продолжать его и поддерживать матеріально и нравственно.

Во Львовѣ прежде всего энтузіастомъ печатнаго дѣла былъ упомянутый уже первый кредиторъ Ивана Федорова и близкій другъ кн. А. М. Курбскаго,[52]) мѣщанинъ краковскаго предмѣстья, Семенъ (Сенько) Сѣдляръ, человѣкъ интеллигентный, просвѣщенный и пользующійся въ средѣ львовскаго русскаго мѣщанства уваженіемъ и вліяніемъ. Онъ отдалъ Ивану Федорову въ ученье своего сына Сачка Сѣдляра, который, послѣ смерти отца, почти одновременной со смертью Ивана Федорова, какъ его выученикъ, считалъ себя призваннымъ и способнымъ возобновить и продолжать его дѣло, тѣмъ паче, что, уплативъ послѣ смерти Ивана Федорова разные его долги, былъ также совладѣльцемъ заложеннаго его имущества въ видѣ печатнаго прибора и цѣлаго склада напечатанныхъ книгъ, особенно примѣрниковъ Библіи. Онъ и отчимъ его, также печатникъ и выученикъ Ивана Федорова, Семенъ Корунка, устроили вдвоемъ свою печатню и книжную лавку въ помѣщеніи, въ которомъ находилось это имущество

---

[52]) Объ этихъ близкихъ отношеніяхъ между ними свидѣтельствуетъ письмо кн. А. М. Курбскаго изъ Волыни къ Сеньку Сѣдляру въ январѣ 1580 г. Въ немъ, между прочимъ, князь обращается къ этому льв. рус. мѣщанину съ такими сердечными словами: »О превозлюбленный мой брате, правовѣріемъ украшенный! Єпистолію твою пріяхъ и прочтохъ и выразумѣхъ, и познахъ въ тобѣ искры, отъ Божественнаго огня возгореніемъ являемыя... Самъ потщися навѣдати мя, прошу тя, тогда благодать духа на помощь призвавши, усты ко устомъ бесѣдовати будемъ«.

Ивана Федорова, въ домѣ Ивана Бѣлдаги.[53]) О дѣятельности этой печатни извѣстно мало. Изъ документовъ, обнародованныхъ Бостелемъ, явствуетъ, что въ ней дополнительно были напечатаны недостающіе листы Острожской Библіи. Въ февралѣ 1588 г. эта печатня, вмѣстѣ со складомъ книгъ, продана была Сачкомъ Сѣдляромъ и Семеномъ Корункой мѣщанину Кузьмѣ Мамоничу въ Вильну. Но и этотъ эпизодъ недолгаго ея существованія вѣроятно убѣждалъ львовское русское мѣщанство въ томъ, что печатное наслѣдство Ивана Федорова можно будетъ удержать при жизни, развить и укрѣпить только своими общими силами и средствами.

Заложенныя и перезаложенныя у Израиля Якубовича печатныя принадлежности Ивана Федорова ждали послѣ его смерти себѣ купца и вскорѣ таковой явился въ лицѣ торговцевъ изъ его же родины, гдѣ, между тѣмъ, печатное дѣло уже укрѣпилось и дальше розвивалось благополучно. Именно осенью 1584 г., пріѣзжіе московскіе купцы хотѣли ихъ у еврея купить и вывезти въ Москву. Хотя на этомъ имуществѣ претензія Израиля Якубовича была достаточно обезпечена, ибо на относит. закладномъ листѣ находилась подпись также сына Ивана Федорова, Ивана Переплетчика (Друкаревича), еврей, желая имѣть полную свободу въ распоряженіи этимъ заложеннымъ у него имуществомъ, выхлопоталъ себѣ въ еврейскомъ кагальномъ судѣ во Львовѣ, 4 декабря 1584 г., приговоръ въ томъ смыслѣ, что всѣ эти вещи становятся его, Израиля Якубовича, собственностью, съ правомъ ихъ продажи.[54]) Встревоженные слухами о томъ, что эти вещи могутъ быть евреемъ проданы и вывезены въ Москву, братчики Успенской церкви и львовскій православный епископъ Гедеонъ Балабанъ[55]) постановили ихъ выкупить и дѣйствительно ихъ выкупили за полтора тысячи золотыхъ, выплачиваемыхъ въ разсрочку и за поручительствомъ епископа и братчиковъ и по уплатѣ нѣкоторой суммы въ видѣ задатка, о чемъ и разсказываетъ Гедеонъ Балабанъ въ своемъ посланіи ко всей іерархіи и вѣрнымъ отъ 8 ноября 1585 г., съ воззваніемъ вносить пожертвованія на уплату всей должной суммы.[56])

---

[53]) Домъ этотъ находился рядомъ съ зданіями Успенскаго братства по Бляхарской ул. и впослѣдствіи вѣроятно перестроеный, получилъ оріент. н-ръ 7; онъ былъ только послѣ всемірной войны окончательно разрушенъ и снесенъ.

[54]) Monumenta, стр. 103.

[55]) Съ 1576 г. епп. Гедеонъ Балабанъ уже жилъ во Львовѣ.

[56]) Изъ этого посланія видно, что проектъ выкупа вышелъ отъ епископа, выкупили же сообща, епископъ и братчики Успенской церкви: »...За волею божиею — сказано въ немъ — никоторых часов недавно прошлых устроилося было писмо друкарское через Ивана Москвитина друкаря памяти добре годного споможеннем благочестивых панов а православных християнь а найболше его милости христолюбивого и благочестивого княжате пана а пана Костянтина княжате острозского воеводи киевского. Которого устроенного писма благодатию божиею показалися церквам божим на потребу и православным християнам ко науцѣ книгъ не мало. Но ижъ тои Иван друкар помыслил был болше книг ремесла своего друкарского на потребу церквам святым розманитых для хвалы божеи а науки православным християном выдати, на що зближился

Фактъ этого выкупа печатныхъ принадлежностей Ивана Федорова и считается началомъ и основаніемъ братской Успенской печатни во Львовѣ, хотя она еще два или три года не работала и не могла работать но нѣсколькимъ причинамъ.[57]) Вообще складывавшіяся тогда обстоятельства сильно осложняли дѣло возстановленія печатни во Львовѣ.

Къ счастью, тогда же въ помощь ему явилась новая вліятельная и высокоавторительная сила со стороны — это горячо поддерживающіе печатное дѣло восточные патріархи, кіевскій митрополитъ и др. іерархи.

Къ концу 1585 г. прибылъ во Львовъ „от собору патріарховъ", какъ въ грамотахъ сказано, антіохійскій патріархъ Іоакимъ, съ порученіемъ уладить рядъ церковныхъ дѣлъ, и посовѣтовалъ, между прочимъ, львовскимъ русскимъ мѣщанамъ основать братскую печатню.[58])

Вскорѣ, ибо уже 15 января 1586 г., патріархъ Іоакимъ осо-

былъ зо всѣми варстати своими до мѣста славнаго Львова. В том волею божиею прышол час скончатися животу его впадши в болезнь ко с(о)мерти. И ку тои потребѣ своеи оныя варстаты усѣ зо всѣми належачими штуками заставил — в згиненое имя — до жидов в суме не малои, в полторы тысячи золотых, щого тыж и долги своя платил. И по скончании живота его знашли ся таковые купчикове хотѣвши оные всѣ матрецы и приправы друкарскіе купити а до москоѣское землѣ с панствъ его королевское милости вывезти, скарбъ особливыи загубити и з шкодою не малою церквам божим и всему православию закону святого греческого. Ино я, ужалившися таковое шкоды, абы той скарбъ до чужеи землѣ не выношался, хотячи тыж послужити в том господу богу и всему православному христианьству, чинячи повинности своеи єпископскои досыть, хотяже не маючи на то доходов, но надѣючися на господа бога и на православныя христианы, купили єсмо тыє всѣ приправы друкарскіе, до друкарнѣ належачие, за тую ж суму, яко и заведены были, за полторы тисячи золотых весполокъ с паны мещаны львовскими. Которые тые инструмента всѣ сторгувавши у жида взялисмо их до рукъ своих в скарбницу церковную давши на себе запис жидови з великим варованем тые полторы тисячи золотых дати на часы певныс...« потому и проситъ »благочестивых и христолюбивых православных христиан о споможеніе заплаты того святолюбивого дѣла, чим кого господь бог научити воразумит по силѣ ваших милостеи а то для розмножения хвалы бога вседержителя и для науки святому православию за свое отпущеніе грехов и вѣчное богомолство, за що заплата будет вашим милостям во царствии небесном от христа спаса и владыки бога нашого. С которым то писанием своим послалисмо ко вашим милостям православным християном Мину черица (эти два слова вписаны другой рукой), за которым посланцемъ ваших милости прошу жебы ваши милости рачли его до себе вдячне принявши ласкаве от себе отпускати«. (Monumenta, LXXIX, p. 111-112. Епископъ же будетъ богомольцемъ всѣхъ жертвователей и т. д. Чернецъ Мина, какъ извѣстно, былъ ученикомъ печатнаго дѣла у Ивана Федорова.

[57]) Вѣроятно, изъ-за выдачи евреемъ этого печатнаго прибора только частями, по мѣрѣ полученія частями слѣдуемой ему суммы; медленнаго и труднаго сбора пожертвованій, которыя употреблялись прежде всего на строеніе братчиками новой Успенской церкви; изъ-за начавшейся борьбы братства съ епископомъ; строенія дома для печатни и др.

[58]) Въ предисловіи грамматики »Адельфотесъ«, Львовъ, 1591 г. отмѣчено: »Изволеніемъ Божія человѣколюбія пріиде святѣйшій патріархъ великія Антіохія, Божія града, киръ Іоакимъ, во богохранимый градъ Львовъ; увидѣ же нерадѣніе о исправленіи въ Росскомъ родѣ, совѣтова сія изрядиѣ полезнѣйша быти — братство, школа и друкарня«.

бымъ посланіемъ, написаннымъ во Львовѣ, и самъ проситъ вѣрныхъ своими пожертвованіями помочь львовскимъ братчикамъ.[59])

Патріархъ Іоакимъ доложилъ о положеніи дѣлъ во Львовѣ и своихъ распоряженіяхъ вселенскому константинопольскому патріарху, поручая, конечно, львовское братство его вниманію и попеченію.[60])

Успенскіе братчики, также въ своемъ письмѣ отъ 28 мая 1586 г. къ константинопольскому патріарху Ѳеолипту, ссылаясь на эти грамоту и посланіе патріарха Іоакима, просятъ объ утвержденіи ихъ „хартіи братства", съ сообщеніемъ, что хотятъ „такожде и друкарню замедленную воздвигнути писма грецкого и словеньского ради умноженія святых книгъ". (Monum., LXXXVIII, p. 139).

Но на указанныя большія нужды въ теченіе всего года поступило все таки недостаточно пожертвованій, почему епископъ Гедеонъ Балабанъ вторично проситъ о нихъ своимъ новымъ посланіемъ отъ 10 декабря 1586 г., особенно подчеркивая въ немъ потребность своей печатни, а также то, что для веденія печатни во Львовѣ знатоки-печатники уже имѣются.[61])

И весной слѣдующ. года, несмотря на разгорѣвшуюся уже распрю между львовскимъ Успенскимъ братствомъ и епископомъ Гедеономъ Балабаномъ, онъ все же поддерживаетъ дѣятельность

---

[59]) Въ этомъ патріаршемъ посланіи отъ 15 янв. 1586 г., послѣ общаго обращенія ко всѣмъ вѣрнымъ выразительно указана цѣль пожертвованій: »...и всѣмъ повсюду православънымъ християномъ — ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ, ижъ ве Львове в мѣсте християнъская церковь хочетъ строеніемъ поновлятися, то естъ наукою писма светого и хотятъ с помочю божею панове мещане львовскіе школу закладати для наученъя дѣтемъ християнъскимъ вшелякого стану, которые бы мѣли учитися писма светого грецъкого и словенъского, да не будетъ родъ ихъ християнъскимъ вшелякого стану, которые бы мѣли учитися писма светого грецъкого и словенъского, да не будетъ родъ ихъ христианъскии аки безсловесенъ ненаученія ради. И теж купили друкарню писма словенского и греческого ку тоиже школе потребную в полторы тисячи золотых заставленую и тежь церъковъ хотятъ муровати новую и домъ на школу и домъ на друкарню на шпиталъ просто всепоновляючи законъное строеніе...« почему и проситъ всѣхъ о »вспоможеніи«. **Monumenta, LXXXI p. 119—120.**

[60]) Видно это изъ архипастырскаго посланія кіевскаго и галицкаго митрополита Михаила отъ 20 января 1592 г.: »Божіим благоволеніемъ — пишетъ мит-тъ — прииде во градъ Илвовъ светѣишіи кир Іоаким, патріархъ великія Антіохія, божія града, и совѣтова устроити чин церковнаго братства и школную граммативческую науку еллинскаго и словенскаго писанія, при чом же и друкарню. И о семъ возвѣсти своимъ писаніемъ въ Константинъ градъ ко вселенскому патріарху«. **(Monumenta, CCXL p. 328).**

[61]) »Недавного часу — пишетъ епископъ — з волѣ божеи для хвалы имени его светого такь тыжь для розмноженя наукь писмъ наших словенскихъ рускихъ внесена была до тых краювъ наших друкарня руская, которая ижь за недостатком а потом за смертю друкаря тоеи друкарнѣ згасла была. Прото мы стараючися о томъ, абы знову наше писма друковане были и абы при тои друкарнѣ школу грецкую для науки нашего благочестыя во градѣ Львовѣ фундовати, умыслили есмо людеи християн православных благочестия нашого ратуньку и вспоможеня, кгдыж то немалого кошту и накладу потребует шукати, для которого тыхь богомолцовь и священиковь наших львовскихъ промежку людеи христианскихъ посылаем, кгдыж се до того и ремесници таковыи и люде ученныи показуютъ«. И заключаетъ просьбой о матеріальной поддержкѣ этого печатнаго предпріятія. **(Monum., LXXXIX, p. 142—143).**

братства своими воззваніями къ пожертвованіямъ, особенно на построеніе церкви, на школу и печатню.[62])

Когда распря между епископомъ и братствомъ дошла до крайнихъ предѣловъ, братчики упросили константинопольскаго патріарха Іеремію поддержать ихъ, и онъ своимъ патріаршимъ посланіемъ въ ноябрѣ 1589 г. взываетъ вѣрныхъ поспѣшить съ помощью также въ дѣлѣ окончательной выплаты долга за печатню.[63])

По настоянію братчиковъ вселенскій патріархъ Іеремія въ томъ же ноябрѣ 1589 г. выдалъ львовскому Успенскому братству первую грамоту на независимую братскую печатню, съ самой широкой программой свободнаго печатанія всѣхъ книгъ, употреблявшихся тогда на Руси.[64]) Кромѣ патріаршей, на этой грамотѣ находились также подписи епископовъ луцкаго Кирилла Терлецкаго и львовскаго Гедеона Балабана.

---

[62]) Изъ его посланія отъ 1 мая 1587 г. видно, что потребность въ печатнѣ особенно чувствительна изъ-за открытой уже и дѣйствующей братской школы: »Ознаємуємъ, ижь ве Львовѣ въ мѣстѣ церковъ успенія пречистыя божія матере и шпиталь и домы церковные огнемъ погорѣвъши упадаетъ жалостъне всему христіанъству нашему съ поруганіемъ иновѣрныхъ людий. Протожь панове мещане львовские подвигнулися выше силы ихъ направляти упадлые справы, будучи самы въ людехъ и на маетъностехъ зешлые, сподѣваючися на господа бога и на христіанскую милостивую добродитель, не хотячи тыжь погаситп славы церквамъ и мѣстамъ христіанскимъ. Притомъ тыжь еще зачали и другое будованіе храма духовънаго, то естъ науки писма святого греческаго языка и словенскаго, заложили школу за благословеніемъ святѣйшаго Іокима, патріарха великоя Антіохыя и за приводомъ нашимъ. Притомъ тыжъ и друкарню опущенъную видвигнули, стараючися весполъ зъ нами, абы знову наше писма друкованы были для хвалы бога въ тройци единаго и для розъмноженія граматическое науки старожитънаго порядку святого благочестія греческаго закону, где южь за волею милостивого бога почалися науки отъ господина Арсенія, митрополита димонитъскаго и еласинскаго, отъ Цариграда гречина, который учитъ во Львовѣ писму греческому и словенъскому дѣти всякого стану: убогихъ за прости богъ, а богатыхъ за ровнымъ датъкомъ. И тыжъ до друкарнѣ ремесници, и люде ученые показали ся, которая то шъкола и друкарня посполитыхъ людий именемъ и накладомъ вѣчне славити и множитися маетъ«. (Юбилейное изданіе, Львовъ, 1886, н-ръ 85, стр. 58). А въ своемъ посланіи отъ 3 мая того же года оповѣщаетъ всѣхъ о томъ, что, согласно постановленію »на соборѣ лвовскомъ«, онъ разослалъ повсюду посланцовъ за пожертвованіями на эти цѣли и проситъ принимать ихъ сердечно. (Monumenta, XCI, p. 142).

[63]) Въ тогдашнемъ переводѣ съ греческаго это посланіе, между прочимъ, сообщаетъ: »Пришли ко намъ братство успенія пресвятыя богородица гражане лвовскіе, иже имѣютъ нужную потребу ново будовати храмъ успенія пресвятыя богородица состарѣлый и растлѣнь суще прежде, таже и штамбу отъ рукъ еврейскіи искупити, юже застави Ѳеодоръ Москвитинъ. Восприймѣте ихъ тихимъ лицемъ любезнѣ и дадите имъ подобающую милостиню и вспоможеніе...« (Юбил. изд., н-ръ 86, стр. 59. Также Архивъ Ю.-З. Россіи, ч. I., т. X, стр. 442—443).

[64]) Въ 3-ьей ст. этой грамоты сказано: »Маютъ вольность братство Успенія Богородица друковати невозбранно священныя книгы церковныя прилежно и з великым опатренем, не токмо часословцы, псалтыры, апостолы, минеи и треоди, требникы, синаксары, евангеліе, метафрасты, торжники, хроники спрѣчъ лѣтописцы, и прочая книгы богословов церкви нашея Христовы, но и училищу потребные и нужные, спрѣчъ грамматику, пѣнтнку, реторику и философію«, послѣднія, конечно, имѣя въ виду нужды львов. братской школы. (Соврем. переводъ съ греч. Diplomata Statutaria, № XV!, p. 64; Памятники Временной комиссіи, Кіевъ, 1852, т. III, стр. 40).

Въ своихъ обращеніяхъ о пожертвованіяхъ братство всегда, какъ прежде, такъ и теперь и позже, нпр. и въ письмѣ отъ 8 октября 1590 г. къ Георгію, архіепископу земли молдавской,[65]) заявляетъ, что собираетъ средства на строеніе храма, домовъ школы, печатни и т. д., но наибольше средствъ шло на постройку церкви, въ виду чего долгъ за печатню былъ выплаченъ окончательно только въ 1590 г. Потому нѣкоторые предполагаютъ, что братская печатня начала свою дѣятельность только въ 1591 г. напечатаніемъ грамматики „Адельфотесъ". Преобладаетъ, однако, мнѣніе, что это наступило двумя-тремя годами раньше.[66])

Начальная дѣятельность братской печатни.

Съ самаго начала 1591 г. изъ львовской братской печатни выходятъ уже печатныя произведенія, сохранившіяся и до насъ дошедшія.[67])

Заставила братскую печатню скорѣе взяться за книгопечатаніе жгучая нужда въ учебникахъ для братской школы, учебный уровень которой былъ въ то время уже очень высокъ, при такихъ преподавателяхъ, какими были: элассонскій митр. Арсеній, Стефанъ Зизаній, его братъ Лаврентій Зизаній-Тустановскій,

---

[65]) Юбил. изд., п-ръ 87, стр. 59—60.

[66]) А. С. Петрушевичъ (Хронологическая роспись, п-ръ 3) утверждаетъ, что львовская братская печатня начала свою работу уже въ 1585 г., Д. И. Зубрицкій, что въ ней въ 1586 г. напечатано было пастырское посланіе епна Гедеона. А. Крыловскій и К. Б. Харламповичъ также подаютъ, что она была пущена въ движеніе двумя-тремя годами раньше, хотя ея первыя печатныя работы и не сохранились. Въ частности, Крыловскій полагаетъ, что къ 1 мая 1587 г. печатня была готова и уже дѣйствовала. Такъ это вѣроятно и было.

Относительно этого положительнаго предположенія о болѣе раннемъ началѣ печатанія въ льв. братской печатнѣ и отрицательнаго отвѣта на вопросъ о началѣ печатанія въ Москвѣ и Львовѣ (см. выше) до появленія тамъ Ивана Федорова, какъ печатника, остается сказать коротко: за неимѣніемъ достовѣрныхъ данныхъ, трудно допустить, чтобы въ Москвѣ и Львовѣ чтонибудь уже было напечатано, до выступленія тамъ Ивана Федорова, т. е. до завершенія имъ организаціи одной (московской) и другой (львовской) печатенъ. Зато скорѣе можно допустить, что во Львовѣ, въ концѣ 80-тыхъ годовъ XVI в. печатня уже возобновила свою дѣятельность, ибо она уже разъ была съорганизована и работала раньше. Возможно, что въ этой возобновленной и уже братской печатнѣ книги еще не печатались, а только посланія, воззванія и т. п., и что ея первою напечатанною книгою и былъ Адельфотесъ, но и эта грамматика, съ параллельнымъ текстомъ на двухъ языкахъ: греческомъ и церковно-славянскомъ, своимъ техническимъ исполненіемъ и хорошимъ видомъ, показываетъ, что эта львовская братская печатня работала уже нѣкоторое время до этого, пріобрѣла извѣстную практику, и запаслась замѣтнымъ опытомъ.

[67]) По порученію пріѣхавшаго во Львовъ 17 янв. 1591 г. кіевскаго и галицкаго митр. Михаила, въ ней 23 янв. напечатано было вмѣстѣ съ его посланіемъ, посланіе патр. Іеремія, написанное въ ноябрѣ вѣроятно 1589 г. объ устраненіи изъ церквей нѣкоторыхъ обрядовъ, несходныхъ съ христіанскимъ вѣроученіемъ. Вскорѣ же, ибо 1 февр. 1591 г. преподаватели и ученики львовской братской школы напечатали свой привѣтственный панегирикъ п. з. »Просфонима«. (перепечатанный въ »Рус. Исторической Библіотекѣ«, т. XIX, стр. 61—75 и объясненный въ ст. С. Голубева въ Кіев. Епарх. Вѣдом., 1874 г., п-ра 5—6).

Кириллъ Транквилліонъ Ставровецкій и др.[68]) Объясняется этимъ интересный фактъ, что изъ братской печатни, выпускавшей впослѣдствіи въ подавляющемъ большинствѣ церковно-богослужебныя книги, первой печатной вышелъ, кажется въ сентябрѣ 1591 г., школьный учебникъ, именно въ 8⁰ и на 183 лл., полугреческая полуцерковно-славянская грамматика, п. з.: *Ἀδελφότης*. Грамматіка доброглаголиваго еллинно-словенскаго языка. Совершеннаго искуства осми частей слова. Ко наказанію многоименитому Россійскому роду. Во Львовѣ. В друкарни Братской. Року ａфча. Въ ней и сказано: „Грамматика сложенъна от различныхъ грамматикъ спудейми (т. е. студентами), иже въ Лвовъской школѣ", конечно, подъ непосредственнымъ руководствомъ митр-та димонитскаго и элассонскаго Арсенія, какъ преподавателя греческаго языка въ львов. брат. школѣ.

Патріаршія грамоты и королевскія привилегіи.

Вопросъ о цензурѣ печатаемыхъ книгъ не былъ выясненъ и сначала никѣмъ не поднимался. Онъ, впрочемъ, тогда еще и не былъ особенно важенъ, ибо, все равно, печатниками и редакторами изданій (преимущ. церковныхъ книгъ) были тѣже монахи и вообще духовныя лица. Въ патріаршихъ грамотахъ братство получило разрѣшеніе и благословеніе на печатаніе въ своей печатнѣ всего, правда, „прилежно и з великимъ опатренємъ", но это было только наставленіе самому братству. Во всякомъ случаѣ, братство не считало себя обязаннымъ подвергать свои изданія цензурѣ льв. епископа Гедеона Балабана, изъ-подъ власти котораго было изъято, ни даже кіевскаго и галицкаго митрополита, ибо было подчинено непосредственно власти вселенскаго патріарха въ Константинополѣ.

Въ этомъ привилегированномъ положеніи братства, какъ ставропигіальнаго, полностно и окончательно таковымъ признаннаго съ 1593 г., и заключались сущность и причина распрей, тяжбы и борьбъ между льв. братствомъ, съ одной стороны, и льв. епископами и кіевскими митрополитами, съ другой, также и особенно въ его печатно-издательскомъ кругѣ дѣйствій.

На первыхъ порахъ братство имѣло за собой митр-та Михаила Рагозу, враждовавшаго съ еп-помъ Гедеономъ. Митр. Михаилъ отъ имени собора православн. епископовъ въ Берестѣ, съ участіемъ также двухъ представителей львов. Успенскаго братства, своею грамотою отъ 27 октября 1591 г., благословилъ и утвердилъ обѣ братскія печатни, одну во Львовѣ, а другую въ Вильнѣ, своимъ же посланіемъ отъ 20 января 1592 г., со ссылками на патріаршія грамоты, просилъ все духовенство и вѣрныхъ поддержать львовское братство.[69])

---

[68]) В. Р. Ваврикъ: Школа и бурса львов. Ставропигіона во Временникѣ Ставропиг. Ин-та на 1933 г., стр. 25—54.

[69]) Монум., стр. 320 и 327—328; Арх. Ю.-З. Россіи, ч. I, т. X, н-ръ 43.

Но борьба съ еп-помъ Гедеономъ была тѣмъ труднѣе, что онъ уже не слушался ни митрополита, ни патріарха, заслоняясь королевскимъ привилеемъ на епископію, котораго-де отмѣнить не можетъ и самъ патріархъ. Братство, поэтому, стало хлопотать о полученіи для себя подобнаго королевскаго привилея, который защищалъ бы его отъ вмѣшательства въ его дѣла со стороны не только епископа, но и львов. магистрата и другихъ властей и учрежденій (цеховыхъ, костельныхъ и т. д.). По заступничеству, покровительству и настоянію друзей братства, русскихъ правосл. вельможъ, кн. К. К. Острожскаго и Федора Скумина-Тышкевича, король Сигизмундъ III далъ львовскому Успенскому братству такой привилей двумя грамотами отъ 15 октября 1592 г., также на братскую печатню.[70])

Но постановленія этихъ и позднѣйшихъ королевскихъ привилеевъ и вытекающія изъ нихъ для братства права этими мѣстными властями и учрежденіями не соблюдались и не уважались. Потому и по цѣлому ряду иныхъ причинъ, извѣстныхъ изъ общей русской исторіи, братство вообще и братская печатня въ частности, особенно послѣ берестейской уніи 1596 г., находились въ очень трудномъ положеніи, ярче всего изображенномъ въ братскомъ отзывѣ 1600 г.[71]) Содержаніе и тонъ этого отзыва почти отчаянны.

---

[70]) Monum. № CCLII, p. 387—391.

[71]) Такъ какъ этотъ отзывъ львов. Успен. братства отъ 26 іюня 1600 г. чрезвычайно важенъ для исторіи и строенія зданія Усп. церкви и ранней дѣятельности братской печатни, то нелишне привести здѣсь отрывки его вмѣстѣ съ примѣчаніями проф. И. И. Шараневича изъ Юбил. изд., стр. 99: »Отзывъ Ставропигійского Львовского братства Успенія пречистой Богородицы къ преосвященнымъ... Архіепископомъ и Епископомъ и достойно почестнымъ Архимандритомъ, Игуменомъ, о Христѣ честнымъ протопопомъ и попомъ, о Святомъ Дусѣ возлюбленнымъ Архидіакономъ и Діакономъ и всему причту Святыхъ божихъ церквей. Ясне Вельможнымъ ихъ милость княжатомъ, панамъ Воеводамъ, каштелянамъ и ихъ Милостъ панамъ Старостамъ, урожонымъ панамъ землянамъ, панамъ войтомъ Дѣдицкимъ, славетнымъ панамъ мѣщаномъ и опатрнымъ панамъ Радцамъ и всѣмъ восточного православія Христіанамъ сыномъ Сионскимъ...

Документъ сей напечатанъ въ Ставропигійской типографіи съ вытискомъ печати Ставропигійскаго братства, представляющей башню съ изображеніемъ льва въ воротахъ и съ надписью: »Оглашеніе церкви братской« не имѣется днесь уже въ архивѣ Ставропигійскаго Института. Изъ копіи, писанной латинскими буквами, обрѣтающейся въ рукописи Д. Зубрицкаго: Kronika Stauropigiańskiego Bractwa умѣщаемъ здѣсь слѣдующіе главнѣйшіе отрывки его: »Не безъ вѣсти есте о томъ, якъ отъ давныхъ лѣтъ утяжени есмо ярмомъ Египетской неволи невыповѣденныхъ бѣдъ... Навить наименшои иглы и шилця, чимъ бы только человѣкъ жывъ бытимогъ, забороняютъ намъ панове... уживати.. А то найбарзѣи за отступленіемъ старшихъ нашихъ бывшихъ духовныхъ метрополити и владыковъ атакуючи, и насъ за ними въ тои-же отступленія образъ къ послушенству ихъ притягаючи, которыми то бѣдами ужесмо сутъ змучени и знищени... промышляючи добрая предъ Богомъ и человѣки, нехотячи всенародное славы и утѣхи христіанское зде угасити: за приводомъ и праве примусомъ Святѣйшихъ Патріарховъ и на онъ часъ еще всѣхъ купно будучихъ митрополита и епископовъ въ нашихъ земляхъ сихъ россійскихъ, кгдыжъ оны мѣсто и мѣстце способнѣйшое на тое Львовъ усмотривши и сеймовыми привилеими умоцнивши усиловали насъ на то и надъ силу нашу двигнути розсказали, то естъ церковного мурованя прекраснымъ дѣломъ цар-

Строеніе Успенской церкви и перемѣщенія печатни.

Строенію церкви и дѣятельности печатни дѣлались постоянно всевозможныя препоны на каждомъ шагу. Поскольку жалобы и апелляціи не помогали, приходилось братчикамъ вездѣ откупаться и всячески задабривать власть имущихъ, и во Львовѣ и въ высшихъ инстанціяхъ, поднося имъ цѣнные подарки, и денежные и драгоцѣнными вещами. Но подарки брались исправно, а дѣла продвигались туго, распоряженія высшихъ властей исполнялись медленно или только частично, а то и вовсе не исполнялись. Даже королевскіе приговоры, привилеи и приказы часто мѣстными властями не исполнялись, особенно при Сигизмундѣ III, и онъ этимъ не обижался и на ихъ исполненіи не настаивалъ. Впрочемъ же неразъ королевскіе приговоры, привилеи и приказы противорѣчили, противились и противодѣйствовали другъ другу такъ, что и, въ самомъ дѣлѣ, не могли быть исполнены. Оставался братству еще только одинъ-единственный путь добыванія себѣ и защиты своихъ правъ — это чрезъ покровительство, заступничество и давленіе на верховодящіе круги со стороны русскихъ правосл. вельможъ: князей Острожскихъ, Вишневецкихъ, Скуминыхъ-Тышкевичей, Потоцкихъ, Адама Киселя и др., но въ теченіе XVII в. также ихъ юго-западная Русь потеряла. Такъ въ общемъ. А относительно братской печатни достаточно поучителенъ дальнѣйшій ходъ ея исторіи.

скимъ, якъ царю всѣхъ Христу Богу домъ хвалѣ єго уробити, къ тому школу наукъ христіанскихъ кгрецкихъ и словенскихъ дѣтемъ вашимъ и всѣмъ посполе фундовати, ижбы пиючи въ чужихъ студенцахъ воды наукъ иноязыческихъ, вѣры своеи не отпали, за чимъ праве и все народное згиненіе барзо близко ходитъ. Тутежъ и друкарню писма греческого и словенского выкупивши за немалую суму грошеи двигнулисмо за ласкою божою. На которые тежь потребы, или на онъ часъ у початку обетнецъ для ратунку на то было много, отъ предныхъ звлащаначелнеишихъ въ родѣ томъ россійскомъ, али къ скуткови про зависть и ненависть отъ вселукавого діавола« (не пріишло)... »Хотяи такъ речемъ, ижъ не подано намъ руки помощи на все тое праве ничого, али еще и зазленія и препшкодъ и отъ мнящихъся быти нашыхъ бѣдъ гоненія, утерпѣли есмо барзо много, ажъ муселесмо до общеи людеи съ тымся удавати: иножъ и тамъ датковъ мало, а присловія и вымовокъ много: Умыслъ теды и способъ для остатного поратованя тыхъ всенародныхъ бѣдъ и потребъ съ порады и воли ихъ Милостеи приложоныхъ духовныхъ нашихъ есть такіи. На што съ листы, съ печатьми рукъ ихъ Милостеи самыхъ дани сутъ на то, абы внесли просьбы до всихъ посполитыхъ людеи Ихъ Милостеи Пановъ Шляхты, мѣстъ и мѣсточокъ и селъ и наветъ проселеи о всенародное поратованіе на великіе всехпосполитого добра ясные потребы«. (Тутъ указываютъ братья Леополитане въ отзывѣ на примѣръ »невѣрныхъ жидовъ« во Львовѣ, которые спасеніе своимъ отовсюду подали »противко отцомъ Іезуитомъ« и не дали взять школы (божници) себѣ во Львовѣ, и жалуются на то, что имъ не божницу жидовскую берутъ, »али все народное христіанское набоженство и волности вишпотити путемъ процесовъ и зволоки справъ усилующе... Просячи унижено о милостивое баченя и поратованя на такъ важныи потребы во сѣхъ Васъ посполитіе«...). »Подаите руку помочи съ милостивои ласки Ваши, или вмѣсто милостыни или у способъ пожичанный, што Богъ подастъ до сердецъ Вашихъ и тое прыимимъ за певнымъ рукописаніемъ нашимъ и постановленіемъ на певный часъ отдати. Вашихъ милостеи упреимо жичливые... Братство Леонолите...« (Также А. С. Петрушевичъ: Сводная Лѣтопись съ 1600 по 1700 годъ. Львовъ, 1874, стр. 8—9).

Къ началу XVII в. братскія учрежденія, въ ихъ числѣ и печатня, упрочились и укрѣпились, благодаря цѣлому ряду важныхъ причинъ. Къ нимъ причислить слѣдуетъ и наступившее тогда примиреніе братства съ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ, по настоянію главнымъ образомъ кн. К. К. Острожскаго и по соображеніямъ необходимости объединенія обѣихъ враждующихъ сторонъ для самозащиты передъ наступавшими уніатами.[72]) Послѣ смерти Гедеона сталъ львовскимъ правосл. епископомъ кандидатъ братства Еремія Тисаровскій, пользовавшійся вообще симпатіями гал.-русскаго народа. За все время своего долгаго управленія львовскою эпархіею (1607—1641 гг.) онъ находился съ братствомъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, помогалъ ему въ благополучномъ завершеніи постройки новой Усп. церкви, разсылалъ посланія съ призывомъ къ пожертвованіямъ на братскія потребности и вообще поддерживалъ его.[73]) Установившееся дружеское сотрудничество братства и епископа приносило пользу обѣимъ сторонамъ и въ частности облегчало работу братской печатни, переносившей новыя испытанія.

---

[72]) Между Успен. братствомъ и епномъ наступило уже нѣкоторое сближеніе послѣ Брестскаго собора осенью 1596 г., на которомъ, какъ извѣстно, изъ юго-зап. русскихъ епископовъ не приняли уніи львовскій Гедеонъ Балабанъ и перемышльскій Михаилъ Копыстенскій. Затѣмъ, когда тяжба между братствомъ и епномъ уже доходила до короля, кн. К. К. Острожскій, не желая допустить до этого и считаясь съ попытками уніатовъ использовать эту вражду для своихъ интересовъ, усилилъ свое давленіе на обѣ стороны, чтобы примирились. Одновременно къ примиренію ихъ взывали восточные патріархи и воевода молдавскій Іеремія. Въ концѣ концовъ, 21 января 1602 г., при посредствѣ молдавскаго лагофета Луки Строича, нарочито присланнаго во Львовъ молдавскимъ воеводою, состоялось между епископомъ и братствомъ полное примиреніе на основаніи взаимныхъ уступокъ съ одной и другой стороны. Примиреніе было прочнымъ. Когда въ маѣ 1604 г. уніатскій митрополитъ Ипатій Потѣй прибылъ во Львовъ и потребовалъ отъ братства и епископа признанія надъ собой его власти, то это посягательство митрополита было отражено совокупными усиліями Гедеона и братства. (Крыловскій, стр. 160; Вѣстникъ Ю. З. Р. за 1865 г., м. ноябрь, отд. I, н-ръ 2; Петрушевичъ: Сводная Лѣтопись, стр. 403—405; Акты Ю.-З. Р., т. II, н-ръ 15).

[73]) Братство поддерживало кандидатуру Тисаровскаго на львов. епископію противъ унев. архим. Исаіи Балабана, племянника Гедеона Балабана. Такъ какъ въ то время рѣшающіе верхи намѣревались дать епископію только такому кандидату, который склонялся бы къ переходу въ унію, то Тисаровскій обѣщалъ Сигизмунду III принять унію (С. Т. Голубевъ: Петръ Могила, т. II, стр. 2—3, прилож. стр. 17), но получивъ необходимый для своего посвященія королевскій привилей, заявилъ себя истинно православнымъ епископомъ. (А. З. Р., т. IV, н-ръ 174; Петрушевичъ: Сводная Лѣтопись, стр. 410—411; Зоря яко Альбумъ за 1860 г., стр. 235; Ак. З. Р., т. V, н-ръ 69), и, такъ какъ затѣмъ добросовѣстно исполнялъ свое данное письменное обѣщаніе сохранять права и привилегіи львовскаго и др. братствъ, то и братства поддерживали его. Авторитетъ епа Іереміи Тисаровскаго среди нихъ поднялся еще выше съ 1610 г., когда, послѣ смерти Михаила Копыстенскаго, онъ былъ уже единственнымъ православнымъ архипастыремъ на всей территоріи юго-зап. Руси до 1620 г., т. е. до возстановленія іерусалимскимъ патр. Феофаномъ западно-русской іерархіи и посвященія имъ на кіев. митрополію Іова Борецкаго, на перемышльскую епископію Исаію Копинскаго, причемъ на львов. епископіи остался дальше Іеремія Тисаровскій.

Сначала братская печатня имѣла себѣ помѣщеніе при Успенской церкви, весьма неудобное, особенно потому, что сама церковь долго строилась и вся площадь кругомъ нея была загромождена строительнымъ матеріаломъ, техническими орудіями и приспособленіями и помѣщеніями для рабочихъ. Не было, конечно, и необходимаго для работы въ ней спокойствія. Изъ-за всего этого, наконецъ, въ 1608 г., пришлось ее перевести въ принадлежащій Успен. братству Св.-Онуфріевскій монастырь и помѣстить тамъ въ средней келіи. Тамъ находилась братская печатня до 1615 г.[74]) Завѣдующимъ ея былъ іеромонахъ Пафнутій, наборщиками же и вообще обслуживающими ее рабочими св.-Онуфріевскіе монахи. Главнымъ обрязомъ, это ихъ заслуга, что и въ этихъ крайне тяжелыхъ условіяхъ братская печатня продолжала свою, правда, тогда все еще сравнительно скромную дѣятельность.

Въ то лихолѣтіе, кажется, когда съ крайнимъ напряженіемъ всѣхъ братскихъ силъ, средствъ и заботъ, строилась новая церковь, этимъ монахамъ немалаго труда и многихъ хлопотъ стоило само удержаніе печатни при жизни и въ движеніи, поскольку заключать можно по щедрымъ похваламъ имъ и признательности со стороны патріарховъ, всегда помощно и поощрительно относившихся къ печатному дѣлу. Въ этомъ отношеніи особенно достойны вниманія и важны относящіяся къ этому времени письма тогдашняго александрійскаго и позднѣйшаго вселенскаго константинопольскаго патріарха Кирилла, отъ 26 апрѣля и 8 мая 1614 года.[75])

---

[74]) Крыловскій: Льв. Ставроп. Б-во, стр. 266; Zubrzycki, op. c. p. 18; A. Czołowski: W sprawie klasztoru i dzwonnicy oo. Bazylianów, Lwów, 1909, p. 12—13.

[75]) Въ 1614 г. патр. Кириллъ пріѣхалъ въ Молдавію, принялъ посланнаго къ нему Ставропигійскимъ Успен. братствомъ съ письмомъ братчика Романа Красовскаго и въ своемъ отвѣтномъ письмѣ братству относительно братской печатни писалъ: »Що ся тычетъ типографіи, т. є. друкарнѣ, добре то чините, же за стараня около того пилне ся уймуете, яко бы книги потребныи на свѣтъ выдаваны были. Не меньшій бовѣмъ и тое собою православію ратунокъ дастъ и прето и мниховъ, которые тамъ тою ся типографіею у васъ бавятъ, заховуйте, абы з радостію такое дѣло отправовали, а не вздыхали на кого з вас противного. А если бы теж якій пожитокъ с тое друкарнѣ мѣлъ вамъ приходити, теды на посполитую потребу братскую власную нехай обертанъ будетъ, и жаденъ абы до своего пожитку таковуй дохудъ не смѣлъ собѣ привлащати, єгдыжъ єсть повинны барзѣй з своихъ власныхъ маетностей на тое давати, а не ижъ бы що не єсть чие власное за себе брати«. Если бы послѣднія по истинѣ золотыя предостерегательныя слова патріаршаго наставленія братчикамъ ими всегда строго соблюдались, навѣрно въ теченіе столѣтій предохранили бы братство отъ ряда весьма бурныхъ столкновеній и распрей и тяжелыхъ переживаній. (С. Голубевъ: Петръ Могила, Кіевъ, 1883 г., т. I, прил. стр. 201—202).

Вскорѣ же, ибо уже 8 мая 1614 г. патріархъ Кириллъ спѣшитъ высказать признательность братчикамъ, именно за ихъ хорошее отношеніе къ монахамъ-печатникамъ и печатному дѣлу вообще: »А особливе въ Онуфрію (т. е. м-рѣ), яко дошло до насъ слышати, же и нѣякихъ (нѣкоторыхъ) типографовъ мниховъ маєте, которые великое старане маютъ, якобы презъ выданя книгъ много доброго народови христианскому зъ друкарнѣ вашеи собою учинили, скондъ и любовь ваша братская тѣшится и радуетъ и славу маетъ, яко тые, которые

Изъ братской печатни въ то время (конецъ XV и нач. XVI вв.) выходили архипастырскія посланія, братскія воззванія и небольшими книжками буквари и грамматики, вирши, поученія и проповѣди (напр. св. Іоанна Златоуста), но и объемистыя церковно-богослужебныя книги: Анфологіонъ (Трифологіонъ), Октоихъ (два изданія), Псалтырь (два изданія), показывающія, что она технически обзавелась хорошо и въ монастырѣ устроилась прочно.

Неожиданно, однако, стряслась надъ ней въ началѣ 1615 г. такая буря, которая заставила ее снова переѣхать въ иное помѣщеніе.[76]) Братство было вынуждено, несмотря на то, что церковь дальше еще долго строилась, все таки опять помѣстить свою печатню въ братскомъ домѣ около церкви, чтобы имѣть ее всегда передъ глазами и защитить отъ возможнаго захвата противниками, и, конечно, она тамъ уже была обезпечена отъ вражьихъ нападеній, но не отъ другихъ, стихійныхъ бѣдствій.

Уже въ слѣдующемъ (1616) году вспыхнулъ большой пожаръ по Русской улицѣ, истребившій церковные дома и братскіе склады, также большіе запасы напечатанныхъ книгъ, но саму печатню удалось изъ него спасти. Но 12 лѣтъ спустя, въ 1628 г., новый пожаръ уничтожилъ почти всю печатню, отъ которой остались только печатный станокъ и запасъ печатныхъ черенокъ.

Къ счастью, однако, въ то время строеніе церкви уже заканчивалось и братчики, научившіеся высоко цѣнить печатное дѣло и крупные отъ него доходы, часть пожертвованій обращали на возстановленіе и новое оборудованіе печатни. Большія же пожертвованія вносили: старосельскій староста Дмитрій Карлочи, воевода молдавскій Миронъ Могила-Бернавскій, кіево-печ. лавры архим. Петръ Могила и др., на которыя печатня вскорѣ была

таковыи друкарнѣ промысломъ своимъ набыли. Хвалимо теды тыхъ то тамъ мниховъ на кгрунтѣ вашомъ для ихъ такъ доброго предсявзятя, єсли тылко праве а вѣрне въ томъ вамъ служать, а дѣло тое добров пристойне отправуютъ. Хвалю тежъ не менше и васъ, яко тыхъ, котрыистеся такъ речъ задную мѣти ся у себе поставили«. (Тамъ же, стр. 204).

[76]) Въ январѣ, кажется, 1615 г. пріѣхали во Львовъ два уніатскихъ архіерея: митр. Веніаминъ Рутскій и владимірскій еппъ Илія Мороховскій и, желая осмотрѣть братскую печатню, безъ позволенія и вѣдома братства, вошли, вмѣстѣ со своими многочисленными слугами, въ Св.-Онуфріевскій м-рь »кгвалтомъ«, какъ записано въ документахъ. Вѣсть о таковомъ ихъ вторженіи туда молніеносно распространилась въ городѣ и, такъ какъ въ то время практиковались насильственные захваты уніатами православныхъ святынь, вызвала большую тревогу. Полагая, что оба эти архіерея хотятъ захватить силою м-рь и печатню въ свое владѣніе, крайне встревоженные Успенскіе братчики сейчасъ »дзвонили на кгвалтъ«, вслѣдствіе чего къ м-рю сбѣжалась большая толпа рус. правос. мѣщанства, и, тутъ же, усталася битва, въ которой были избиты пришедшіе съ обоими архіереями слуги и сами архіереи. (Zubrzycki, o. c.; Архивъ Ю-З. Россіи т. XI, стр. 344—345; Крыловскій, стр. 95). Инцидентъ этотъ обошелся братству очень дорого.

возстановлена и подъ управленіемъ Андрея Скульскаго[77]) начала работать. Первой книжечкой, какъ „снопокъ першій жнива“, вышли изъ нея 23 марта 1630 г. „Вѣршѣ съ трагедіи ХС *πάσχων* Григорія Богослова, въ 4⁰, посвященныя въ предисловіи, подписанномъ Андреемъ Скульскимъ, Мирону Бернавскому, какъ наибольшему благодѣтелю уже законченной строеніемъ Усп. церкви.[78]) Въ половинѣ же декабря того же года вышелъ изъ нея Октоихъ (2-ымъ изданіемъ), съ предисловіемъ, въ которомъ разсказано кое-что о возстановленіи печатни.[79])

Андрей Скульскій и Михаилъ Слезка.

При завѣдующемъ А. Скульскомъ въ братской печатнѣ началъ работать молодой, талантливый печатникъ, Михаилъ Слезка, ставшій вскорѣ (въ 1633 г.) самъ ея завѣдующимъ.

Благодаря общему улучшенію[80]) положенія Успен. братства,

---

[77]) Львовскій мѣщанинъ Андрей Скульскій, окончилъ львов. братскую школу и въ братской же печатнѣ научился печатному искусству. Писалъ вирши и вообще сочинялъ: Успенское братство то принимало его работникомъ или управляющимъ своей печатни, то удаляло со службы, но въ концѣ концовъ было вынуждено вести съ нимъ долголѣтнюю тяжбу. Въ борьбѣ съ братствомъ онъ не стѣснялся въ выборѣ средствъ, подрывалъ его низкими доносами и клеветами и сотрудничалъ съ его врагами.

[78]) Лишенный молдавскаго воеводства (господарства) Миронъ Бернавскій жилъ тогда въ своемъ имѣніи въ Устьѣ, въ Галичинѣ.

[79]) Въ немъ, м. пр., написано, что патріархъ благословилъ, »да типографія станетъ во преподаяніе книгъ божественнаго учительства. Типографія убо, иждивеніемъ многимъ, яко дѣло преизящно и вещь многодѣнна, прилѣжаніемъ братскимъ составлена бывши, послѣди прежде лѣтъ нѣкіихъ огню лютому, попущеніемъ Божіимъ на градъ пришедшу, со инѣми и та сожжена нивочтоже бысть. Обаче же мы (съ благословенія и т. д.) сподвигохомся на дѣло сіе честное, дабы огнемъ падшуюся типографію паки воздвигнути, еже и со мнозимъ трудомъ и иждивеніемъ, сосудъ сей, яко многочестный составихомъ«. (Сопиковъ: Опытъ россійской библіографіи, СПБ. 1813 г., ч. I, н-ръ 755). Кстати, на этомъ отрывкѣ этого предисловія можно наилучше видѣть, какъ благотворно дѣйствовала на языкъ оригинальныхъ сочиненій и переводовъ тѣхъ временъ церковщина, хотя бы и въ видѣ испорченаго язычія, рѣшительно и совершенно вытѣсняющая изъ нихъ многочисленные полонизмы и латинизмы, такъ ужасно уродующіе языкъ, напр., въ тогдашнихъ переводахъ посланій, отрывки которыхъ приведены нами въ предъидущихъ цитатахъ. При первомъ же сопоставленіи и сравненіи языка однихъ и другихъ, получаются неизгладимое впечатлѣніе и неизбѣжное заключеніе, что если малорусская рѣчь этой письменности окончательно не растворилась и не исчезла въ чужой стихіи, то только благодаря этой церковщинѣ. А между тѣмъ, нынѣ съ какой яростью нападаютъ на нее и какъ отвратительно поносятъ ее въ украинствующемъ станѣ, все въ томъ же наивномъ предположеніи, что не будь-де этой церковной »мертвечины«, украинскія »мова и письменство«, ни Богъ вѣстъ какъ развились бы и какого совершенства бы достигли!

[80]) Общее же это улучшеніе, недолговременное, впрочемъ, было вызвано цѣлымъ рядомъ также внѣшнихъ причинъ, повліявшихъ на измѣненіе положенія русскаго народа въ Польшѣ: битва подъ Цецорой, возстановленіе православной іерархіи въ 1620 г., Хотинская война и выступленіе на защиту русскаго народа гетмана Петра Конашевича-Сагайдачнаго, смерть 30 апр. 1632 г. Сигизмунда III и благожелательное отношеніе къ православнымъ вообще и къ львов. Ставропигійскому Успен. братству въ частности его преемника и сына Владислава IV, энергичная дѣятельность кіев. и гал. митрополита Петра Могилы и др.

дѣятельность братской печатни стала особенно живой и производительно-обильной, несмотря на внутреннія распри съ печатниками и безконечныя тяжбы съ конкурирующими печатнями и мѣстными властями (магистратскими, арцибискупскими и т. д.). Напечатаны были книги: въ 1634 г. Псалтырь, въ 1636 г. Евангеліе, въ 1637 г. Служебникъ и Требникъ, въ 1638 г. Трифологіонъ, Часословы, Богослужебники и др. переиздававшіяся затѣмъ нѣсколькократно. Изданія эти давали братству огромные доходы, вызывавшіе зависть и попытки конкуренціи даже у поперемѣнно завѣдывающихъ его печатнею Андрея Скульскаго и Михаила Слезки, съ которыми братство по нуждѣ то мирилось и сотрудничало, то вело процессы и боролось. Андрей Скульскій[81]) проигралъ дѣло въ 1641 г. и, примирившись съ братствомъ, снова управлялъ братской печатней въ 1641—1643 гг., когда въ ней напечаталъ Анфологіонъ, Орологіонъ или Часословъ полуставный и др. книги. Гораздо сложнѣе были отношенія братства съ превосходнымъ печатникомъ и дѣльцомъ, Михаиломъ Слезкою. Эготъ пришлецъ изъ Бѣлой Руси, осѣлъ во Львовѣ прочно, снискалъ себѣ въ братствѣ симпатіи и довѣріе, своими же способностями, знаніемъ печатнаго искусства и дѣловитостью показалъ, что является для него весьма цѣннымъ работникомъ. Ставъ завѣдующимъ его печатни, Слезка въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, привелъ ее въ образцовый порядокъ, выучилъ и подготовилъ для нея дѣльныхъ работниковъ. Чуть ли не на 40 лѣтъ ея исторія связана съ его именемъ и личностью.[82]) Братство заключало съ нимъ довольно вы-

---

[81]) Послѣ своего ухода съ поста управляющаго братской печатней, Андрей Скульскій выѣхалъ въ Молдавію и завѣдывалъ тамъ печатней Могилъ-Бернавскихъ, ок. 1637 г. вернулся съ богатымъ запасомъ печатныхъ приборовъ, черенокъ и т. д. и вдвоемъ со Слезкою основали свою печатню, въ которой стали печатать Октоихъ и, возможно, Апостолъ и Псалтырь. Братство, имѣя исключительное право печатанія церковно-славянскихъ книгъ, начало съ ними сейчасъ процессъ. Защищаясь недостойнымъ образомъ, Скульскій на судѣ возводилъ на братство клеветы: 1) будто »братство получило привилегію на типографію незаконнымъ образомъ и помимо согласія магистрата и противъ правъ г. Львова; 2) что все, печатаемое братствомъ, направлено противъ римской церкви, книги его схизматическія, переполнены заблужденіями; 3) что братство получаетъ съ типографіи большіе доходы, развозя книги по Украинѣ, Подоліи, Литвѣ и Москвѣ, а городу и Рѣчипосполитой не приноситъ никакой пользы; 4) что печатаніе книгъ должно быть подчинено цензурѣ и магистрату: чтобы схизматическія ереси не размножались и чтобы книги не выходили въ свѣтъ съ заблужденіями и ересями; 5) все, что типографія печатаетъ, остается таковымъ уже на вѣчныя времена, и должно быть защищаемо законами страны, между тѣмъ, братство, сколько ни печатало и печатаетъ книгъ, ни одной не напечатало, которая не была бы направлена противъ римской церкви и католической вѣры, вслѣдствіе чего схизма растетъ и растетъ..., а отсюда рождается величайшее зло...« (Крыловскій, стр. 282—283; Архивъ Юго-зап. Россіи, ч. I, т. XI, стр. 442—444).

[82]) Михаилъ Слезка происходилъ изъ правосл., кажется, священнической семьи, согласно утвержденію Д. И. Зубрицкаго, прибылъ во Львовъ изъ Литвы. Печатному дѣлу учился и былъ преданъ съ дѣтства, о чемъ и самъ разсказываетъ въ предисловіи къ Апостолу 1639 г., заявляя, что былъ »от дѣтинства при знаменитом, а Церкви Божей благопотребном и многоплодном дѣлѣ типографском выхованый и по мѣрѣ дарованія Христова въ немъ выцвѣченый«, и что »дѣло типографское, дѣло святое« ему »з дѣтинства привыклое«. Прибывъ во

годные для него договоры съ тѣмъ, чтобы онъ подготовилъ печатню и работающую въ ней „челядь“ къ печатанію большого и дорого стоющаго Трифологіона, печатая между тѣмъ другія книги. Но, когда обнаружилось, что Слезка сталъ печатникомъ львовскаго латин. арцибискупа, получилъ королевскій привилей, грамоту кіевскаго митрополита Петра Могилы и патріаршую грамоту на печатаніе церковно-славянскихъ и русскихъ книгъ, братство уволило его со службы и начало вести съ нимъ процессъ передъ королемъ, и хлопотать объ отмѣнѣ выданныхъ Слезкѣ патріаршей и митрополичьей грамотъ. Окончательно братство вездѣ выиграло дѣло и свои права благополучно защитило и удержало.

Львовъ, Слезка поступилъ на службу въ братскую печатню, подъ управленіемъ, какъ выше сказано, А. Скульскаго. Рано обратилъ на себя вниманіе братства знаніемъ печатнаго дѣла и трудолюбіемъ, ибо, несмотря на свою молодость, уже 3 іюля 1633 г. былъ принятъ въ члены братства, а вскорѣ затѣмъ сталъ и завѣдующимъ братской печатни. Для нея, въ концѣ опустошенной недавнимъ пожаромъ, распорядительность и предпріимчивость Слезки значили много. Онъ былъ не только хорошій печатникъ-издатель братскихъ книгъ, но и продавецъ ихъ во Львовѣ и провинціи, — какъ о немъ сказано, — какъ »человѣкъ способнѣйшій и пораючійся и по ярмаркахъ ездячій и интролѣгаторъ« (переплетчикъ). Торгуя не только братскими, но и другими со стороны покупаемыми книгами, Слезка вскорѣ нажилъ большое имущество. Кромѣ этого богато женился во Львовѣ. Завѣдываніе братской печатней уже не удовлетворяло Слезки въ смыслѣ доходовъ, онъ пожелалъ основать свою печатню и вскорѣ, по случаю, купилъ себѣ у умершаго недавно во Львовѣ Яна Шелиги польско-латинскую печатню и выхлопоталъ себѣ необходимое разрѣшеніе на печатаніе въ ней польскихъ и латинскихъ книгъ у львов. латинскаго арцибискупа Станислава Гроховскаго отъ 5 августа 1638 г. и титулъ »арцибискупскаго типографа«. Вскорѣ, однако, при дѣятельной поддержкѣ этого архіепископа онъ получилъ для себя также отъ короля Владислава IV привилей отъ 30 декабря 1638 г. на печатаніе и церковно-славянскихъ и русскихъ книгъ, вопреки королевскому привилею на ихъ печатаніе исключительно только въ братской печатнѣ, и началъ ихъ печатать. Все это Слезка хранилъ въ тайнѣ передъ братствомъ, у котораго оставался дальше на службѣ.

Печатая въ латинской архіепископской печатнѣ на первыхъ порахъ панегирики на латинскомъ и польскомъ языкахъ, Слезка потерпѣлъ неудачу: Въ 1639 г. онъ въ ней напечаталъ по польски панегирикъ, написанный, кажется, Кирилломъ Транквилліономъ-Ставровецкимъ, въ честь православнаго львов. епископа Іереміи Тисаровскаго, любимаго, какъ уже сказано, братчиками и русскимъ народомъ вообще, п. з. **Aurora na horyzoncie lwowskim świecąca** не понравившійся консисторіи, которая приказала изданіе сжечь, а Слезку покарать пеней въ пользу костела, но на службѣ все таки его задержала. Между тѣмъ въ братствѣ Слезка ворочалъ большими дѣлами, имѣя за собой вліятельныхъ братчиковъ. Въ собраніи братства 9 апр. 1638 г. старшій братъ (сеніоръ) Гавріилъ Лангишъ, другъ Слезки, произнесъ признательную для Слезки рѣчь, съ заявленіемъ, что онъ, Слезка, желая оказать добрую услугу братству, соглашается купить братскія изданія: Евангелія, Псалтыри и Служебники, оптомъ, хотя и не особенно для себя выгодно и потому будто бы долго отказывался, но онъ, Гавріилъ Лангишъ, успѣлъ таки склонить его къ покупкѣ этихъ книгъ, съ тѣмъ, что деньги будетъ Слезка выплачивать братству частями. Но во время голосованія дѣло провалилось: »Одны (братчики) позволили и рады были такому купцеви, другіе ганили и позволити не хотѣли«, а еще иные, »конца не чекаючи, отошли...« Въ виду чего это дѣло »до большости братій одложено«. (Архивъ Ю.-З. Рос., ч. I, т. XI, стр. 133—134).

Все это не помѣшало Слезкѣ застраховать себя и еще съ одной стороны: высшей православной іерархіи. Онъ выпросилъ себѣ у константинопол. патріарха,

Не смотря, однако, на всѣ эти затѣи и явно для братства подрывныя продѣлки Слезки, братство все таки старалось съ нимъ какъ нибудь примириться, ибо не находило другого столь способнаго и знающаго печатное дѣло управляющаго. Предложеніе братства, печатать на выгодныхъ для себя условіяхъ въ братской печатнѣ Тріодь, Слезка, послѣ долгихъ переговоровъ отвергъ. Не видя возможности чегонибудь отъ него добиться, братство передало завѣдываніе своей печатни сначала Ивану Кунатовичу (въ 1638-39 гг.), а затѣмъ опять Андрею Скульскому, который, проигравъ дѣло съ братствомъ и примирившись съ нимъ, продалъ свои печатные приборы Слезкѣ и управлялъ братской печатней съ 1641 по 1643 г.[83]) Подъ его управленіемъ въ ней напечатаны

за подписью 12 митрополитовъ грамоту, представленную затѣмъ митр. Петру Могилѣ, съ просьбой къ нему дать и свою такую же грамоту, на что Петръ Могила, рѣшивъ, что »речь та будетъ и Богу вельце мила и цѣркви Россійской барзо потребна и пожитечна«, далъ Слезкѣ въ 1639 г. (19 іюля) благословенную грамоту »на друкованье въ друкарнѣ своей вшелякихъ церковныхъ и учительныхъ книгъ кгрецкимъ, словенскимъ и русскимъ діалектомъ, ведле даннаго сму отъ свѧтѣйшихъ патріарховъ благословенія«, съ условіемъ только, чтобы каждое изданіе предлагалось митрополиту для просмотра и »аппробаціи«. (Кіев. Епарх. Вѣдом. за 1873 г., н-ръ 22, стр. 650—651).

Полагаясь, впрочемъ, и на мощную поддержку со стороны архіепископа Гроховскаго и мѣстныхъ магистратскихъ властей, Слезка печаталъ церковнославянскія книги, хотя фактъ самого печатанія этихъ книгъ хранилъ покамѣстъ въ тайнѣ. Въ концѣ концовъ, однако, 8 іюня 1639 г., онъ выпустилъ изъ своей печатни »Апостолъ«, въ 273 лл., »овощъ перший типографіи мосй«, какъ самъ написалъ въ предисловіи къ нему, съ отмѣченіемъ, что эта книга выходитъ »за привилеем его Корол. Милости, а за благословеніем святѣйших Патріархов и прив. его мил. господина отца Петра Могилы, митрополита Кіевскаго, Галицкаго и пр. Во Львовѣ, в типографіи Михаила Сліозки«. Книга и посвящена была Петру Могилѣ и вышла съ его гербомъ и панегирическими виршами къ этому гербу.

Узнавъ обо всемъ этомъ и отрѣшивъ Слезку отъ должности, Успен. братство возбудило противъ него дѣло и просило короля Владислава IV о защитѣ. Король выдалъ братству новый привилей, отъ 30 ноября 1639 г., въ которомъ подтвердилъ всѣ прежнія права братства вообще и право исключительнаго печатанія церковнославянскихъ и русскихъ книгъ въ частности (Арх. Ю.-З. Р. ч. I, т. X, н-ръ 80), но все таки не взялъ своего привилея, выданнаго Слезкѣ обратно, въ виду чего Слезка не считалъ себя чѣмъ-либо связаннымъ въ печатаніи этихъ же книгъ.

Выигравъ дѣло у короля, братство отправило къ новому вселенскому константинопол. патріарху Парфенію въ 1640 г. особое посольство съ письменной жалобой на Слезку, что онъ открылъ во Львовѣ свою печатню для подрыва братской, незаконно и обманно досталъ себѣ на нее грамоты отъ предъидущаго патріарха и митр. Петра Могилы, и просило о возстановленіи прежнихъ правъ братства (письмо это братства къ патріарху въ книгѣ С. Голубева: Петръ Могила, II, прилож., стр. 176—179, н-ръ 45). Патріархъ удовлетворилъ просьбу братства: въ маѣ 1640 г. онъ выдалъ братству свою грамоту, съ 16 подписями, съ подтвержденіемъ всѣхъ прежнихъ правъ братства на печатаніе и съ отмѣной грамоты, выданной Слезкѣ. Вслѣдъ затѣмъ, уже въ іюнѣ 1640 г. патріархъ послалъ повелѣніе митр. Петру Могилѣ отобрать у Мих. Слезки привилей на печатаніе и запретить ему печатаніе книгъ, чтобы этимъ не нарушались права львов. братства и не наносились ему убытки и обиды. (Тамъ же, н-ра 47 и 48, стр. 182—186). Братство, такимъ образомъ, также выиграло споръ со Слезкою у патріарха и митрополита.

[83]) Въ то же время Скульскій началъ вести процессъ со Слезкою передъ львов. латин. архіепископомъ и магистратскими властями и проигралъ его 9 октября 1641 г.

были Трифологіонъ, Часословъ полуставный и др. книги. Полагаться на Скульскаго, однако, братству тѣмъ паче было трудно. Показали это его прежніе пріемы и средства борьбы съ братствомъ. Между тѣмъ со смертью львов. епископа Іереміи Тисаровскаго и намѣреніемъ новаго епископа Арсенія Желиборскаго основать свою печатню, Скульскому открывалась новая возможность конкурировать съ братствомъ, чѣмъ онъ вскорѣ и воспользовался.[84]) Волей-неволей братству пришлось снова договариваться со Слезкой.

Хотя королевскій привилей, выданный братству, какъ позднѣйшій, тѣмъ самымъ уничтожалъ постановленія прежняго, выданнаго Слезкѣ, но бороться съ нимъ братству было трудно, ибо по сторонѣ Слезки были львов. лат. архіепископъ и магистратъ. Наконецъ примирилось съ нимъ и договоромъ отъ 29 іюня 1643 г. приняло его на постъ управителя своей печатни на особыхъ новыхъ условіяхъ.[85]) Слезка взялся энергично за работу и напечаталъ въ братской печатнѣ цѣлый рядъ большихъ и дорогихъ книгъ,[86]) но условій заключеннаго договора не соблюдалъ: печаталъ и большія книги въ свою пользу и отъ своего имени. Кромѣ того Слезка, какъ печатникъ, не порывалъ дѣловой связи съ львов. лат. архіепископомъ,[87]) ни не отказывался отъ веденія своей собственной печатни, изъ-за которой попалъ въ еще большую распрю съ митр. Петромъ Могилой, чѣмъ съ братствомъ.

Петръ Могила, человѣкъ сильной воли, неутомимой энергіи

---

[84]) Львов. правосл. еп-пъ Арсеній Желиборскій также былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ львов. Успен. братствомъ до своей кончины въ 1663 г., но враждовалъ съ Петромъ Могилой и основалъ свою печатню при Св.-Георгіевскомъ кафедральномъ соборѣ скорѣе для конкуренціи съ кіевской. Уволенный съ поста управителя братской печатни Андрей Скульскій завѣдывалъ епископской (съ 1643 г.). Въ ней были напечатаны: Евхологіонъ или Требникъ (въ 1645 г.) и Наука о седми тайнахъ церковныхъ. Но послѣ 1646 г. эта печатня прекратила свою дѣятельность. Крыловскій догадывается, что еп-пъ Арсеній Желиборскій, находясь въ хорошихъ отношеніяхъ съ братствомъ, по просьбѣ и убѣжденію братчиковъ переуступилъ имъ свою печатню за приличную плату; другіе, что епископъ перевелъ ее въ Уневъ, гдѣ она стала работать особенно интенсивно съ 1660 г. Скульскій, между тѣмъ, также получилъ королевскій привилей на открытіе своей собственной печатни, но не открылъ за неимѣніемъ капитала. Онъ продолжалъ затѣмъ работать въ уневской печатнѣ. Въ 1651 г. онъ былъ заподозрѣнъ въ шпіонствѣ въ пользу козаковъ и подвергнутъ пыткамъ, которыя сдѣлали его калѣкой. Умеръ, кажется, послѣ 1665 г. послушникомъ въ Св.-Онуфріевскомъ м-рѣ во Львовѣ.

[85]) Условія эти: 1) Слезка отказывается навсегда отъ полученной имъ королевской грамоты; 2) братство же вручаетъ ему свою печатню съ тѣмъ, чтобы печатаемыя имъ книги въ л. и въ четв. долю принадлежали братству, но за извѣстное вознагражденіе. Печатаніе же книгъ меньшихъ размѣровъ разрѣшено Слезкѣ на своей бумагѣ, но съ выдачей братству извѣстнаго количества примѣрниковъ каждой. На заглавномъ листѣ всѣхъ книгъ должно быть упомянуто, что онѣ издаются отъ имени братства.

[86]) Октоихъ и Евангеліе 1644 г., Анфологіонъ 1651 г., Ключъ разумѣнія, 1663 и 1665 гг., Тріодь постную, 1664 г., напрестольное Евангеліе 1665 г., Тріодь цвѣтную 1666 г. и др.

[87]) Слезка получилъ отъ новаго львов. архибискупа Николая Кросновскаго новую утвердительную грамоту отъ 14 ноября 1645, съ принятіемъ на постъ типографа латин. консисторіи.

и высокаго авторитета, не только по своей дѣятельности, но и по высокому сану экзарха вселенскаго константинополь. патріарха, требовалъ себѣ подчиненія отъ церковныхъ братствъ вообще и отъ львов. Успенскаго въ частности, особенно въ дѣлѣ представленія ему братствомъ всѣхъ печатаемыхъ книгъ къ „аппробаціи". Митрополитъ былъ недоволенъ Слезкою уже потому, что онъ, вопреки данному обязательству, своихъ печатаемыхъ книгъ къ цензурѣ не представлялъ. Вдобавокъ, Слезка значительно подрывалъ своими изданіями кіево-печерскую печатню переиздаваніемъ, а то и простымъ перепечатываніемъ ея книгъ безъ разрѣшенія. На почвѣ этой распри наступило нѣкоторое сближеніе между Слезкой и епископомъ Арсеніемъ Желиборскимъ, съ одной стороны, и Петра Могилы съ львов. Успен. братствомъ съ другой.[88]) Въ наказаніе за вредъ, причиняемый церкви, митр. Петръ Могила въ 1646 г. предалъ Слезку анаѳемѣ послѣ того, какъ въ томъ же году онъ, Слезка, выпустилъ изъ своей печатни 12 августа Номоканонъ, а 23 августа Служебникъ. Хотя въ то время преданіе анаѳемѣ не являлось рѣдкимъ событіемъ, почему обыкновенно особеннаго впечатлѣнія не производило, и Слезка сначала отнесся къ нему спокойно, все же повлекло за собой для него скверныя послѣдствія, заставляющія его усиленно хлопотать о снятіи ея. Дѣло это вскорѣ и надолго осложнилось тѣмъ обстоятельствомъ

---

[88]) Отношенія эти лучше всего показываютъ слѣд. два письма митрополита: Львовскому Успен. братству Петръ Могила писалъ 4 мая 1646 г.: »Знать не тайно есть всѣмъ милостямъ вашимъ, яковые перешкоды отъ типографа милостей вашихъ п. Слезки друкарня наша Печерская, для его нововозниклой друкарнѣ, з неошацованою шкодою монастырскою, поносить, албовѣмъ толко зачнемо яковые книги друковати, онъ упережаетъ, з умыслу на прикрости намъ чинечи. Прето духовне его карати мусимо, ежели такового его предсевзятого замыслу не понехаетъ, и книгъ которые теперъ друкуетъ не поперестанетъ: нехай будетъ проклятъ, зовсѣмъ анафемѣ его предаемъ, и милостямъ вашимъ пилно приказуемъ, жебысте милость ваша з нимъ жадного общованя не мѣли, и зъ нимъ, яко проклятым, корыстовати не важилисе, подъ таковымъ же каранемъ духовнымъ«. — На слѣд. же день, 5 мая 1646 митрополитъ написалъ Слезкѣ: »Выразне то неразъ показало, и теперь показуетъ, же вы на згубу друкарнѣ нашое Печерское, которая всему Россійскому великою утѣхою есть народови и церкви Божое потребна, а ку неошацованой нашей шкодѣ и уймѣ, книги тые, которыхъ у насъ есть в складѣ барзо много, особливе Служебниковъ, з нашего екземпляру на перешкоду друкуете, щого жадного церкви Божои не машъ пожитку. А такъ подъ клятвою святыхъ отецъ и нашею Ексаршею приказуемъ, абысте перестали тыхъ Служебниковъ отъ сего часу друковати, нимъ наши спродадутся, также и в Требникахъ абысте намъ жадное перешкоды не чинили. А будете ли въ томъ своемъ упорѣ стояти и зачатые Служебники друковати, клятву св. отецъ и нашу вкладаемъ на васъ, и от всѣхъ добродѣйствъ церковныхъ отдаляемъ, и яко гнилого члонка оттинаемъ, и анаѳемѣ никимъ неразрѣшимой вѣчне предаемъ, и во всякое каранье Божое, яко на противника Божого, вкидаемъ, и потоль въ той клятвѣ зоставати масте, ажъ отъ насъ, пастыря, прощенія не сподобитеся, и разрѣшенія не примешъ, не розумѣючи о томъ, же го отъ святѣйшого патріарха мѣлъ бы одержати, бо во всей Россіи мы естесмо пастыремъ, а ку тому и святѣйшій патріарха зхоче мѣти вѣдомость, о што станула клятва. Ежели въ справѣ церковной публичной, которую на свои приваты оборочаш, того се важити въ деоцезіи нашой взборонитъ, бо и канона не позволяютъ... До того тежъ будте певни, же такіе Служебники будутъ палени«. (С. Голубевъ: Петръ Могила, т. II, приложенія и-ръ 82, стр. 487—489).

что митр. Петръ Могила, не снявъ ея, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, умеръ.

Долготерпѣніе Успен. братства наконецъ лопнуло, послѣ того, какъ Слезка въ 1651 г. напечаталъ преимущественно въ свою пользу Трифологіонъ, оно вынуждено было снова уволить его со службы и начать вести съ нимъ новый процессъ. Внезапно въ томъ же году Слезка лишился и своей собственной печатни: несмотря на имѣющійся у него королевскій привилей на нее, король Янъ Казиміръ подарилъ ее хорунжему Студзинскому, и Слезкѣ стоило многихъ хлопотъ и средствъ отобраніе ея, только, кажется, благодаря покровительству латин. консисторіи.

Во всей долголѣтней тяжбѣ и борьбѣ братства со Слезкою интересно еще и то, что, несмотря на удаленіе его со службы въ братской печатнѣ, оно не только не исключало его изъ числа членовъ братства, но даже избирало его въ составъ своихъ правленій, мало того, часто поручало ему веденіе братскихъ дѣлъ, иногда же дѣлъ чрезвычайной важности. До того онъ, какъ дѣловой человѣкъ, былъ ему цѣненъ и необходимъ, хотя, оно, отъ времени до времени, также карало его за проступки со всей строгостью братскаго устава.[89])

За время своего завѣдыванія Слезка поднялъ братскую печатню на высокій уровень въ смыслѣ техническаго ея оборудованія и улучшенія ея изданій. Но онъ же съ другой стороны, подрывалъ ея доходы, тормозилъ ея дѣятельность, донималъ и разорялъ ее дорого стоющими процессами и даже подвергалъ опас-

---

[89]) Покаранъ былъ Слезка, напр., въ 1635 г., т. е. уже черезъ 2 года послѣ своего принятія въ члены братства, затѣмъ въ 1666 г., т. е. за годъ до своей смерти. Зато, благодаря своей дѣловитости, зажиточности, личнымъ связямъ и знакомствамъ, родственникамъ и друзьямъ среди братчиковъ, Слезка въ братствѣ пользовался такимъ сильнымъ вліяніемъ и авторитетомъ, что неразъ перениралъ въ немъ свои предложенія и проекты, явно направленные во вредъ и убытокъ братству. Зато общія дѣла братства и отдѣльныя особыя порученія его онъ несомнѣнно исполнялъ успѣшно и добросовѣстно, почему и избирался въ его правленіе. Такъ, напр., 12 мая 1656 г. Слезка былъ выбранъ однимъ изъ 4-охъ старшихъ братьевъ (вицесеніоровъ) и состоялъ »столовымъ братомъ« (префектомъ), 29 января 1664 г. на него, какъ старшаго брата, »вложили послугу церковную и дали ему ключи отъ сосудохранительницы«. Въ 1647 г. Слезка, находящійся уже подъ митрополичьей анаѳемой, ѣдетъ, въ составѣ братской делегаціи, на похороны того же митрополита Петра Могилы въ Кіевѣ, хотя, вѣроятно, и по личному дѣлу, выхлопотанія себѣ у новаго митрополита снятія этой кары. Въ 1654 и 1658 гг. онъ ѣздитъ въ качествѣ братскаго уполномоченнаго въ Варшаву. (Архивъ Ю.-З. Р. ч. I, т. XI, стр. 115, 192, 202, 238, 431, 467, т. X, стр. 725, т. XI, стр. 420, 458, 696). И что онъ въ такихъ дѣлахъ дѣйствительно былъ искренно преданъ бр-ву и заслуживалъ его полнаго довѣрія, показываетъ такой фактъ: Вмѣстѣ съ Василіемъ Корендовичемъ братство послало 27 марта 1659 г. Слезку въ Кіевъ, къ митр. Діонисію Балабану, съ чрезвычайно важнымъ порученіемъ, лично для Слезки, какъ архіепископскаго печатника, и по др. тогдашнимъ обстоятельствамъ (козацкимъ войнамъ и пр.) даже опаснымъ: ознакомить митрополита съ тяжелымъ положеніемъ русскаго православнаго населенія во Львовѣ, представить ему всѣ преслѣдованія и насильства, »ярмо наше и вшелкое стисненя и зневоленя от панов магистратовых«, конечно съ соотвѣтствующими предложеніями и планами самозащиты, въ надеждѣ на то, что удастся »на синодѣ генеральном высвободити россійскій ввесь народ«. (Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. XII, стр. 572).

ности погери ею своихъ правъ на печатаніе и существованіе — и все это для своей наживы и удовлетворенія своихъ личныхъ амбицій, несмотря на то, что въ другихъ отношеніяхъ раздѣлялъ идейныя стремленія и цѣли братства, заодно съ нимъ боролся за вѣру и Русь.[90])

Такая двойственность его взглядовъ и убѣжденій, такія противорѣчивыя качества его натуры и корыстолюбивыя сдѣлки и затѣи, отразились на отношеніи братчиковъ къ его личности даже послѣ его смерти,[91]) и своими послѣдствіями еще нѣсколько лѣтъ вредили братству, тягавшемуся по судамъ съ его наслѣдниками изъ-за того, что и они въ унаслѣдованной по Слезкѣ печатнѣ продолжали печатать книги братству въ убытокъ. Процессы съ ними и окончательный выкупъ у нихъ этой печатни обошелся братству въ огромную по тогдашнему времени сумму 13.560 зол. 28 гр.[92]).

Претерпѣнныя напасти, убытки и мытарства со Слезкой научили братство осторожности въ выборѣ въ управляющіе братской печатней. Оно предпочитало назначать на этотъ постъ печатниковъ среднихъ способностей, но добросовѣстныхъ, чѣмъ людей особенныхъ дарованій, смѣлой иниціативы и широкаго размаха, но не надежныхъ.[93])

---

[90]) Здѣсь, кстати и по необходимости, словечко по вопросу о его вѣроисповѣданіи. Потому, что Слезка состоялъ на службѣ у латин. архіепископа, въ качествѣ завѣдующаго его печатней, нѣкоторые (напр. Бандтке) догадывались, что онъ былъ католикомъ. Догадка эта лишена малѣйшихъ основаній и, просто, невозможна хотя бы потому, что въ такомъ случаѣ православный митрополитъ врядъ ли предавалъ бы его, уже католика, анаѳемѣ, и врядъ ли онъ, Слезка, столь усиленно хлопоталъ бы о снятіи ея съ него. Нынѣ установлено и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ остался православнымъ до своей кончины, о чемъ, впрочемъ, свидѣтельствуютъ вся его жизнь и дѣятельность и всѣ о немъ данныя. (Проф. И. Огіенко, указ. соч.; С. Голубевъ: Петръ Могила, II, прилож., стр. 166).

[91]) Умеръ Слезка въ 1667 г. Такъ какъ отлученіе его отъ Церкви не было съ него снято до самой кончины, никто не дерзалъ и не хотѣлъ хоронить его, такъ что тѣло покойника лежало непохороненнымъ 14 дней, и только послѣ того, какъ митр. Кіев. Антоній Винницкій снялъ съ него это отлученіе, оно было предано землѣ.

При жизни, Слезка изъ своего большого имущества жертвовалъ кое-что отдѣльнымъ церквамъ и Успенскому братству. Умирая, онъ завѣщаніемъ поручилъ своимъ наслѣдникамъ выдать изъ его имущества 1500 золотыхъ, чего они, однако, не сдѣлали, ограничиваясь выдачей ему только незначительнаго количества напечатанныхъ книгъ.

[92]) Наслѣдники Слезки: сынъ Иванъ и дочери, Варвара, замужняя за Степаномъ Лаврищевичемъ (Павловичемъ) и Софья, зам. за львов. купцомъ Николаемъ Димитровичемъ, продолжали печатать и продавать книги »братству на злость и шкоду велику«, какъ записано. Послѣ двухлѣтняго съ ними процеса, братство, черезъ своихъ уполномоченныхъ делегатовъ на коронацію въ Краковѣ короля Михаила Корыбута Вишневецкаго, поднося дорогіе подарки, достало новый королевскій привилей и добилось въ надворномъ судѣ приговора, согласно которому наслѣдники Слезки обязаны были продать эту печатню братству, что они и сдѣлали въ 1670 г.

[93]) Имѣя въ виду исторію со Слезкой, нѣкоторые изслѣдователи (проф. И. Огіенко и др.) высказали сожалѣніе о томъ, что, изъ-за печатной монополіи Львов. Успен. братства, не давалась возможность талантливымъ знатокамъ печатнаго дѣла и людямъ широкой въ немъ иниціативы развернуть свободно свой талантъ

Послѣ Слезки управляли братской Ставропигійской печатней: Степанъ Половецкій, бывшій сотрудникъ Скульскаго съ 1645 г. и братскій „друкарчикъ“ съ 1664 г. На посту завѣдующаго братской печатни работалъ въ 1668—1672 гг. Семенъ Ставницкій, бывшій выученикъ Слезки и долголѣтній наборщикъ въ ней. Онъ велъ дѣла печатни въ полномъ согласіи съ братствомъ до 1697 г. Замѣнялъ его, чередуясь съ нимъ на посту завѣдующаго, его сынъ, Василій Ставницкій, такъ какъ старшій Ставницкій, въ 1676—1680 гг., завѣдывалъ уневской печатней, а младшій, съ 1680 г., печатней еп-па Шумлянскаго, съ которой и перешелъ на службу къ братству.

Благожелательное отношеніе къ братству также львов. правосл. еп-па Арсенія Желиборскаго (въ 1663—1666 гг.) было также и для братской печатни вѣскимъ облегчительнымъ обстоятельствомъ.

Съ 1684 г. братству пришлось вести дорого стоющій процессъ съ Войцѣхомъ Мѣльчевскимъ, добывшимъ себѣ также королевскій привилей на печатаніе церковно-славянскихъ и русскихъ книгъ, но проигралъ дѣло. Его печатня была закрыта, вмѣстѣ съ съ книгами и приборами конфискована и отдана братству, а самъ онъ своей неудачной затѣей совершенно разорился.

Съ поры парехода братства въ унію въ 1708 г. братская печатня очутилась въ совершенно новыхъ условіяхъ. Этимъ годомъ и замыкается долгій, ибо свыше 120-лѣтній періодъ самой плодотворной печатно-издательской дѣятельности львовск. Ставропигійскаго братства.

Доходы изъ печатни и продажи книгъ.

Печатаемыя въ сравнительно большомъ количествѣ братскія изданія расходились не только по всей Галицкой Руси, но и за ея предѣлами, въ Польшѣ и заграницей. Они свободно раз-

и этимъ способствовать полнѣйшему развитію и прогрессу печатнаго искусства въ юго-западной Руси, что и наглядно доказывается, между прочимъ, лучше изданными книгами Слезки тогдашнихъ братскихъ изданій. Взглядъ этотъ, кажется, не совсѣмъ вѣренъ. Прежде всего, конкурируя съ братской печатней, Слезка, естественно, заинтересованъ былъ въ выпускѣ своихъ книгъ въ болѣе изящномъ видѣ, но еще вопросъ, не пошла ли бы впослѣдствіи эта конкуренція по линіи массоваго, упрощеннаго, дешеваго и т. д. книгопроизводства, единственная цѣль котораго — личное обогащеніе частнаго лица, владѣльца печатни. Затѣмъ, помимо братской »монопольной« печатни во Львовѣ, въ XVII и XVIII вв., на всей пространной югозападной Руси и въ Галичинѣ въ частности, возникали, развивались и падали многія иныя печатни, со своими такими же или другими заданіями, нѣкоторыя изъ нихъ снабжаемыя громадными средствами, и представляющія собой благодарное поприще печатникамъ широкой иниціативы и выдающагося таланта, и все же онѣ, подчасъ даже при сильной поддержкѣ со стороны, за исключеніемъ, конечно, кіево-печерской, работавшей въ совершенно другихъ условіяхъ, ни широтой своей дѣятельности, ни постановкой дѣла, никогда не доравнивали ни львовской братской, ни когдашней княжьей острожской печатнямъ. Нынѣ же, при обозрѣніи дѣятельности льв. братской печатни съ точки зрѣнія ея церковно-общественнаго значенія и огромныхъ заслугъ для галицко-русскаго народа въ прошломъ, невозможно не признать, что, въ тѣ далекія времена неограниченнаго владычества той самой, не разбирающей въ средствахъ »приваты«, въ которой такъ остро укоряетъ Слезку митр. Петръ Могила, это мужественное отстаиваніе братствомъ своего исключительнаго права печатать церковно-славянскія и русскія книги для общенародной пользы имѣло для Галицкой Руси великое значеніе.

возились и продавались на Волыни, Подоліи, Украинѣ, въ Бѣлоруссіи, Литвѣ, Москвѣ, Молдаво-Валахіи. Наибольше вывозилось ихъ въ Кіевъ, гдѣ во время козацкихъ военъ печерская печатня прекратила свои дѣйствія.

Кромѣ того книги изъ львов. Ставропигійской печатни распространялись въ тѣхъ странахъ, гдѣ употреблялся церковнославянскій языкъ въ богослуженіяхъ: въ Венгріи, Сербіи, Македоніи, но даже въ Греціи и Палестинѣ. Часто же братство посылало свои книги православнымъ монастырямъ и церквамъ подъ турецкимъ владычествомъ въ видѣ милостыни, во всѣхъ случаяхъ, когда не было въ состояніи помочь наличными деньгами. Взамѣнъ за братскія изданія изъ Москвы получало братство тамошнія изданія, церковныя иконы, облаченія и денежныя вспоможенія.

Высоту прибыли братства изъ продаваемыхъ книгъ можно опредѣлить по тому, что на выручаемыя за нихъ средства братство содерживало почти всецѣло школу, больницу, богадѣльню, печатню, двухъ священниковъ одного діакона и проповѣдника при Успенской церкви и монаховъ при принадлежащемъ братству Св.-Онуфріевскомъ монастырѣ.

Получая такіе огромные доходы за свои изданія, братству необходимо было хозяйничать ими расчетливо и бережно и выбирать въ свое правленіе вообще и въ завѣдующіе и служащіе своей печатни людей свѣдущихъ и печатному дѣлу и самому братству преданныхъ. Въ большинствѣ случаевъ и обычно выборы эти были удачны. Такіе типы на этихъ важныхъ и отвѣтственныхъ братскихъ постахъ, какъ Андрей Скульскій и Михаилъ Слезка, и затѣмъ, въ началѣ XVIII в., Степанъ Лясковскій, безотчетно хозяйничавшій его средствами и разорявшій его, были, правда, весьма разительными, но рѣдкими исключеніями.

Борьба Іосифа Шумлянского съ Ставропигіей и ея печатнѣ.

Вражда епископа Іосифа Шумлянскаго съ братствомъ обрушилась всей своей тяжестью и яростью на братскую печатню. Вскорѣ уже создалось печальное положеніе, живо напоминающее собою борьбу съ братствомъ еп-па Гедеона Балабана, а только вызванное совершенно другими причинами и ведущее къ совершенно другимъ цѣлямъ и послѣдствіямъ.

Шумлянскій только внѣшне православный, но въ душѣ уніатъ, стремился возможно скорѣе перевести Ставропигійское Успенское братство въ унію, но независимое положеніе этого братства, огромные, выручаемые имъ за свои изданія доходы, и, наконецъ, сами эти православныя изданія, были большимъ къ этому препятствіемъ. Отсюда и его непрестанныя, долголѣтнія и упорныя усилія подорвать матеріальныя средства братства въ самомъ главномъ источникѣ его дохода, печатнѣ, и такимъ образомъ заставить его смириться и подчиниться его требованіямъ перехода въ унію, въ чемъ, въ концѣ концовъ, онъ и успѣлъ.[94])

[94]) Такъ какъ долголѣтняя кампанія Шумлянскаго съ Успен. братствомъ носитъ особенный характеръ и атаки ея сосредоточены были главнымъ образомъ на братской печатнѣ, то по необходимости, для выясненія ея исходныхъ точекъ и сущности, вынужденъ немного остановиться на личности и тактикѣ этого епис-

Шумлянскій возненавидѣлъ Успен. братство съ самаго же начала за то, что оно боролось противъ его кандадатуры на льв. епископію, а затѣмъ вообще не подчинялось ему, какъ епископу. Въ 1668 г. братство выселило его изъ самовольно занятой имъ квартиры въ братскомъ домѣ. Въ 1673 и слѣд. гг. братство, не признавая его епископомъ, не признаетъ и его юрисдикціи надъ братскимъ духовенствомъ. Въ 1676 г., когда онъ хотѣлъ ревизовать братство, оно его не впустило ни въ свою церковь, ни въ братскій домъ. Уже послѣ смерти признаваемаго и поддержи-

---

копа и его заинтересованности въ подрывѣ братской печатни.

Шумлянскій (въ мірѣ Иванъ) происходилъ изъ знатнаго русскаго и православнаго дворянскаго рода (герба Корчакъ) и самъ по рожденію былъ православнымъ, но рано перешелъ въ католичество. Передъ кончиною льв. правосл. еп-па Арсенія Желиборскаго онъ состоялъ на военной службѣ и участвовалъ въ сраженіяхъ. Желая занять льв. епископскую кафедру, онъ, незадолго до смерти Арсенія Желиборскаго отрекся отъ католичества и снова принялъ православіе, и, какъ только этотъ епископъ въ 1666 г. умеръ, выдвинулъ свою кандидатуру на его мѣсто, уповая на поддержку со стороны короля и своихъ друзей. (И. Огіенко, ук. соч.; Крыловскій, стр. 171; Архивъ Ю-З. Р. ч. I, т. X, н-ръ 244, стр. 651—656). Но кандидатомъ на эту кафедру былъ тогда уже также изъ львовской русской шляхты происходящій, извѣстный своею ревностію къ православію, Евстафій Свистельницкій. Его кандидатуру поддерживало всецѣло львов. Ставропигійское Успен. братство, духовенство и гал.-русскій народъ. Ихъ и его сторону принялъ также кіевскій и галицкій митрополитъ Антоній Винницкій, къ которому отъ Ставроп. братства посланы были депутаты по дѣлу избранія новаго епископа. Выборы, однако, откладывались, ибо Иванъ Шумлянскій, имѣя за собой многихъ изъ шляхты и привлекши на свою сторону нѣсколькихъ лицъ изъ низшаго духовенства, проторивалъ себѣ путь къ епископской кафедрѣ противъ воли митрополита. Въ концѣ января 1667 г. его приверженцы прибыли во Львовъ и собрались въ церкви св. Юрія, чтобы произвести желательные для него выборы. Митр. Антоній Винницкій воспротивился этому и пригласилъ собравшихся удалиться изъ церкви. Они, однако, этимъ не смутились, пошли въ частный домъ и тамъ выбрали Шумлянскаго львовскимъ епископомъ. Но большинство православныхъ, во главѣ со Ставропиг. братствомъ, объявили эти выборы неправильными и незаконными, протестовали противъ нихъ, и эти протесты были столь рѣшительны, что Шумлянскій вновь сталъ подбирать приверженцевъ и устроилъ новые выборы, состоявшіеся еще три раза (12 апрѣля, 15 мая и 20 іюля 1667 г.) и счелъ необходимымъ выхлопотать себѣ у короля новую грамоту, ихъ потверждавшую. Все это вызвано было тѣмъ, что митр. Антоній Винницкій рѣшительно отказывался посвящать Шумлянскаго. Съ большими хлопотами состоялось только постриженіе его (въ Креховскомъ м-рѣ) въ монахи, подъ именемъ Іосифа, и еще съ большими — посвященіе по просьбѣ короля, въ іеродіаконы и іеромонахи (еп-помъ Гедеономъ Четвертинскимъ). Но отъ посвященія его въ епископскій санъ всѣ отказались. Тогда Шумлянскій, съ грамотою короля, отправился въ Молдавію, въ Яссы, чтобы получить посвященіе отъ тамошнихъ епископовъ. Но они и молдавскій господарь (воевода), предупрежденные обо всемъ, отправили его ни съ чѣмъ. Возвращаясь оттуда и по пути встрѣтившись съ греческими изгнанниками, Филиппольскимъ митомъ Софроніемъ и Хіосскимъ Ѳеофаномъ, упросилъ ихъ вернуться съ нимъ въ Галичину и посвятить его, разумѣется, за приличное вознагражденіе, что они и сдѣлали 1 февраля 1668 г. въ селѣ Высоцкѣ. — Между тѣмъ православные, подъ руководствомъ Усп. братства, сплотились тѣснѣе и, собравшись 11 января 1668 г. въ церкви св. Юрія во Львовѣ, избрали на льв. епископію 4 кандидатовъ, поставивъ на первомъ мѣстѣ Свистельницкаго. Король его и утвердилъ и 5 марта того же года выдалъ Свистельницкому привилегію на епископство. Свистельницкій приготовлялся къ хиротоніи, на которую съѣхались во Львовъ владыки, духовенство, шляхта и братчики. Шумлянскій вздумалъ помѣшать ей. Онъ сговорился съ комендантомъ львов. замка, полк. Казиміромъ Замойскимъ и подчиненными ему офицерами, своими приверженцами, которые, съ разнаго рода оружіемъ въ рукахъ напали на м-рь св. Юрія, гдѣ находились тогда митр. Антоній Винницкій, Свистельницкій и др.,

ваемаго братствомъ львов. еп-па Іереміи Свистельницкаго, и признанія собой, наконецъ, епископа Шумлянскаго, оно все же рѣшительно отвергло всѣ домагательства Шумлянскаго относительно цензуры печатаемыхъ въ братской печатнѣ книгъ и братской отчетности ему, воспротивилось помѣщенію въ Успенской церкви его епископской кафедры, а когда она все таки была тамъ помѣщена, выбросило ее изъ церкви и въ 1678 г., въ надворномъ судѣ, процессъ съ нимъ окончательно выиграло. Дѣло о цензурѣ,

частію съѣхавшіеся на хиротонію Свистельницкаго, частію гостившіе у митрополита. Однихъ ворвавшіеся перебили, другихъ изранили, а иныхъ перевязали и бросили въ тюрьму. Самого Винницкаго хотѣли убить, но онъ тайкомъ вышелъ и спрятался. Овладѣвъ м-ремъ и церковью, Шумлянскій ограбилъ не только ихъ, но и всѣхъ тамъ находившихся до-чиста. Началось противъ него затѣмъ судебное дѣло, перенесенное потомъ по своей важности на варшавскій сеймъ, по обвиненію Шумлянскаго въ незаконномъ пріобрѣтеніи имъ привилегіи на епископію и учиненныхъ имъ буйствахъ.

Шумлянскій, однако, воспользовался тѣмъ, что въ то время на кіевскую митрополію предъявлялъ свои права противъ Антонія Винницкаго другой владыка, Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій. Къ послѣднему Шумлянскій обратился съ просьбой объ утвержденіи его въ санѣ львов. епископа и этого добился. Чрезъ него же добился того же и отъ александрійскаго патріарха Паисія, но не получилъ этого утвержденія отъ вселенскаго константинопольскаго патріарха, очевидно, уже заранѣе ознакомленнаго съ настоящимъ положеніемъ дѣла.

Между тѣмъ, Свистельницкій, по настоянію Усп. бр-ва и вообще православныхъ во Львовѣ, 30 апрѣля 1668 г., въ праздникъ Вознесенія Господня, былъ посвященъ въ епископы митр. Антоніемъ Винницкимъ и еп-помъ перемышльскимъ Георгіемъ Гошовскимъ, въ братской Успенской церкви, но при закрытыхъ дверяхъ, по осторожности. Шумлянскій же, вмѣстѣ со своими приверженцами и сподвижниками, былъ 2 мая того же года, подвергнутъ анаѳемѣ за то, что безъ соизволенія Винницкаго занялъ львовское епископство, билъ и ранилъ людей до крови и рукополагалъ троеженцевъ. Поддерживающее Свистельницкаго Ставроп. Усп. братство на первыхъ порахъ выиграло: 1 авг. 1671 г. вышелъ королевскій приговоръ, которымъ львов. епархія всецѣло передавалась Свистельницкому, какъ ея законному еп-пу, а Шумлянскій ея лишался, такъ какъ присвоилъ себѣ титулъ львов. еп-па противъ правъ и каноновъ церкви, безъ согласія патріарха, митрополита, духовенства и мірянъ, мѣнялъ свою вѣру нѣсколько разъ, хиротонисованъ изгнанными изъ Турціи и лишенными сана епископами, напалъ ночью на церковь св. Юрія и т. д. (съ перечисленіемъ всѣхъ преступленій) ...и учинилъ прочія безчинства, имъ же нѣсть числа... присужденъ выплатить Свистельницкому такую-то (огромную) сумму, а для исполненія приговора и введенія Свистельницкаго во владѣніе епископіею назначены королемъ особые комиссары. Но Шумлянскій не допустилъ комиссаровъ до исполненія приговора. Онъ, то прибѣгаетъ къ насильствамъ и незаконно составляемымъ актамъ, то къ неискреннему примиренію со Свистельницкимъ, который вынужденъ жить въ Галичѣ или Крылосѣ, пока, наконецъ, по нажиму и вліянію вельможъ, друзей Шумлянскаго и по настоянію все время покровительствующаго ему львов. латин. архіепископа, король не выдалъ ему привилегію, что онъ является львов. еп-помъ. Получивъ ее, Шумлянскій силою занялъ еп-скую каѳедру во Львовѣ, но борьба его со Свистельницкимъ закончилась только со смертью послѣдняго въ 1676 г., послѣ чего этотъ санъ за Шумлянскимъ былъ уже признанъ митрополитомъ Винницкимъ и духовенствомъ.

Шумлянскій тайно перешелъ въ унію въ Варшавѣ уже въ то время, когда выдвинулъ свою кандидатуру на львов. епископію; торжественно же сдѣлалъ это тамъ же въ 1677 г. 7 марта, но свыше 20 лѣтъ скрывалъ это передъ Усп. братствомъ, духовенствомъ и народомъ, все время старался склонить ихъ къ принятію уніи также. По отношенію къ братству употреблялъ различныя средства воздѣйствія, то готовности къ услугамъ, то угрозъ и репрессій. Все это, однако, уже принадлежитъ больше къ общей исторіи, точнѣе къ исторіи уніи, насъ же, въ данномъ случаѣ, интересуетъ лишь по стольку, по скольку относится къ взаимоотношеніямъ Шумлянскаго и братства съ печатней. (Крыловскій, 171—181, Зубрицкій, Петрушевичъ, Огіенко, указ. соч. и источники тамъ приведенные).

однако, пошло своимъ особымъ путемъ. Братство цензурѣ не подчинялось и добилось отъ короля освобожденія отъ нея, но съ большимъ трудомъ и послѣ чрезмѣрныхъ матеріальныхъ жертвъ. Учитывая всѣ трудности, братство вступило въ торгъ съ епископомъ Шумлянскимъ непосредственно и за 1000 золотыхъ получило отъ него 28 мая 1679 г. его письменное обязательство — никакой тяжбы съ братствомъ никогда не начинать и оставить его при всѣхъ правахъ и свободѣ печатанія.

Но, на дѣлѣ, Шумлянскій добивался не столько цензуры братскихъ изданій, сколько овладѣнія братской печатней и братскими доходами. Наконецъ, открылъ свою печатню при Святоюрской церкви и началъ печатать книги, но не будучи въ состояніи выдержать конкуренціи съ братской, черезъ полтора года разорившись на нее, самъ предложилъ братству купить ее, и оно купило ее за 5000 зол., 17 сентября 1688 г., въ добавокъ получая отъ него новое письменное обязательство, что ни самъ не заведетъ, ни никому другому не позволитъ завести въ его епархіи другой печатни, съ одновременнымъ врученіемъ братству полученной нѣкогда Шумлянскимъ королевскаго привилея на печатню.

Но мира между братствомъ и Шумлянскимъ не было и быть не могло, ибо оно желало оставаться православнымъ, а онъ перевести его и всю епархію въ унію, автономія же и экономическая независимость братства этому особенно мѣшали. Нарушая данное обязательство слова, онъ около 1700 г. убѣдилъ монаховъ-василіанъ при святоюрской церкви основать печатню, въ которой вскорѣ и начали печатать книги (Ирмологіонъ и др.). Собираясь открыто перейти въ унію и не считая въ такомъ случаѣ для себя безопаснымъ дальнѣйшее проживаніе въ братскомъ зданіи, хотя и безплатное, онъ самъ оставилъ его (т. наз. Мезапетанскую каменицу). Въ Варшавѣ, 16 мая 1700 г., онъ, со своимъ клиромъ и отъ имени клира, принялъ унію, открыто, передъ папскимъ нунціемъ и примасомъ кардиналомъ. Вернувшись во Львовъ, онъ съ помощью своего друга и покровителя короннаго гетмана Станислава Яблоновскаго силою занялъ братскую церковь, помѣстилъ въ ней свою кафедру и т. д. На братскую жалобу въ судѣ по поводу новооснованной василіанской печатни, Шумлянскій отвѣтилъ, что онъ уже уніатъ, а потому не можетъ уже пользоваться книгами „схизматическаго братства, зараженнаго ересами". Въ то же время, однако, король Августъ защитилъ братство, какъ православное, отъ посягательствъ Шумлянскаго, какъ уже уніатскаго епископа. Шумлянскому пришлось перемѣнить тактику и пріемы борьбы. [95]) Впрочемъ же внѣшнія и внутреннія событія и обстоятельства подрывали братство и благопріятствовали Шумлянскому.[96])

[95]) Напр., 8 февраля 1701 г. Шумлянскій издалъ письменное объявленіе о томъ, что будто уже нѣкоторые братчики перешли въ унію, называя такихъ 13 фамилій, но всѣ названные опровергли это и противъ этого запротестовали и самый относ. документъ оказался подлогомъ. Запретилъ вѣрнымъ покупать братскія изданія. Добился отъ польскаго правительства запрещенія сношеній братства и вообще православныхъ съ вселенскимъ константинополь. патріархомъ даже подъ угрозой смертной казни и др.

[96]) Въ перемышльской епархіи сопротивленіе православныхъ было раньше

Съ другой стороны, епископъ Іосифъ Шумлянскій обѣщалъ братчикамъ, что по принятіи братствомъ уніи, оно не только сохранитъ за собой всѣ привилегіи и права, но и въ другихъ отношеніяхъ много выиграетъ, что оно, подобно, какъ находилось непосредственно подъ властью вселенскаго патріарха, будетъ находиться подъ властью только римскаго папы, что святоюрская печатня будетъ закрыта и исключительное право печатанія церковныхъ книгъ будетъ имѣть только братская и т. п. Въ самомъ братствѣ, тогда немногочисленномъ, уже было раздвоеніе: значительная часть членовъ его не видѣла возможности дальнѣйшей успѣшной борьбы въ создавшихся условіяхъ и склонялась къ переходу въ унію. Постановленіемъ своего большинства братство 2 мая 1708 г. приняло унію и отправило относ. письма нунцію въ Варшавѣ и папѣ и „конгрегаціи дэ пропаганда фидэ“ въ Римѣ, на которыя былъ полученъ отвѣтъ папы Климента XI отъ 5-го апрѣля 1709 г., съ утвержденіемъ присоединенія братства и сохраненіемъ за нимъ всѣхъ его правъ и привилегій.

Вскорѣ, ибо 16 мая 1708 г., по приказу Шумлянскаго, святоюрскіе василіане продали братству свою печатню и напечатанныя въ ней книги (Ирмологіонъ) за 2000 зол. Въ томъ же году епископъ Іосифъ Шумлянскій умеръ. При его преемникѣ на львов. епископской кафедрѣ Варлаамѣ Шептыцкомъ[97]) братская печатня стала поправляться понемногу, но положеніе братства оставалось дальше весьма тяжелымъ изъ-за новыхъ тяжбъ съ львовскимъ магистратомъ и дорого стоющихъ братскихъ ходатайствъ въ Варшавѣ отъ имени и въ пользу всего галицко-русскаго народа въ связи съ новымъ положеніемъ послѣ перехода въ унію.[98]) Впрочемъ же

сломлено и 3 апрѣля 1691 г. открыто была провозглашена унія. Въ 1704 г. Ставроп. Успен. братство страшно было ограблено взявшими Львовъ шведами и наложенной на него высокой контрибуціей, до той степени, что фактически лишилось почти всего своего наиболѣе цѣннаго имущества. По уходѣ шведовъ настала во Львовѣ и въ краѣ зараза, а вслѣдъ за нею и голодъ изъ-за того, что некому было обрабатывать землю. При такомъ печальномъ состояніи города многіе его жители убѣжали въ Карпатскія горы и вообще въ провинцію, въ томъ числѣ и многіе изъ членовъ братства. (Крыловскій, Зубрицкій).

97) Бывшій правосл. архимандритъ Гуневскаго м-ря, Варлаамъ Шептыцкій, былъ въ 1709 г. назначенъ, а въ 1710 г. посвященъ въ гр.-кат. львов. еп-па. Онъ скончался въ 1715 г.

98) Шумлянскій и его приверженцы обѣщали, на основаніи правительственной декларации отъ 18 марта 1681 г., что съ переходомъ въ унію русскіе будутъ во всѣхъ правахъ уравнены съ поляками, обѣщали, что постановленія ея будутъ въ такомъ случаѣ немедленно осуществлены. Для братчиковъ, мѣщанъ, купцовъ и ремесленниковъ это обѣщаніе значило весьма много. Правда, судьба и положеніе русскихъ внѣ Галичины, перешедшихъ въ унію свыше ста лѣтъ тому назадъ, не могли братчикамъ внушать ни особенно розовыхъ надеждъ, ни довѣрія, все же переходъ братства послѣ столь упорнаго и долголѣтняго сопротивленія и на особыхъ условіяхъ казался имъ въ этомъ отношеніи болѣе надежнымъ. Но прошло четыре года, а перемѣнъ къ лучшему не послѣдовало. Начался въ народѣ ропотъ. Стали отправляться новыя, дорого стоющія депутаціи въ Варшаву и посланія въ нунціатуру тамъ же и въ Римъ. Особенно донимали безконечные процессы съ львов. магистратомъ. За то со стороны власть имущ. шли постоянныя заподазриванія отдѣльныхъ братчиковъ и всего братства въ томъ, что неискренно перешли въ унію и на дѣлѣ остаются православными, и вмѣшательства подъ этимъ предлогомъ въ братскія дѣла. Въ 1711 г. нунціатура, чрезъ своего тайнаго фискала надзирателя надъ братствомъ, префекта театиновъ, потребовала удаленія изъ церкви принятаго

Варлаамъ продолжалъ печатаніе церковныхъ книгъ въ уневской печатнѣ.

Кромѣ всего этого, для льв. Успен. братства самымъ тяжелымъ ударомъ было то, что оно, послѣ своего перехода въ унію, потеряло рынокъ сбыта своихъ книгъ, какъ уже уніатскихъ, въ Кіевѣ, Москвѣ и вообще въ Россіи, въ Молдаво-Валахіи и у южныхъ славянъ.

Его преемникъ на льв. еп-пской кафедрѣ Афанасій Шептыцкій уже въ 1722 г. потребовалъ полнаго подчиненія себѣ братства, цензуры братскихъ изданій и исправленія ихъ по уніатскому ритуалу, а на вышедшія уже наложилъ секвестръ. Римъ, правда, этотъ секвестръ отмѣнилъ, но назначилъ особую комиссію, которая должна была перевести ихъ ревизію и вычеркнуть изъ нихъ все, что было несогласно съ ученіемъ римской церкви. Съ 1730 г. она работала два года и немало уничтожила церковно-богослужебныхъ книгъ. Желая во чтобы то ни стало пресѣчь главный источникъ братскихъ доходовъ, печатаніе братствомъ и продажу книгъ и лишить его средствъ и способовъ веденія съ нимъ процессовъ въ Римѣ, Афанасій Шептыцкій возобновилъ съ 1732 г. книгопечатаніе въ Уневѣ, но процессъ съ братствомъ окончательно, въ 1740 г., проигралъ, ибо приговоромъ было разрѣшено ему въ уневской печатнѣ печатать только тѣ книги, которыя не были еще напечатаны въ братской. Послѣ этого Афанасій Шептыцкій сталъ усиленно поддерживать находящихся въ процессѣ съ братствомъ почаевскихъ василіанъ. Процессъ этотъ длился до самаго перехода Галичины подъ владычество Австріи, а Почаева подъ власть Россіи.[99])

братствомъ краснорѣчиваго проповѣдника, монаха Виталія Яндзинскаго, какъ православнаго. Потребовала также отъ братства отчетовъ въ своихъ доходахъ и расходахъ, подчиненія братскихъ дѣлъ ея ревизіи, т. е. того же префекта театиновъ. Послѣ смерти еп-па Варлаама Шептыцкаго, положеніе братства и Галицкой Руси еще больше ухудшилось. Учесть слѣдуетъ и то, что въ 1717 г. представленъ былъ впервые въ сеймѣ и разосланъ на сеймики т. наз. »проектъ истребленія Руси«, предложенный затѣмъ еще дважды въ сеймахъ 1752 и 1786 гг. Новый льв. еп-пъ Афанасій Шептыцкій (1722—1746) враждовалъ и тягался по судамъ съ братствомъ, требуя себѣ полнаго подчиненія во всемъ и особенно въ дѣлѣ братскихъ изданій. Замостскій соборъ 1720 г. (съ 26 авг. по 17 сент.), въ которомъ участвовало и Ставропиг. братство чрезъ своихъ двухъ старшихъ братчиковъ, Степана Лясковскаго и Ивана Чесниковскаго, далъ еп-пу еще большія права надъ братствомъ. Бороться братству съ притязаніями этого еп-па стало еще труднѣе съ 1729 г., когда онъ достигъ сана уніатскаго митрополита и затѣмъ, когда братство вынуждено было вести съ нимъ споръ также изъ-за духовенства (монаховъ) въ своей же Успенской церкви и Свято-Онуфріевскомъ м-рѣ. (Дѣло въ томъ, что передъ уніей монахи находились подъ непосредственной властью епархіальныхъ еп-повъ. Послѣ уніи изъ нихъ составилось отдѣльное сословіе духовенства подъ названіемъ василіанъ, и, по образцу латинскихъ монаховъ, они раздѣлены были на провинціи, подъ управленіемъ провинціаловъ. Русскій василіанскій провинціалъ вписалъ въ свой списокъ и Онуфріевскій м-рь и даже Успенскую церковь, подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ духовенство состоитъ изъ василіанъ. Братству пришлось хлопотать передъ всѣми духовными инстанціями и въ Римѣ, чтобы эти обѣ церкви, какъ Ставропигійскія, были исключены изъ этого списка).

99) Извѣстный проповѣдникъ, Кириллъ Транквилліонъ Ставровецкій основалъ въ 1618 г. свою печатню въ Уневѣ и вскорѣ переѣхалъ съ нею въ Почаевъ, гдѣ она также скоро прекратила свою дѣятельность. Въ 1730 г. почаевскіе василіане перешли въ унію и при поддержкѣ Афанасія Шептыцкаго возобновили книгопеча-

Въ 1757 г. братство вынуждено было вести процессъ также съ своимъ членомъ львовскимъ печатникомъ Иваномъ Филиповичемъ, получившимъ, при поддержкѣ со стороны львов. латинскаго архіепископа, у короля Августа III 25 апрѣля 1757 г., также привилей на печатаніе церковно-славянскихъ и русскихъ книгъ. Проигравъ дѣло, Филиповичъ продалъ свою типографію братству. Хотя занимавшій львовскую еп-пскую кафедру съ 1746 г. Левъ Шептыцкій относился къ братству лучше и въ дѣлѣ съ Филиповичемъ поддерживалъ его, братство изъ-за долголѣтнихъпроцессовъ, споровъ изъ-за назначенія духовенства для братскихъ церквей и внутреннихъ распрей со своими же, со стороны, вражьимъ вліяніемъ деморализованными братчиками, было уже до того подорвано, что въ борьбѣ за свои права выбивалось изъ послѣднихъ силъ. Бравшіе его въ свою защиту почти всегда королевскіе привилеи были для него слабымъ забраломъ отъ напастей и не исполнялись власть имущими ни на мѣстахъ ни въ столицѣ государства.

Въ 1767 г., 26 декабря, послѣдній польскій король Станиславъ Августъ подтвердилъ всѣ права и привилегіи Ставропигійскаго братства. Въ этомъ же году, благодаря вмѣшательству русскаго, англійскаго, прусскаго и датскаго правительствъ, были утверждены на чрезвычайномъ сеймѣ въ Варшавѣ права и свобода христіанъ некатоликовъ, въ ихъ числѣ и христіанъ греческаго восточнаго, т. е. православнаго исповѣданія. Знаменательное, хотя, быть можетъ, и совершенно случайное совпаденіе этихъ двухъ событій несомнѣнно вызывало у львовскихъ Ставропигійскихъ братчиковъ, остававшихся уже 60 лѣтъ въ уніи, глубокія размышленія.

Подъ владычествомъ Австро-Венгріи.

Въ первые годы послѣ занятія Галичины Австріей Ставропигійская печатня проявляла слабую дѣятельность. Пожаръ Успенской церкви въ 1779 г., недостатокъ средствъ и непредѣленность положенія въ новомъ государствѣ несомнѣнно тормозили ее. Самой Ставропигіи, какъ церковному братству, угрожала опасность закрытія. Имп. Іосифъ II закрывалъ монастыри и цер-

таніе. Начавшійся сейчасъ процессъ съ Ставроп. братствомъ почаевскіе монахи проиграли, ибо новый королевскій привилей братству отъ 20 окт. 1730 г. снова подтвердилъ всѣ права братства, но они, какъ новые уніаты, по наущенію Афанасія Шептыцкаго, повели и такую же борьбу съ братствомъ передъ духовными властями. Продолжая дальше печатаніе церковныхъ книгъ и пользуясь тѣмъ удобнымъ случаемъ, что какъ разъ въ то время въ Ставропиг. братствѣ работала особая комиссія по ревизіи его изданій, они въ нач. февраля 1730 г. внесли въ нунціатуру въ Варшавѣ на братство жалобу-доносъ, что братство въ своихъ изданіяхъ допускаетъ много погрѣшностей противъ католичества. Хотя и это дѣло закончилось не въ пользу Почаева, но онъ, между тѣмъ, успѣлъ добиться отъ короля Августа II привилея отъ 18 окт. 1732, подтвержденнаго затѣмъ 24 іюля 1736 г. Августомъ III на веденіе своей печатни. Послѣ этого и въ нунціатурѣ и въ Римѣ Почаевъ въ 1745 г. тяжбу съ братствомъ выигралъ. Новые процессы братства съ Почаевомъ тянулись долгія десятилѣтія и только приговоромъ королевскаго суда 26 іюня 1771 г. закончились въ пользу Ставропигійскаго братства: Почаевскій м-рь не смѣетъ печатать тѣ книги, которыя печатаетъ Ставропигія, иначе онѣ будутъ конфискованы въ ея пользу, а до сихъ поръ уже напечатанныя должны быть ей проданы. Но изъ-за раздѣла Польши исполненіе (экзекуція) этого приговора отпало.

ковныя братства. Послѣ насильственнаго закрытія въ 1786 г. послѣдняго православнаго монастыря въ Галичинѣ, Скита Манявскяго, и ряда другихъ, хотя и уніатскихъ, монастырей и церковныхъ братствъ, такая же судьба нависла и надъ Ставропигіей, которой въ 1787 г. было приказано представить правительству всѣ свои привилегіи, доходы обратить въ вѣроисповѣдный капиталъ, а братство закрыть. На особое обращеніе Ставропигіи къ императору прямо, въ 1788 г., полученъ былъ ею надворный декретъ, которымъ Ставропигія, переименованная въ Ставропигійскій Институтъ, въ общемъ, сохранила за собой широкія права и кругъ дѣйствій, въ ихъ числѣ и печатню.

Когда, послѣ вступленія на престолъ Франца II, Ставропигія, въ 1793 г. обратилась, по старому польскому обычаю, съ просьбой о подтвержденіи ея прежнихъ правъ и привилеевъ, декретомъ отъ 16 февраля они были утверждены, съ указаніемъ, что въ будущемъ просить о ихъ утвержденіи уже не будетъ нужно, ибо никто не можетъ лишаться тѣхъ правъ, которыя уже разъ были даны. Выразительно также оставлено за Ставропискимъ Институтомъ право печатанія церковно-славянскихъ, русскихъ и др. книгъ. Префектомъ печатни съ 1790 г. былъ священникъ Успен. церкви о. Іоаннъ Горбачевскій, при которомъ началось печатаніе въ церковно-славянскомъ переводѣ Исторіи церкви Донемейера и Этики Баймейстра.

Начались тогда также интересныя отношенія Почаевской лавры со Ставромигіей. Префектъ почаевской печатни, о. Спиридонъ Коберскій, обратился 15 декабря 1795 г. къ братству съ просьбой купить себѣ всѣ почаевскія изданія, ибо — какъ писалъ (по польски) — эти книги, какъ изданныя для пользованія здѣшней, соединенной съ Римомъ Русью, теперь здѣсь не находятъ сбыта, въ виду того, что большая часть этой Руси, подъ нынѣшнемъ россійскимъ владычествомъ, уже отпала отъ единства съ римскою Церковью. Потому и обращаемся къ вамъ, г.г., не захотѣли-ли бы вы принять нѣкоторое количество этихъ книгъ на складъ въ свою печатню для пользованія тамошними уніатами, болѣе счастливыми подъ владычествомъ его цѣсарско-апостолической высокости". Братство выразило на это свое согласіе. Почаевскій монастырь желалъ даже дешево продать Ставропигіи свою печатню, но вскорѣ замѣтивъ, что черезъ границу можно въ Галичину ввозить эти книги контрабаднымъ путемъ, спохватился и сталъ устраивать по городамъ Галичины свои книжные склады, откуда эти книги продавались по значительно пониженной цѣнѣ, съ большимъ убыткомъ для Ставропигіи. Братство, поэтому, жаловалось львовскому архіепископу на почаевскихъ василіанъ и въ то же время продолжало сноситься съ правительствомъ относительно разрѣшенія ему купить и перевезти во Львовъ почаевскія изданія, но неожиданно все дѣло оборвалось: австрійское правительство не позволило ему купить эти изданія.[100])

[100]) Россійское правительство не закрыло почаевской печатни и она свободно продолжала свою дѣятельность, но — какъ выше сказано — сбытъ ея книгъ все падалъ. Имп. Павелъ I выдалъ этой печатнѣ 4 мая 1800 г. свой особый привилей, на основаніи котораго она работала до 1831 г., когда россійское правительство,

Въ началѣ XIX в. Ставропигійская печатня была единственной русской печатней въ предѣлахъ Австро-Венгріи не только для Галицкой, но и Буковинской и Угорской Руси, но нищая и оборудованная въ техническомъ отношеніи, кажется, недостаточно, ибо въ 1815 и слѣд. гг. паремышльскій русскій кружокъ печаталъ свои изданія не въ ней, а въ Будапештѣ. Медленно, но вѣрно состояніе ея улучшалось. Постепенно запасались церковно-славянскимъ и русскимъ печатописьмами также другія (польскія) печатни въ Галичинѣ.

Въ виду того, что имѣвшіяся въ долголѣтнемъ употребленіи черенки братской печатни крайне притупились, Ставропигійскій Институтъ взялся за ихъ переливъ, обновленіе и пополненіе, чѣмъ занимался особо приглашенный знатокъ-гиссеръ въ 1816—1820 гг. Потому, что въ это время печатня работать не могла, а между тѣмъ было необходимо напечатать возможно наискорѣе школьные учебники для многихъ открываемыхъ во всемъ краѣ приходскихъ школъ, тогдашній львовскій губернскій печатникъ, Іосифъ Пиллеръ, запасся на-время нѣсколькими сортами славяно-русскихъ черенокъ и напечаталъ ими нѣсколько брошюръ и учебниковъ.[101]) Ставропигійская печатня, однако, какъ церковно-славяно-русская, по количеству и качеству своей производительности, еще долгое время занимаетъ первое мѣсто. Въ 1830-тыхъ годахъ она начала печатать также изданія на польскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ.

Въ 1829 г. перемышльскій епископъ Іоаннъ Снѣгурскій основалъ въ Перемышлѣ т. наз. капитульную („епископскую“) печатню. Печатались въ ней сначала польскія и латинскія книжечки (катехизисы и молитвенники), но позже и русскія кирилловскими письменами.[102]) Со временемъ, въ 1840—1850 гг., стала весьма живой и плодотворной, выдвигаясь на первое мѣсто послѣ Ставропигійской въ Галичинѣ.

Долгое время почти всѣ русскія изданія печатались въ галицкихъ и внѣгалицкихъ печетняхъ въ Австро-Венгріи только кирилловскими письменами, а не гражданскими (гражданкой) по особой (политической) причинѣ. Изъ-за сосѣдства Россіи, въ которой отъ Петра Великаго русскія книги печатались гражданкой, австрійскія власти считали гражданку, какъ „московскую“, опасной и недопустимой, ибо ею утверждалось единство письма галицко-русскаго и общерусскаго литературнаго, а между тѣмъ, съ цѣлью именно удаленія и отторженія галицкихъ и вообще австрійскихъ русскихъ отъ всего остального русскаго міра, эти вла-

---

установивъ причастность почаевскихъ базиліанъ къ возстанію, закрыло ее. Часть почаевскихъ изданій еще въ 1861 г. купилъ оптомъ львовскій купецъ Михаилъ Дыметъ. (И. Огіенко, указ. соч.).

101) Именно: Правила школьная для училищъ парафіальныхъ, Львовъ, 1817 г. — Повинности подданныхъ ку ихъ монарсѣ, во употребленіе училищъ парафіальныхъ, Львовъ, 1817. — Катехизисъ малый для училищъ параф., Львовъ, 1818 г. — Черенки эти перелилъ затѣмъ Пиллеръ въ латино-польскія.

102) Вышли изъ нея: въ 1833 г. Katechizm wielki, ułożony przez X. Mogilnickiego, Katechizm mały и Букварь, двумя изданіями. Въ 1834 г. извѣстная Грамматика языка рускаго въ Галиціи Іосифа Левицкаго, на нѣм. и рус. языкахъ, въ 8⁰, стр. XXVI — 212 — 59.

сти силились „осчастливить“ ихъ приближеніемъ ихъ къ сверхсовершенной, единоспасительной и т. д. западной культурѣ, почему и весьма рано стали навязывать имъ печатаніе русскихъ изданій латинскимъ алфавитомъ. До 1840 г. были напечатаны гражданкой всего только два изданія, 6 изданій латинкой, всѣ же остальныя кириллицей. Съ 1848 г. количество изданій, печатаемыхъ гражданкой, правда, все увеличивается, но никогда не превышаетъ количества кирилловскихъ: затѣмъ подъ угрозой и давленіемъ властей круто падаетъ и только въ 60-тыхъ (конституціонныхъ) годахъ вытѣсняетъ кириллицу, при одновременномъ совершенномъ провалѣ правительственной попытки навязать гал.-русскому народу латинку.[103])

Въ то время, въ періодъ все еще продолжавшаго царить въ Австро-Венгріи „просвѣщеннаго абсолютизма“, строгость и придирчивость оффиціальной цензуры, отказы въ разрѣшеніи новыхъ изданій и удушающія притѣсненія уже разрѣшенныхъ, гоненіе гражданки, при сопутствующемъ ему упрямомъ навязываніи галичанамъ латинки, непрестанныя заподазриванія галичанъ, хотя и въ совершенно природномъ и неискоренимомъ, но австрійскими властями безтолково объявленномъ якобы преступнымъ, руссофиль-

---

[103]) Въ то время австрійское правительство было, конечно, еще очень далеко отъ концепцій Grossfuerstentum von Kiew 1879 г. и украиносепаратистической »новой эры«, провозглашенной въ галицкомъ сеймѣ 13(25) ноября 1890 г. Оно силилось только, во что бы то ни стало, отгородить китайской стѣной Галицкую Русь отъ Россіи, опасаясь даже малѣйшихъ намековъ о національномъ обликѣ галичанъ, однимъ изъ которыхъ считали также гражданское печатное письмо, какъ признакъ россійскости. На сколько этотъ австрійскій взглядъ на гражданку былъ нелѣпъ и куріезенъ, видно сейчасъ, какъ только вспомнить, что гражданка взяла свое начало отъ малорусской скорописи уже XVI и XVII вв. въ юго-западной Руси, занесена была въ Москву малороссами и ими же употребленіе ея въ печати было подсказано Петру Великому, съ которымъ они все время въ великомъ дѣлѣ преобразованія Россіи сотрудничали.

Изъ исторіи австрійскихъ преслѣдованій гражданки укажемъ нѣсколько фактовъ (см. И. Е. Левицкій: Галицко-русская библіографія XIX ст. (1801—1886), т. I. до 1860 г.), Львовъ, 1888 г., стр. XIX): Львовскій журналъ »Зоря Галицкая«, печатавшійся сперва кирилловскими письменами (1848—1852), а въ 1853 и 1854 гг. гражданскимъ письмомъ, сталъ съ 1855 г. печататься опять кирилловскими письменами. »Перемышлянинъ«, издававшійся съ 1850—1859 гг. гражданкою, былъ принужденъ заявить въ 1859 г., что, начиная съ 1860 г. будетъ издаваться кириллицей. Первые два выпуска »Галицкаго Историческаго Сборника«, издаваемаго »Галицко-русскою Матицею« (1853—1854), напечатаны гражданскимъ письмомъ, третій же выпускъ, появившійся въ 1860 г., напечатанъ кирилловскими письменами. »Церковная Газета«, выходившая подъ редакціей Ивана Раковскаго въ Будинѣ (1856—1858) и печатаемая гражданкою, была въ 1858 г. прекращена и вмѣсто нея началъ Иванъ Раковскій издавать кирилловскимъ письмомъ »Церковный Вѣстникъ«, котораго, однако, появилось всего только 10 нумеровъ. Въ 1859 г. Богданъ Андр. Дѣдицкій получилъ отъ краеваго правительства концессію на изданіе »Зори Галицкой«, съ приложеніемъ »Пріятеля Народа«, однако, — какъ говорится въ упомянутой концессіи — mit Ausschluss der sogenannten Civilschrift (Hrażdanka). Въ томъ же году гражданское письмо было проскрибовано изъ школьныхъ учебниковъ. Слѣдуетъ еще примѣтить, что, въ концѣ 1850-тыхъ годовъ, краевое правительство воззвало львовскую консисторію предложить образцы такъ устроенной русской скорописи, чтобы она отличалась отъ скорописи, употребляемой въ Россіи. Даже »Русалка Днѣстровая«, изданная въ 1837 г. въ Будапештѣ, какъ первая галицко-русская публикація, напечатанная гражданскимъ письмомъ, была, кажется, по тому же поводу запрещена у насъ. (Слѣдуютъ ссылки).

ствѣ и строжайшее отгороженіе Галичины отъ Россіи, отразилнсь крайне вредно и на дѣятельности Ставропигійской печатни.

Несмотря на замѣтное постепенное улучшеніе технической стороны ея производства, сама ея производительность проявлялась слабо и убого. На протяженіи первой половины XIX в., точнѣе по 1848-ой годъ, изъ нея выходили архипастырскія посланія, проповѣди („слова"), библійныя исторіи, религіозно-нравственныя поученія, катехизисы, молитвенники и іерейскіе молитвословы, типики, каноны и т. п., отъ времени до времени и большія церковно-богослужебныя книги (Литургія св. Іоанна Злат. и Псалтырь 1808 г., Ирмологіонъ и Осмогласникъ 1816 г., Орологіонъ сирѣчь Часословъ полуставный 1837 г., Евангеліе 1838 г.), значитъ, все еще то же только, что и въ предъидущіе вѣка, большей частью церковнаго и вообще религіознаго содержанія. Мірского же появилось очень мало; это были школьные учебники: буквари, читанки (хрестоматіи), грамматики, словарики церк.-слав. словъ, и т.п. Въ особыя группы можно бы выдѣлить напечатанныя въ ней стихотворенія-панегирики („стихи"), по случаю разныхъ событій, то радостныхъ, то печальныхъ, шематизмы, убогіе мѣсяцесловы и всякаго рода отзывы. Изъ литературно-научной области напечатано въ ней было всего нѣсколько сочиненій Д. И. Зубрицкаго (Kronika miasta Lwowa, 1844 г. и на нѣм. и поль. языкахъ брошюры или статьи о Ставропигійскихъ церкви, братствѣ и печатнѣ, по исторіи Галицкой Руси и о галицко-русскихъ народныхъ пѣсняхъ).

Самый языкъ этихъ изданій — смѣсь галицко-русскаго нарѣчія, церковно-славянщины и заимствованій изъ общерусскаго печатнаго слова. Еле-еле въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ возвышается до уровня русской литературной рѣчи того времени въ Россіи. Несмотря на то, что нѣкоторое время, какъ отмѣчено въ „Каталогѣ книгъ славено-русскихъ въ Типографіи Інстїтута Ставропигїанскагѡ Лвовскагѡ, обрѣтающихся. Въ Лвовѣ дне їѳ Марта ѧѡѿг," въ Ставропигіи былъ „блюстителемъ печатни" тогда уже извѣстный поклонникъ и любитель рус. литер. языка, Діонисій Зубрицкій, она дерзнула напечатать на немъ, въ подлинникѣ, только оду Г. Р. Державина „Богъ" въ 1830 г. и вторымъ изданіемъ въ 1846 г., да и то въ обоихъ сопровождая текстъ ея параллельными переводами на польскій и нѣмецкій языки.

Внезапно и рѣзко измѣнился характеръ Ставропигійскаго печатнаго производства въ эпохальномъ 1848 году, въ которомъ не была напечатана ни одна церковно-богослужебная книга, но зато вышло много брошюръ, листковъ, записокъ, летучекъ, съ отзывами, адрессами (обращеніями), на гал.-русскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, въ связи съ объявленіемъ конституціи. Въ томъ же году, съ 15 мая, стала печататься въ Ставропигійской печатнѣ первая на Галицкой Руси политическая газета „Зоря Галицкая" (сначала еженедѣльникъ). Языкъ многочисленныхъ изданій постепенно, но рѣшительно поправляется замѣтнымъ своимъ приближеніемъ и переходомъ къ чистому общерусскому литерат. языку, на которомъ также кое-что появляется все чаще.

Весьма скоро омрачившая 1848-ой годъ абсолютистическая

реакція уже не смогла ни убить это русское народное пробужденіе, ни свернуть новое народное движеніе съ прямого объединительно-русскаго направленія, ни вытѣснить изъ гал.-русскихъ изданій рус. литер. языкъ. Въ 1852 г. Ставропигія печатаетъ у себя и на свои средства, на этомъ языкѣ, I и II тт. Зубрицкаго Исторіи древняго галицко-русскаго княжества и III т. ея въ 1855 г. Изъ Ставропиг. печатни выходитъ въ 1854 г. на томъ же языкѣ Галицкій Историческій Сборникъ (изданіе Гал.-русск. Матицы) и др. изданія.[104])

Вторая половина XIX и начало XX вв.

Съ 1860-аго года, т. е. съ начала новой конституціонной эпохи въ Австро-Венгріи, дѣятельность Ставропигійской печатни принимаетъ уже такіе дотолѣ небывалые размѣры, широкій размахъ, богатое разнообразіе и напряженное оживленіе, что для изложенія ея исторіи пришлось бы составить если не особую цѣлую книгу, то отдѣльную статью, конечно, только послѣ предварительнаго собранія и обработки относительныхъ матеріаловъ. Здѣсь же, въ замыкающихся рамкахъ предоставленнаго мѣста, остается лишь еще послѣдними строками намѣтить отдѣльныя главнѣйшія вѣхи и черты для ея характеристики.

Сложился на этотъ широкій и мощный размахъ печатной производительности Ставропигіи рядъ благопріятствовавшихъ ему причинъ, событій и условій. Главнѣйшія изъ нихъ — это:

въ общемъ и по большей части хорошія отношенія между нею и св. Юромъ въ XIX в., въ то время и особенно при митрополитѣ Іосифѣ Сембратовичѣ, перешедшія въ согласованно-дружеское сотрудничество въ защитѣ вѣры, обряда и единства Руси, въ борьбѣ за права и интересы родного народа, въ дѣлѣ его просвѣщенія, организаціи и воспитанія въ національно-патріотическомъ духѣ;

появленіе новыхъ сочиненій ряда галицко-русскихъ писателей-беллетристовъ, трудовъ гал.-русскихъ ученыхъ, въ ихъ числѣ и такихъ, которые занимали также университетскія каѳедры, талантливыхъ журналистовъ и публицистовъ, благодаря чему расширены и усилены были издательства не только Ставропигіи, но и др. гал.-рус. учрежденій и Обществъ;

тогда же, хотя правда, помалу и туго, но все таки постепенно оживляющіяся и затѣсняющіяся отношенія галицко-русской обществености и нашихъ писателей съ Россіей и умноженіе и ростъ изданій на русскомъ литерат. языкѣ;

народно-просвѣтительная дѣятельность о. Іоанна Наумовича и основаннаго имъ О-ва им .Качковскаго во Львовѣ и вызванный

104) Увеличеніе количества политическихъ и литературно-научныхъ изданій, естественно сократило выпускъ религіозныхъ и церковныхъ. Изъ церковно-богослужебныхъ напечатанъ былъ въ Ставропигійской печатнѣ только Осмогласникъ въ 1858 г. Въ этой отрасли выручала ее до нѣкоторой степени уже съ 1830-ыхъ годовъ епископская печатня въ Перемышлѣ, напечатавшая въ 1840 г. Літургиконъ, въ 1844 г. Требникъ, въ концѣ же 1850-тыхъ и началѣ 1860-тыхъ, отдѣльными большими книгами, Библію (ветх. и нов. зав.), перепечатанную изъ почаевскаго изданія, съ иллюстраціями, чистымъ и выразительнымъ письмомъ и вообще старательно и изящно.

ею спросъ на популярныя изданія въ широкихъ народныхъ массахъ;

большей частью способные, добросовѣстные и трудолюбивые управляющіе въ Ставропигійскихъ печатнѣ, переплетной мастерской и книжной лавкѣ; и рядъ другихъ, экономическихъ, общественыхъ и т. д. причинъ.

Въ то время Ставропигійская печатня обогатилась всевозможными печато-письмами на нѣсколькихъ языкахъ и особенно обильно разообразными церковно-славянскими. Церковно-богослужебныя книги выходили изъ нея дѣйствительно роскошными и расходились не только въ Галичинѣ, но и въ Угорской Руси и въ Холмщинѣ (до возвращенія ея къ православію) и, наконецъ, въ Америкѣ.

По наступленіи въ 1890 г. украино-сепаратистической „новой эры", въ политическую колесницу которой впряжено было затѣмъ и гр.-кат. духовенство въ Галичинѣ, настало непріязненное отношеніе св. Юра къ Ставропигіи и пошла его противодѣйствующая и подрывная работа противъ ея печатно-издательской дѣятельности. Въ своей въ Жолквѣ новооснованной печатнѣ василіане стали печатать книжки и брошюры, написанныя въ прямо противоположномъ, чѣмъ Ставропигійскія, направленіи и духѣ, вводя ими въ восточный обрядъ латинскія новшества. Взялись даже переводить церков. богослуженія на своеобразную „мову", но потерпѣвъ неудачу изъ-за куріезности этихъ переводовъ и народнаго имъ сопротивленія, перешли, для конкуренціи со Ставропигіей, къ печатанію церковно-богослужебныхъ книгъ уже на церк.-славянскомъ языкѣ, но съ произвольно измѣненнымъ ихъ текстомъ.

Все это, конечно, до самой войны тормозило и осложняло ея дѣятельность, но убійственнаго удара ей еще не наносило, ибо, съ одной стороны, ея книги, по старой традиціи, высоко цѣнились и пользовались заслуженнымъ спросомъ и въ краѣ и заграницей, а съ другой, причиняемый ей этимъ убытокъ возмѣщался больше, чѣмъ достаточно, все усиливающимся и возростающимъ печатаніемъ въ ней изданій на русскомъ литературномъ языкѣ.

Военное и послѣвоенное время.

Въ самомъ же началѣ войны Ставропигія была австрійскими властями закрыта и отдана въ завѣдываніе правительственнаго комиссара.

Во время русскаго владычества въ 1914—1915 гг. Ставропигія была возстановлена во всѣхъ своихъ правахъ и въ ея печатнѣ печатались ежедневная газета „Прикарпатская Русь" и еженедѣльникъ „Голосъ Народа" и другія русскія изданія.

Послѣ отхода изъ Галичины русской арміи и обратнаго нашествія австрійской въ Ставропигіи хозяйничали украинствующіе и печатали въ ея печатнѣ, отъ ея имени и на ея средства, противорусскія и съ напастями на саму Ставропигію изданія, въ родѣ пресловутаго „Збірника".[105])

[105]) См. В. Р. Ваврикъ: Черные дни Ставропигійскаго Института во Временникѣ на 1927 г. и особымъ оттискомъ 1928 г. и Ю. А. Яворскаго: Кукушкино яичко въ Ставропигіи, во Временникѣ на 1923 г.

Отъ этихъ хозяевъ, уже при польскомъ владычествѣ, она была возвращена въ русскія руки, но печатня ея, прежде одна изъ самыхъ богатыхъ, оказалась совершенно нищей и ограбленной. Уцѣлѣвшіе еще остатки ея, съ изношенными до крайности и поврежденными машинами, стали только медленно обновляться и пополняться. Изъ-за невозможности, неокупаемости и др. причинъ, она нынѣ не находится въ собственномъ управленіи, а сдается въ аренду частному предпринимателю на нѣскольколѣтніе сроки. Вдобавокъ подорванная еще въ послѣдніе годы общимъ экономическимъ кризисомъ и задолженностью, она только медленно и съ большими усиліями поднимается изъ военнаго и послѣвоеннаго упадка и постепенно расширяетъ кругъ своихъ дѣйствій.

Итъ большихъ церковно-богослужебныхъ книгъ вышли изъ нея: Евангеліе въ 1924 г., Евхологіонъ проф. Т. Мышковскаго 1925 г., Священное Апракосъ Евангеліе 1929 г., Леїтоυргікон сирѣчь Служебникъ 1929 г. и Уставы церк. проф. Т. Мышковскаго.

Кромѣ того, въ ней печатаются почти всѣ львовскія русскія изданія, начиная съ собственнаго ежегоднаго Временника, выходящаго съ 1864 г., и кончая газетами, брошюрами, листками и т.п.

Спросъ на церковныя книги и сбытъ ихъ нынѣ упали, трудности же и дороговизна ихъ печатанія чрезмѣрно велики. Да и препятствія ихъ производству ставятся съ разныхъ, подчасъ совершенно неожиданныхъ сторонъ. Неразъ эти препятствія непреодолимы, не только въ техническомъ и финансовомъ, но и въ иныхъ отношеніяхъ.[106])

Заданія Ставропигійскаго печато-издательства.

Но какъ бы тамъ ни было, тягчайшее лихолѣтье уже, кажется, проходитъ и виды на лучшее будущее открываются.

У гал.-рус. простого народа и интеллигенціи, замѣчается влеченіе къ русской и церковной старинѣ и просыпается привязанность къ церковымъ обрядамъ и обычаямъ. Все настойчивѣе предъявляется требованіе возстановленія въ церквахъ въ совершенной чи-

---

[106]) Итакъ, изданныя Ставропигіей и одобренныя въ львовской архіепархіи книги, какъ напр. послѣдній Служебникъ, не одобряются и не допускаются въ другихъ двухъ галицкихъ епархіяхъ, перемышльской и станиславовской. — Изъ-за часто мѣняющагося отношенія церк. властей къ тѣмъ или инымъ оборотамъ и выраженіямъ въ церковно-славянскомъ богослужебномъ текстѣ, иногда окончательнаго рѣшенія спора приходится выжидать изъ Рима. — Назначенные этими властями редакторы и корректоры печатаемыхъ въ Ставропигіи книгъ исполняютъ свои обязанности неумѣло или халатно, а послѣдующее исправленіе допущенныхъ ими и уже напечатанныхъ погрѣшностей обходится очень дорого. Кромѣ того, эти же редакторы и корректоры, въ своемъ буйномъ рвеніи украинизовать этотъ текстъ, искажаютъ его еще больше своими неудачными »поправками«, ибо все норовятъ закрѣплять въ немъ печатно и на вѣки вѣчные нѣкоторыя въ старыхъ рукописныхъ и печатныхъ книгахъ, по ошибкѣ, недосмотру или же невѣжеству вкравшіяся погрѣшности, ибо имъ кажется, что онѣ какъ разъ и есть самыя, что называется, настоящія и драгоцѣннѣйшія особенности »украинской мовы«, отличающія и отдаляющія ее отъ »московской«. То же самое и по тѣмъ же соображеніямъ продѣлываютъ они со знаками ударенія, переставляя ихъ въ этомъ текстѣ, такъ, что, напр., вм. »Господу помолимся« и »у Господа просимъ« получается »Господу помолимся« и »у Господа просимъ« и т. д. — Добавить ещё, наконецъ, что въ однихъ книгахъ слово »православный« допускается, въ другихъ нѣтъ, и тогда можно имѣть нѣкоторое представленіе обо всемъ этомъ хаосѣ и трудностяхъ печатанія такихъ книгъ.

стотѣ и пышности греко-восточн. точнѣе православной обрядности, а, слѣдовательно, будетъ усиливаться и возростать спросъ на утоляющія эту духовно-культурную жажду изданія.

Такъ или иначе, съ согласія и одобренія или же безъ и противъ воли сегодняшней украинствующей, а завтрашней, быть можетъ, иной церковной іерархіи, львовская Ставропигія, какъ встарь, такъ и нынѣ и въ грядущемъ, всегда своими церковно-богослужебными и религіозно-нравственными изданіями будетъ идти навстрѣчу этимъ народнымъ требованіямъ, нуждамъ и чаяніямъ и стоять на стражѣ чистоты, неприкосновенности и святости указанной обрядности, старинныхъ церковныхъ и русскихъ традицій. Это ея первое зяданіе.

А второе, изъ него же вытекающее и такое же равнозначительное и повелительное: привить нашей тѣснѣйшей галицкорусской родинѣ — она въ патріаршихъ грамотахъ и посланіяхъ, митрополичьихъ и епископскихъ распоряженіяхъ, въ соборныхъ постановленіяхъ и южнорусскихъ сочиненіяхъ, часто и поэтично-торжественно величается: „россійская (росская) земля и россійскій (росскій) народъ (или родъ)“ — привить ей родную и не только законно, но и органически ей принадлежащую, общерусскую культуру, въ ея чистомъ н подлинномъ видѣ, что совершить возможно только чрезъ русскую художественную и научную литературу, на чистомъ русскомъ литературномъ языкѣ.

Для вящшаго подчерка этихъ двухъ основныхъ заданій Ставропигіи и подведенія итоговъ всему вышесказанному, остается только заключить всего нѣсколькословнымъ указаніемъ на то, что львовское Ставропигійское Успенское братство исполняло эти два задания, по мѣрѣ своихъ силъ и возможностей, дѣйствительно героически, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, издавая церковно-богослужебныя и другія книги на церковно-славянскомъ и, пожалуй, тогдашнемъ также общерусскомъ литературномъ языкѣ, — болѣе-ли или менѣе чистомъ и правильномъ, или же нѣтъ, это уже особый вопросъ, — и поддерживая тѣсную связь, живой культурный обмѣнъ и братское сотрудничество со всей остальной, единовѣрной и единоплеменной, Русью.

Въ концѣ XVI и въ теченіе XVII вѣковъ эти связь, обмѣнъ и сотрудничество съ такими крупными центрами, какъ Вильно, княжій Острогъ, Кіевъ и Москва, были особенно оживлены и сильны, почему и дѣятельность львовской Ставропигіи поднялась и держалась на высокомъ уровнѣ. Напротивъ же, когда въ XVIII в. они стали ослабѣвать и въ первой половинѣ XIX в. почти оборвались, она опускалась все ниже и ставала убогой до крайности. И только съ половины XIX в., благодаря ихъ оживленію и усиленію, она снова поднимается и становится чрезвычайно мощной и благотворной.

Въ этомъ отношеніи также наглядный урокъ изъ славнаго прошлаго Ставропигіи и особенно ея печатно-издательской дѣятельности, весьма поучителенъ. Онъ и нынѣ наставитъ насъ разбираться въ сложномъ настоящемъ и строить планы на лучшее будущее.

———o———

(Библіографія къ этой статьѣ помѣщена на облежкѣ отдѣльно выпущеннаго ея оттиска).

Библіографія

къ статьѣ С. Ю. Бендасюка п. з.: Общерусскій первопечатникъ Иванъ Федоровъ и основанная имъ братская Ставропигійская печатня во Львовѣ — во Временникѣ Ставропигійскаго Института на 1935 годъ.

(Въ виду того, что помѣщеніе библіографіи хотя бы только главнѣйшихъ сочиненій на 3 страницахъ обложки было бы трудно, а между тѣмъ оказалось возможнымъ присоединеніе къ оттиску еще одного (добавочнаго) печатнаго листа, эта библіографія помѣщается здѣсь, на этомъ добавочномъ листѣ, а не на обложкѣ, какъ предполагалось и заявлено выше (на 64-ой стр., внизу), и нѣсколько расширяется примѣчаніями объ отдѣльныхъ книгахъ).

Литература о предметѣ статьи въ настоящее время весьма обильна. Здѣсь изъ нея могутъ быть указаны только главнѣйшія сочиненія и статьи, или же труды, вообще почему-либо, быть можетъ, болѣе интересные галицко-русскому читателю, съ отсылкой его за всѣмъ остальнымъ къ помѣщенной уже въ нихъ библіографіи. Перечень указываемаго идетъ въ порядкѣ содержанія статьи.

О началѣ книгопечатанія вообще, на Западѣ, у южныхъ и западныхъ славянъ и на Руси.

Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона, СПБ., 1897 и сл. гг., въ отдѣлѣ „Печатное дѣло“, и въ родственныхъ отдѣлахъ, съ помѣщенной тамъ же библіографіей.

Головацкій Я. Ф.: Sweipolt Fiol und seine Kyrillische Buchdruckerei in Krakau, im 1491, Wien, 1876.

Булгаковъ Ѳ. И.: Иллюстрированная исторія книгопечатанія, т. I, СПБ., 1889 г. На стр. 266—270 о книгопечатаніи на Галицкой Руси.

Владимировъ П. В.: Начало славянскаго и русскаго книгопечатанія въ XV—XVI в., Кіевъ, 1894 г.

Божеряновъ И. Н.: Историческій очеркъ русскаго книгопечатнаго дѣла. СПБ. 1895 г.

Каратаевъ И.: Описаніе славянорусскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами. Т. I (1491—1652), СПБ., Импер. Академія Наукъ, 1885 г.

Головацкій Я. Ф.: Галицко-русская библіографія, въ сборникѣ „Галичанинъ“, Львовъ, 1863 г. и слѣд. библіографіи въ Сборникѣ Гал.-рус. Матицы.

Его же: Нѣсколько словъ о Библіи Скорины и о рукописной русской Библіи изъ XVI в., обрѣтающейся въ библіотекѣ Св.-Онуфр. м-ря во Львовѣ. Сборникъ Гал.-рус. Матицы, 1865 г.

Его же: Библіографическія находки во Львовѣ. Петроградъ, 1873 г.

Его же: Дополненіе къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго... въ особенности же перечень галицко-русскихъ изданій церковной печати. Въ приложеніи къ 24-му тому Записокъ Имп. Акад. Наукъ, СПБ. 1874 г.

Владиміровъ П. В.: Докторъ Францискъ Скорина. СПБ., 1888 г.

Впрочемъ же много свѣдѣній можно почерпнуть и изъ ряда ниже указываемыхъ книгъ.

Объ Иванѣ Ѳеодоровѣ.

Источники: Предисловія и (или) послѣсловія къ напечатаннымъ Иваномъ Ѳеодоровымъ книгамъ: московскому Апостолу 1564 г., московскому Часовнику 1565 г., заблудовскому Евангелію Учительному 1569 г., заблудовскому Псалтырю и Часовнику 1570 г., львовскому Апостолу 1574 г., острожской Библіи 1581 г. Изданія львовской Ставропигіи: Monumenta. Diplomata Statutaria, и Юбилейное изданіе. Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. I, тт. X и XI. Документы, опубликованные Пташицкимъ, Бостелемъ, И.И. Малышевскимъ и П.М. Строевымъ „Сказаніе извѣстно" въ его „Описаніи книгъ Царскаго", Москва, 1836 г., И. М. Каманинымъ и др. Akta grodzkie i ziemskie, во Львовѣ и вообще судебные, магистратскіе и др. акты во Львовѣ, Вильнѣ, Луцкѣ, Острогѣ и др. городахъ. по скольку изслѣдованы и опубликованы. Впрочемъ же, данныя въ библіографіяхъ Кеппена П., Сопикова В., Каратаева И., Сахарова И., Ундольскаго Б, Головацкаго Я. Ѳ., Петрушевича А., и др. Затѣмъ:

Гейдеке; Ueber die Einfuehrung und den Fortgang der Buchdruckerkunst in Russland, Рига, 1808.

Митр-тъ Евгеній: О славянорусскихъ типографіяхъ, въ Вѣстникѣ Европы, 1813 г.

Его же: Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина. 1818 г. (со включеніемъ и предъидущей статьи).

Калайдовичъ К. Ѳ: Іоаннъ Ѳеодоровъ, первый московскій типографщикъ, въ Вѣстникѣ Европы, за 1813 г., н-ръ 18.

Его же: Записка объ Иванѣ Ѳеодоровѣ, тамъ же, 1822 г., н-ръ 11.

Кеппенъ П. И.: О памятникѣ Ивану Ѳеодорову, въ Спискѣ русскихъ памятниковъ, Москва, 1822 г.

Bandkie S.: Historya drukarń w Królewstwie Polskiem, t. I, Kraków, 1826 г.

Zubrzycki D.: Historyczne badania o drukarniach rusko-słowiańskich w Galicyi. Lwów, 1836, 8°, p. 90. Въ сокращеніи это сочиненіе было затѣмъ помѣщено въ Журналѣ Мин-ва народнаго про-

свѣщенія, СПБ., 1838 г., н-ръ XIX, стр. 560 и сл. въ русскомъ переводѣ. И, наконецъ, перепечатано полностью и точно, въ подлинникѣ, т. е. на польскомъ языкѣ, во Временникѣ Ставропиг. Ин-та на 1913 г. И нынѣ еще этотъ историческій очеркъ Зубрицкаго занимаетъ въ литературѣ о книгопечатаніи на Руси видное мѣсто. Несмотря на свои нѣкоторыя неточности, впослѣдстіи выясненныя и установленныя на основаніи новыхъ данныхъ и изслѣдованій, этотъ трудъ также особенно цѣненъ потому, что основывается, м. пр., на матеріалахъ, имѣвшихся еще въ распоряженіи автора, но позже потерянныхъ. Въ немъ изложена исторія отъ начала книгопечатанія на Руси вообще и Галицкой въ особенности и до написанія книги, т. е. до полов. 30-тыхъ годовъ XIX в.

Строевъ П. М.: Обстоятельное описаніе старопечатныхъ книгъ Ѳ. Толстова. 1828 г. (богато иллюстр., изъ изданій Ивана Ѳеодорова).

Сахаровъ И. П.: Первые русскіе типографщики, въ Сборникѣ на 1838 г. А. Воейкова, СПБ., 1838 г.

Тромонинъ К.: Достопамятности Москвы. Москва, 1844 г., въ ст. п. з.: О началѣ книгопечатанія въ Россіи (съ иллюстр. изъ москов. Апостола 1564 г., герба царя Ивана Грознаго и др.).

Михайловъ М.: О начаткахъ типографскаго искусства. О книгопечатаніи вообще и о первыхъ русскихъ печатникахъ и о невзгодахъ типографовъ, въ Библіотекѣ для чтенія, 1854 г., н-ръ 6, ст. п з.: Старыя книги.

Головацкій Я. Ѳ.: Начало и дѣйствованіе львов. Ставропигійскаго братства, въ „Зорѣ Галицкой на 1860 г." (также о Ѳеодоровѣ), Львовъ.

Поруденскій: Трехсотлѣтіе московскаго книгопечвтанія, въ Современ. Лѣтоп., 1864 г., н-ръ 9.

Филаретъ арх-пъ: О книгопечатаніи въ Россіи до патріарха Никона, въ Черниг. Епарх. Вѣдом., 1867 г., н-ръ 8—9.

Соловьевъ С. М.: Исторія Россіи, т. II (также о Ѳеодоровѣ).

Викторовъ А. Е.: Не было-ли въ Москвѣ опытовъ книгопечатанія прежде первопечатнаго Апостола 1564 г.? — въ Трудахъ III Археологич. Съѣзда, въ Кіевѣ, въ 1874 г, т. II, Кіевъ, 1878 г., стр. 211—220.

Румянцовъ В. Е.: Сборникъ памятниковъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи, вып. I, Москва, 1872 г., изд. Москов. Синодальной типографіи (съ многими прекрасными снимками съ изданій И. Ѳеодорова).

Гатцукъ А.: Очеркъ исторіи книгопечатнаго дѣла въ Россіи, въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1879 г., кн. V, т. 99.

Дмитревскій А. І.: Діаконъ Иванъ Ѳеодоровъ, первый русскій книгопечатникъ, въ Православномъ Обозрѣніи, 1883 г., н-ръ 11.

Ляхницкій: Начало книгопечатанія въ Россіи, СПБ., 1883 г.

Baranowski B: Pierwszy drukarz lwowski, Gazeta Lwowska, 1883 г., № 86.

Новый Проломъ, журналъ, Львовъ, 1883 г., н-ра 69, 92 и 94. Въ связи съ юбилеемъ подчеркнуто значеніе общерусскаго литер. языка временъ Ивана Ѳеодорова, съ отмѣченіемъ, что онъ отвелъ Ходкевича отъ печатанія Учительнаго Евангелія простонародной рѣчью.

Петрушевичъ А. С.: О началѣ книгопечатанія на Руси вообще и въ г. Львовѣ въ особенности, Львовъ, 1883 г., во Временникѣ Ставропигійскаго Института на 1884 г., стр 113—150. Послѣ труда Зубрицкаго это лучшій галицко-русскій очеркъ объ Иванѣ Ѳеодоровѣ и начальной дѣятельности львовск. братской печатни, съ полнымъ текстомъ послѣсловія къ льв. Апостолу 1574 г. и другими цитатами. Пересказанъ былъ вкратцѣ въ льв. „Зорѣ“ за 1884 г. и еще короче въ льв. „Дѣлѣ“ за 1883 г., н-ръ 136. Рецензіи объ этомъ очеркѣ въ Кіев. Старинѣ, 1883 г., кн. XII, т. 7, стр. 671—675 и Przewodnik Bibliograficzny, 1884 г., стр. 35.

П (лощанскій) В. М.: Рѣчь въ честь Ивана Ѳеодорова, 5 (27) декабря 1883 г., газ. „Слово“. Львовъ, 1883 г. н-ръ 140.

Празднованіе 300-лѣтней годовщины смерти Ивана Ѳеодорова, перваго русскаго книгопечатника, во Львовѣ. газ. „Слово“, Львовъ, 1883 г., н-ръ 139.

Полевой П. Н: Очеркъ жизни и дѣятельности перваго русскаго печатника Ивана Ѳеодорова. СПБ.. 1883 г., съ иллюстр.

Pług A.: Jan Fedorowicz, uważany za pierwszego drukarza lwowskiego, Kłosy, Warszawa, 1884, № 979, со снимкомъ могильной плиты Ивана Ѳеодорова съ рисунка о. М. Гриневецкаго. 1817 г.

Пташицкій С. Л.: Иванъ Ѳеодоровъ, московскій первопечатникъ. Пребываніе его во Львовѣ. Очеркъ по архивнымъ матеріаламъ, въ Русской Старинѣ за 1884 г., т. 41, кн. 3 (мартъ). Перепечатанъ, два года спустя, уже въ польскомъ переводѣ, въ Краковѣ, п. з.: Ptaszycki St.: Iwan Fedorowicz, drukarz ruski we Lwowie, z końca XVI w. Ustęp z dziejów drukarstwa w Polsce. Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii Umiejętności w Krakowie, 1886 r., t. XI. Лучше это польское изданіе, какъ позднѣйшее, дополненное и переработанное. Авторъ изучалъ относ. документы въ львовскихъ архивахъ, напечаталъ ихъ и освѣтилъ надлежаще, чѣмъ его трудъ особенно цѣненъ. Отзывы объ этомъ трудѣ появились въ русскихъ научныхъ изданіяхъ въ Россіи и въ Галичинѣ (Kwartalnik historyczny, t. I; Przegląd powszechny, IV, 1884).

Руславъ (О. А. Мончаловскій): Трехсотлѣтняя годовщина кончины Ивана Ѳеодорова, перваго русскаго печатника, Львовъ, „Слово“, 1883 г., н-ръ 132. О значеніи Ѳеодорова для Галицкой Руси.

Трехсотлѣтіе перваго печатника на Руси, Ивана Ѳеодорова. Юбилейное изданіе журнала печатнаго дѣла „Обзоръ графическихъ искусствъ“, иллюстр., со сним. старопеч. книгъ, портретовъ и т. п., СПБ., 1883 г. Въ изданіи 17 статей видныхъ русскихъ изслѣдователей.

Я (стребовъ) В: Къ 300-лѣтнему юбилею Ивана Ѳеодорова.

Кіев. Старина, 1883 г., т. 7. О значеніи Ѳеодорова для Малороссіи вообще.

Будиловичъ А. С.: Апостолъ львовской печати Ивана Ѳеодорова Москвитина (1573—1574), въ Памятникахъ Русской Старины въ зап. губ. Батюшкова, т. VII, СПБ, 1885 г., стр. 113—123 (описаніе льв. Апостола, со снимками).

Батюшковъ П. Н.: Волынь, СПБ., 1888 г. (со снимками Острожскихъ изданій, Новаго Завѣта, 1580 г. и Библіи, 1581 г.).

Бахтіаровъ А. А.: Исторія книги на Руси. СПБ. 1890 г.

— Новый Галичанинъ, журналъ, Львовъ, 1890 г. (очеркъ дѣятельности Ѳедорова и „повѣсть“ (послѣсловіе) львов. Апостола 1574 г.).

Мончаловскій О. А: Краткій обзоръ исторіи книгопечатанія на Руси. Журналъ Бесѣда, Львовъ, 1892 г., со снимками герба въ льв. Апостолѣ. Статьи Мончаловскаго о Ѳеодоровѣ во Временникѣ Ставр. Ин-та на 1907 г. и въ Новомъ Галичанинѣ за 1890 г.

Божеряновъ И. Н.: вышеназванное сочиненіе.

Ровинскій Д. А.: Подробный словарь русскихъ граверовъ. СПБ. 1895 г.

Голубинскій Е. Е.: Къ вопросу о началѣ книгопечатанія въ Москвѣ. Богословскій Вѣстникъ, 1895 г.

Полевой П. Н.: Исторія русской словесности, СПБ. 1900 г., т. I., стр. 192—206. Краткій очеркъ жизни и дѣятельности Ивана Ѳеодорова, съ прекрасными снимками его изданій.

Соловьевъ А.: Государевъ печатный дворъ и Синодальная типографія въ Москвѣ. Москва. 1902 г.

Штейнъ С. В: Памяти первопечатника Ивана Ѳедорова. СПБ., 1902 г.

Пташицкій С. Л.; Иванъ Ѳеодоровъ. Изданія Острожской Библіи, въ связи съ новыми данными о послѣднихъ годахъ его жизни и дѣятельности. Журн. Печатное искусство, 1903 г., кн. VII—VIII.

Грушевскій М.: Історія України-Руси, т. VI, 1907 г., стр. 437—441 объ Иванѣ Ѳеодоровѣ.

Свистунъ Ф. И.: Старопечатныя славянорусскія книги Библіотеки Народнаго Дома во Львовѣ и развитіе книгопечатанія на Руси въ Вѣстникѣ Народнаго Дома, Львовъ, 1907 г., январь и слѣд.

Каталогъ выставки славянскихъ книгъ въ память первопечатника Ивана Ѳеодорова 1491—1708 г., Москва, 1909 г. (насчитано въ немъ 264 старопечатныхъ книгъ). — Подобный же каталогъ старопечатныхъ книгъ на Ѳеодоровской выставкѣ въ Кіевѣ, въ 1914 г.

Проф. И. Огіенко написалъ рядъ статей-очерковъ объ Иванѣ Ѳеодоровѣ по случаю юбилея въ 1924 г. помѣщенныхъ въ журн Стара Україна и др., сжатой сводкой которыхъ является отдѣлъ объ Иванѣ Ѳеодоровѣ въ его нижеуказанной книгѣ. Въ томъ же журналѣ Стара Україна, н-ръ II – V, Львовъ, 1924 г., помѣщенъ рядъ цѣнныхъ статей и другихъ авторовъ о Ѳеодоровѣ, въ связи имъ юбилеемъ.

Либровичъ С.: Исторія книги въ Россіи. СПБ. 1913 г., (со многими снимками).

Г(енсерск)ій (А. И.): Великій майстеръ всходной (русской) культуры Иванъ Федоровъ, въ Иллюстрир. Народномъ Календарѣ О-ва им. М. Качковскаго во Львовѣ на 1925 г., стр. 52—64. Сжато, вѣрно и популярно написанный очеркъ жизни и дѣятельности Ивана Федорова.

Относительно надгробной плиты Ивана Ѳеодорова

написано понынѣ также много, частью въ статьяхъ и очеркахъ о немъ, частью же особо.

Прежде всего о томъ, что Иванъ Ѳедоровъ былъ похороненъ на по погостѣ Св.-Онуфріевской церкви во Львовѣ, записано въ бібліотекѣ им. Оссолинскихъ во Львовѣ, въ рукописи н-ръ 2086: Annales Leopol. monasterii S. Basilii, 1763—1771.

Изображеніе этой плиты помѣщено было въ статьѣ К. Ѳ. Калайдовича о Ѳедоровѣ въ Вѣстникѣ Европы за 1822 г., н-ръ 14, а затѣмъ съ перепечаткой ея въ польскомъ переводѣ въ журналѣ Pamiętnik Warszawski, 1823, № 4.

Объ этой плитѣ важныя замѣтки заключаются въ названныхъ уже сочиненіяхъ Бандтке, Зубрицкаго и въ изданіяхъ: Зоря Галицкая, 1854 г., н-ра 29—30; Lwowianin, 1837 г., p. 71—72; Łobeski F., Dodatek do Gazety Lwowskiej, 1854, № 27—30; Зоря Галицкая яко альбумъ на 1860 г. (статья Я. Ф. Головацкаго); у Румянцева В. Е. въ вышеуказ. соч., вып. I, стр. 49 и въ указ. сочин. Плуга, Петрушевича и нѣк. др. Кромѣ того:

Петрушевичъ А. С.: Сводная Галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 г., Львовъ, 1874 г., стр. 556.

Токмаковъ И. І.: Надгробный камень Ѳедорова, въ Юбил. Сборникѣ п. з: Трехсотлѣтіе перваго друкаря на Руси. СПБ. 1883 г.

Въ статьяхъ въ львов. „Словѣ“ 1883 г., н-ра 130 и 140.

Голубевъ С. Т.: Объяснительные параграфы по исторіи зап.-рус. Церкви. Кіев. Епарх. Вѣдом., 1893 г.

Въ назв. же журналѣ „Стара Україна“, Львовъ, 1924 г., II—V, помѣщены статьи Кревецкаго Ив.: „Доля надгробного каміня Ивана Федоровича“ и Михайловича Б: „Наукове зацікавлення надгробним камінем Ів. Федоровича“. Въ томъ же журналѣ, I—II. 1925 г., стр. 29—30, въ замѣткѣ И. Огіенка „Довкола намогильного каміня Івана Хведоровича“ полемическій отвѣтъ д-ру В. Щурату.

О львовской Братской Ставропигійской печатнѣ.

Источники тѣ же и тамъ же, что и о Ѳедоровѣ. Кромѣ того акты Ставропигійскаго архива (см. И. С. Свѣнцицкаго: Опись музея Ставропигійскаго Института во Львовѣ, 1908 г., на стр. 89—174). Затѣмъ, относительныя мѣста (главы и т. п.) въ названныхъ выше сочиненіяхъ Бандтке, Зубрицкаго, Булгакова, Петрушевича, Головацкаго, Мончаловскаго, Ф. И. Свистуна.

Труды же преимущественно или отчасти по исторіи братской Старопигійской печатни во Львовѣ, въ болѣе или менѣе хронологическомъ порядкѣ, слѣдующіе:

Зубрицкій Д. И.: Лѣтопись львовскаго Ставропигійскаго братства въ Журн. Мин-ва Народн. Просв., СПБ. 1849 и 1850 гг., и особымъ оттискомъ; перепечатанная во Временникѣ Ставропиг. Института на 1926 г. Отрывочныя свѣдѣнія относит. братской печатни XVII и XVIII вв. и болѣе обильныя объ отношеніи къ ней Шумлянскаго и слѣд. епископовъ.

Максимовичъ М. А.: Книгопечатаніе въ Червонной Руси. Временникъ московскаго отдѣла О-ва исторіи и древностей россійскихъ, Москва, 1849 г. Впрочемъ же и Максимовича: Сочиненія, т. III, братская львовская типографія.

Wiszniewski M.: Historya literatury polskiej, 1851 г., t. VIII, pp. 417—429.

Флеровъ И.: Типографія львовскаго Ставропигіальнаго братства, въ его соч: О православныхъ церковныхъ братствахъ, СПБ. 1857 г., стр. 122—129, основываясь на трудѣ Зубрицкаго.

Бычковъ А Ѳ.: О весьма рѣдкой брошюрѣ, вышедшей изъ братской львовской типографіи, посвящ. митрополиту Михаилу Рагозѣ. Библіографич. Записки, 1861 г., т. III, н-ръ 12.

Пекарскій П.: Наука и литература при Петрѣ Великомъ, СПБ. 1862 г., т. II, о львов. братской печатнѣ, стр. 674.

Петрушевичъ А С.: Историческое извѣстіе о древней Почаевской обители и типографіи ея, съ росписью въ той печатнымъ книгамъ. Галичанинъ, Львовъ, 1863 г., кн. I, вып. 3 и 4, со спискомъ почаевскихъ изданій по 1829 г.

Того же: Описаніе напечатанной въ льв. братской печатнѣ въ 1609 г. бесѣды Іоанна Злат. „о воспитаніи чадъ". Львовъ, Слово, 1873 г., XIII, 8 - 9.

Того же: Сводная гал.-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 г., Львовъ, 1874 г., стр. 390—391, съ послѣсловіемъ Іос. Городецкаго.

Гильдебрандтъ П.: Вновь найденная старопечатная книга „Тріодь постная", изданная въ 1707 г. во Львовѣ. „Древняя и новая Россія", 1877 г., кн. III.

Родосскій А.: Къ матеріаламъ для исторіи славяно-русской библіографіи, въ Христіанскомъ Чтеніи, за 1881 г., кн. VI—IX.

Голубевъ С. Т.: Петръ Могила, Кіевъ, 1883 г., т. I, прилож XXI, реестръ книгъ льв. Ставроп. бр-ва, т. II, Кіевъ 1898 г., прилож. н-ра 38, 45, 47, 48, 54, 82 и 85.

Zawadzki Wł.: Literatura w Galicyi, 1778—1848 г., Lwów, 1878 г.

Голубевъ С. Т.: Объяснительные параграфы по исторіи западнс-русской Церкви. Труды Кіевской Духовной Академіи, 1906 г., XII.

Титовъ Ѳ. И.: Разъяснительные параграфы по исторіи зап.-рус. Церкви. Труды Кіев. Дух. Акад., 1907 г., кн. VII (отвѣтъ на предьид. трудъ Голубева).

Голубевъ С. Т.: Нѣсколько страницъ изъ новѣйшей исторіи

Кіев. Духов. Акад., 1907 г. (отвѣтъ Титову, съ цѣнными данными о льв. братскихъ изданіяхъ).

Чистовичъ И. А.: Очерки исторіи зап.-русской Церкяи. СПБ. 1884 г., т. II.

Петрушевичъ А. С.: Хронологическая роспись церковныхъ и мірскихъ русско-словенскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами въ г. Львовѣ, съ 1574 по 1800 г., Львовъ, Временникъ Ставропиг. Ин-та на 1885 г., стр. 113—133. Выходя изъ библіографическихъ данныхъ Зубрицкаго, Каратаева, Пекарскаго, Ундольскаго и Головацкаго, авторъ составилъ первую возможно полную библіографію изданій льв. Успен. Ставропиг. братства, которая послужила основаніемъ для всѣхъ слѣдующихъ, начиная съ Крыловскаго и кончая И. Огіенкомъ и И. Свѣнцицкимъ.

Родосскій А.: Описаніе старопечатныхъ книгъ СПБ-ской Дух. Ак. вып. I, СПБ. 1891 г.

Эйнгорнъ В.: Книги кіевской и львовской печати въ Москвѣ, въ 3-тьей четв XVII в., Москва, 1894 г, Книговѣдѣніе, IX—X.

Тиховскій Ю.: Мнимая типографія Почаевскаго мон-ри, Кіев. Старина, 1895 г., т. 50, стр. 1—35 и 248—281,

Харлампович К. В.: Зап.-русскія православныя школы. Казань, 1898 г., стр. 288.

Папковъ А. А.: Братства. 1900 г.

Крыловскій А. С.: Львовское Ставропигіальное Братство — опытъ церковно-историческаго изслѣдованія. Кіевъ, 1904 г., 8°, стр. XXII + 314 + 04 + 230 + 02. Книга эта — весьма цѣнный и самый полный трудъ о львов. Ставропиг. Успен. братствѣ, съ особливо обстоятельнымъ, оригинальнымъ и на документахъ преимущественно Ставропигійскаго архива опирающимся отдѣломъ о львов. братской печатнѣ, на стр. 263 307. Содержаніе отдѣла: Основаніе братской печатни и краткая общая исторія ея дѣятельности. Устройство и управленіе печатни. Забота братства о точности и вѣрности печатаемыхъ книгъ. Условія, на коихъ книги печатались. Пріемъ и ревизія отпечатанныхъ книгъ. Михаилъ Слезка, договоры и тяжбы съ нимъ. Судебныя дѣла со Скульскимъ, Мильчевскимъ и др. Борьба еп-па Шумлянскаго съ братствомъ. Распространеніе братскихъ изданій и выручаемые имъ изъ нихъ доходы. Самый полный списокъ напечатанныхъ въ братской печатнѣ книгъ, дополнительный къ списку Петрушевича, начиная съ Адельфотеса 1591 г. и кончая Евангеліемъ 1722 г. Въ приложеніяхъ тексты актовъ, н-ра 25, 29, 30, 37, 38, 45. 47, 69, 70. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ отдѣлъ въ книгѣ А. С. Крыловскаго и по сегодня является самымъ исчерпываюимъ предметъ и систематически составленнымъ трудомъ о льв. братской печатнѣ, хотя, правда, какъ и все, что въ книгѣ написано о братствѣ, доведеннымъ только до 20-тыхъ годовъ XVIII вѣка.

Коротенькое содержаніе этой книги помѣщено было во Временникѣ Ставропиг. Ин-та на 1906 г., стр. 1—14; составилъ его „Братчикъ", т. е. вѣроятно самъ редакторъ того выпуска, О. А. Мончаловскій. Во Временникѣ же на 1927 г., стр 4—17, по книгѣ

Крыловскаго, помѣщенъ былъ В. Р. Ваврикомъ сжатый историческій обзоръ прошлой дѣятельности льв. Успен. Братства.

Отзывы объ этой книгѣ Крыловскаго помѣщены были, послѣ ея появленія, во многихъ литературно-научныхъ изданіяхъ въ Россіи, обширная рецензія пера Ѳ. И. Титова въ Трудахъ Кіев. Дух. Академіи за 1907 г., кн. III—IV, стр. 138—170; въ Галичинѣ же отзывы въ гал.-рус. изданіяхъ (въ Сборникѣ Гал.-рус. Матицы, Галичанинѣ и др.), Ф. Срибнаго въ 75 т. льв. „Записок Т-ва ім. Шевченка", 1907 г., стр. 171—195, также въ польскихъ.

Нынѣ книга А. С. Крыловскаго стала библіотечной рѣдкостью и ждетъ своего переизданія.

— (Анон.) Почаевская типографія и Братство Львовское въ XVIII в., въ Волын. Епарх. Вѣдом. 1909 г., н-ра 35—38. О судебныхъ дѣлахъ Почаева съ Льв. Усп. Б-вомъ изъ-за печатни, на основаніи архива почаевскаго м-ря.

Лабенскій Ф. П.: Русскія церкви и братства на предградіяхъ львовскихъ. Львовъ, 1911 г., съ отрывочными свѣдѣніями также о льв. братской печатнѣ.

Свєнціцкий Іларіон: Дещо про печатню Успенського Братства у Львові та її видання. Збірник Львівської Ставропигії, т. I. Заходом із друкарні Ставропигійського Інститута. Львовъ, 1921 г., на стр. 325 -332. Краткій очеркъ исторіи льв. братской печатни со спискомъ льв. братскихъ изданій, дополнительнымъ къ спискамъ Петрушевича и Крыловскаго.

И, наконецъ, двѣ книги послѣдняго времени, какъ хорошіе справочники и по библіографіи, собранной въ нихъ, особенно во второй изъ нихъ, весьма тщательно, и по исторіи печатнаго дѣла въ юго западной Руси вообще и въ Галичинѣ въ частности, отъ возникновенія его до конца XVIII в., почему и приходится здѣсь нѣсколько остановиться на обѣихъ. Это:

Свєнціцкий Іларіон: Початки книгопечатаня на землях України. Жовква, 1924 г., съ иллюстр., 4⁰, стр. XXII+02+85+ неп. 152 лл.

Изданная изящно, на хорошей бумагѣ, чистыми печатописьменами, въ подражаніе церковнымъ изданіямъ, съ заглавными и концевыми украшеніями, киноварью и пр., съ иллюстраціями (снимками, факсимиле, рисунками и т. п.) на мѣловой бумагѣ, книга Свѣнцицкаго состоитъ изъ 3 частей: первой, исторической съ краткимъ изложеніемъ прошлаго книгопечатанія въ западной Европѣ, у южныхъ и западныхъ славянъ и на Руси, второй — объ издательски-печатной техникѣ, и третьей, съ приложенными многими таблицами иллюстрацій. Книга написана популярно и живо, но страдаетъ нѣкоторой тенденціозностью въ сторону украинскаго сепаратизма и еще большей въ сторону моднаго во время ея написанія толкованія прошлыхъ событій, быта и жизни съ точки зрѣнія классовой борьбы пролетаріата съ капиталомъ, при вѣрной, все же, передачѣ самихъ фактовъ и вообще наличныхъ данныхъ. Языкъ ея — довольно чистое галицко-русское нарѣчіе, изрѣдка только попорченное полонизмами

и искусственными, якобы украинскими словесными новообразованіями, но причиненный этимъ вредъ искупленъ отчасти попадающимися общерусскими выраженіями, а то и формами. Довольно сносно также ея правописаніе, этимологически-фонетическое, съ формами: руский (рускій), Острожскій, Росія, російский, украінский, галицкий, грецкий, католицкий и т. д.; кождий, народний; печатанє, (безъ удвоенія н), питанє, виданє, відношенє (на 5 стр., внизу, посл. строка, и въ др. случаяхъ, а не: від носа — відносини, и не: поль. stosunek), спасенє, просвіченє, поведенє, знанє и т. д.; также правильнымъ окончаніемъ — сь, рукопись, роспись, літопись, іконопись, допись и т. д., уже прочнымъ, какъ это видно и изъ косвенныхъ падежей. То же признать должно и относительно формы: засновав (85 стр., не: заснував). Но, къ сожалѣнію, въ цѣломъ рядѣ другихъ формъ замѣтна путаница. Относительно мягкаго окончанія — рь у автора нѣтъ увѣренности; онъ, напр., пишетъ: монастир, -ря и ра; на стр. 57 и слѣд.: друкарь и друкар, друкареви и т. д., и совсѣмъ уже безтолково (на стр. 54): маляря, и даже нелѣпости, въ родѣ: впрочим (на 79 стр.), къ которымъ отнести слѣдуетъ и замѣшательство въ употребленіи предлоговъ: у или в. Все же авторъ силится, повидимому, привести это „украинское" правописаніе въ нѣкоторый порядокъ, хотя, правда, съ опаской только оглядываясь на русское, но если ему не удается выйти на торный путь, такъ это уже вина не его одного, а украинствующихъ вообще, пытающихся, во чтобы то ни стало, образовать изъ малорусскаго нарѣчія особый литературный языкъ, возможно наидалѣе отодвинутый и отчужденный отъ общерусскаго.

Львовской братской Успенской печатнѣ отведено въ книгѣ много мѣста. Занимаетъ его прежде всего изложеніе ея исторіи по трудамъ А. С. Крыловскаго и даннымъ Ставропигійскаго архива. Изъ ея же исторіи заимствована и вся часть о печатной техникѣ, самая обстоятельная, добросовѣстно составленная и особенно цѣнная въ книгѣ, со списками-таблицами печатно издательскихъ договоровъ съ печатниками стр. 59 –60). Не менѣе цѣнны и важны старательно составленные списки рисовальщиковъ и рѣзчиковъ львовскихъ, кіевскихъ, могилевскихъ, черниговскихъ и почаевскихъ (стр. 72—75) и собраніе данныхъ по продажѣ книгъ львовскихъ братскихъ изданій (стр. 80—82).

Въ литературѣ о книгопечатаніи трудъ И. С. Свѣнцицкаго представляетъ собой значительное пріобрѣтеніе. Онъ даетъ читателю возможность скоро и вѣрно ознакомиться съ предметомъ по существу, причемъ это ознакомленіе сопровождается наглядным освѣщеніемъ матеріала собранными въ этой книгѣ въ большомъ количествѣ превосходными снимками рѣдкостныхъ изданій чуть ли не всѣхъ печатенъ югозападной Руси.

Проф. Ів. Огієнко: Історія українського друкарства, т. І. Історично-бібліографічний огляд укр. друкарства XV—XVIII вв. Львів, 1925. Збірник фільольогічної секції Наук. Т-ва ім. Шевченка, т. XIX—XX—XXI, 8°, стр. 04+418.

Книга проф. И. Огіенка — это у насъ нынѣ самое полностное руководство по исторіи печатнаго дѣла. Тщательное собраніе и систематическое изложеніе фактическаго матеріала, съ обращеніемъ должнаго вниманія чуть ли не на каждую, хотя бы и малую и непродолжительное время дѣйствовавшую печатню въ юго-зап. Руси вплоть до конца XVIII в., дѣлаютъ эту книгу весьма удобнымъ справочникомъ, тѣмъ болѣе практичнымъ, что богатая, также систематически и по отдѣламъ распредѣленная въ ней библіографія облегчаетъ не только оріентацію въ огромной литературѣ предмета, но и поиски относ. мѣстъ въ источникахъ. Вступленіемъ служитъ краткое представленіе исторіи печатнаго дѣла кирилловскими письменами на Западѣ, у южныхъ и западныхъ славянъ, печатенъ Фіоля въ Краковѣ и Скорины въ чешской Прагѣ и Вильнѣ, дѣятельности Ивана Ѳедорова въ Москвѣ, Заблудовѣ, Львовѣ и Острогѣ, причемъ авторъ задалъ себѣ кропотливый трудъ составленія хронологической схемы этой дѣятельности по годамъ, точно или же только предположительно установленнымъ, послѣ чего изложена вкратцѣ исторія отдѣльныхъ печатенъ и печатниковъ. Главы о львбратской Ставропиг. печатнѣ и львовскихъ печатникахъ занимаютъ подобающее мѣсто и обработаны старательно. Такъ же представлена исторія заблудовской, острожской, почаевской и кіевской печатенъ, другихъ же въ Галичинѣ, на Волыни и вообще на земляхъ юго-зап. Руси, сжато, съ отмѣченіемъ самаго главнаго. Попадаются въ книгѣ мелкія неточности и ошибки, а можетъ быть, только опечатки, и, наконецъ, лишнія повторенія. Послѣднія, впрочемъ, при изложеніи исторіи отдѣльныхъ печатенъ и печатниковъ, неизбѣжны и для уточненія и объясненія фактовъ даже умѣстны и полезны, въ виду чего причесть ихъ должно скорѣе къ достоинствамъ книги. Несмотря на всѣ эти мелкіе и ниже указанные крупные недостатки, книга проф. Огіенка, какъ наиболѣе полное и въ послѣднее время появившееся пособіе, замѣчательна и важна, что при переходѣ къ ея слабымъ сторонамъ, по справедливости, впередъ подчеркнуть необходимо.

Прежде всего книга страдаетъ крайней тенденціозностью въ украино-сепаратистическомъ духѣ, ярко опредѣленной уже извѣстнымъ выраженіемъ, цитированнымъ выше, въ статьѣ (см. стр. 4—5, вын. 4), что „Іван Хведорович, фундатор постійного друкарства на українській земли". На страницахъ книги москвичъ Иванъ Федоровъ выступаетъ чуть-ли не украинскимъ сепаратистомъ нашего времени, подвизавшимся нѣкогда на украинскихъ земляхъ якобы во благо нынѣ строющейся Украины. Такъ же узко-односторонне и ложно русскія юго-западныя земли и ихъ населеніе названы въ книгѣ украинскими и вообще названіе „русскій" замѣнено прозвищемъ „украинскій", хотя авторъ знаетъ и не можетъ не знать, что въ прошломъ эти земли и ихъ населеніе всегда въ архипастырскихъ посланіяхъ, грамотахъ, литературныхъ произведеніяхъ и др. письменныхъ памятникахъ, назывались не иначе, какъ русскими или россійскими (росскими тожъ), что, впрочемъ, показываютъ и цитаты изъ этихъ памятниковъ въ самой же книгѣ, и что, наконецъ, и нынѣ рас-

пространять на эти земли и ихъ населеніе терминъ „украинскій“ — явная нелѣпость. Эта страсть къ переименовыванію всего, что русское, въ украинское, доходитъ у автора до такой безцеремонности, что даже въ переводахъ латинскихъ текстовъ у него названія Russia, russus, ruthenus, переданы названіями: Украина, украинскій. Авторъ рѣзко-мрачно расписываетъ „московское притѣсненіе“ Украины, особенно въ исторіи кіево-печерской печатни, хотя, конечно, знаетъ, сколь многими и притомъ драгоцѣннѣйшими культурными, экономическими, соціальными и др. пріобрѣтеніями Украина обязана Москвѣ и въ какомъ жалкомъ состояніи Украина находилась въ то время, когда ея общеніе съ Москвой ослабѣвало или прерывалось, и что, въ свою очередь, кажется, не можетъ не внушать автору опасеній, что и будущей Украинѣ, поскольку она была бы разобщена или въ неладахъ съ Москвой, не поздоровилось бы. Быть можетъ, что такая тенденціозность и къ лицу какомунибудь галицкому украинствующему „письменнику“, но она отнюдь не къ лицу проф. Огіенку.

Крупными недостатками книги являются ея искусственная, прямо таки несамовитая „мова“ и зависимое отъ нея хаотически-фонетическое право-(криво?) писаніе. Авторъ употребляетъ цѣлый рядъ выраженій не въ томъ смыслѣ, въ которомъ они употребляются и понимаются малороссами вообще. Только примѣра ради достаточно указать, что у него слово „звичайно“ значитъ то, что русское „конечно“, „борг“ употребляется въ смыслѣ русскаго „заемъ“, „доручили“ должно значить то же, что русское „поручили, велѣли“, „кошти“ — въ значеніи рус. „средства“ („не маючи потрібних коштів на викуп друкарні“), „прибуток“ у него - это русское „доходы“ и т. д. Изъ всего этого у него получаются иногда куріезные по смыслу обороты, въ родѣ, нпр. „потрібний(!) податокъ“ („Сльозка не вніс потрібного податку“, а, впрочемъ, кто его знаетъ, быть можетъ, автору „податок“ дѣйствительно „потрібний“). Авторъ помогаетъ себѣ также употребленіемъ совершенно ненужныхъ полонизмовъ, хотя въ малорусскомъ имѣются свои соотвѣтствующія выраженія, напр.: горливий (не отъ „горла“, а gorliwy), учень, міцно и мн. др., подражая, видно, и въ этомъ львовскимъ газетамъ „Діло“, „Новий Час“ и др., съ такими въ нихъ полонизмами, какъ „зразок“, „гасло“ и мн. мн. др. Тамъ же, гдѣ и все это оказывается недостаточнымъ, авторъ вставляетъ словечки своего собственнаго изобрѣтенія, нпр., въ родѣ „духівниця“, которая должна значить то же, что русское „духовное завѣщаніе“ и т. п., по слѣдамъ, видно, тѣхъ же львовскихъ газетокъ, съ пестрѣющими въ нихъ: мент, взуття (вм. обувь), танок (вм. танецъ) шлунок и мн. др. Вообще же замѣна русскихъ словъ якобы украинскими дается автору туго, въ лучшемъ случаѣ получается что-то неуклюжее, въ родѣ „составили — склали“, въ худшемъ же выходятъ уморительные куріезы, въ родѣ, нпр., перевода (на стр. 156) русскаго „съ теченіемъ времени“ фразою: „з плином часу“, изумляющею украинскаго же читателя, какъ это такъ время могло превратиться въ жидкость. Попадаются, наконецъ, цѣлыя предложенія, которыя выясняются только

постепенно, по мѣрѣ того, какъ читателемъ мысленно переводятся на русскій литер. языкъ, на которомъ, вѣроятно, была первоначально написана авторомъ вся книга, и только впослѣдствіи она была перелицевана по украински.

Приблизительно то же приходится сказать и о правописаніи въ этой книгѣ, зависимомъ, конечно, отъ т а к о г о языка, и потому сказать, разумѣется, также съ оговоркою, какъ и выше о правописаніи И. Свѣнцицкаго, хотя оно у И. Огіенка совер ѣенно иное, какъ и иное оно, впрочемъ, у каждаго укр. писателя. Оно такъ же хаотично, съ мягкими или твердыми согласными гдѣ не слѣдуетъ, и наоборотъ, и оно даже въ выбранной авторомъ формѣ непослѣдовательно: -ській и -ський, -цьк'й и -цький (да и удивительно, какъ это такъ украинствующіе, всегда строго и ѣдко осуждающіе насъ, русскихъ галичанъ, за нашъ ъ и двойное с въ „русскій", не жалѣютъ времени, труда, мѣста и чернилъ на всѣ эти лишнія и безсмысленно смягченныя и удлиненныя формы окончаній), монастир, монастиря и манастиря и т. п. Впрочемъ же, украинствующіе твердо убѣждены въ томъ, что малороссы не способны, какъ и поляки, смягчать въ именительномъ пад. концевое -р (царь), но въ косвенныхъ падежахъ тѣхъ же существительныхъ уже могутъ, а подчасъ даже могутъ и тамъ, гдѣ это дѣйствительно невозможно, почему и пишутъ: рятувати (изъ нѣм. retten чрезъ поль. ratować), мряка, буряк и т. д. А далѣе идутъ уже такія смягченія или отвердѣнія (также въ книгѣ), какъ: Констянтин, народній (хотя все же: природний) рукопис и т. п. Въ книгѣ все это замѣшательство царитъ повсюду и всевластно (нпр., „злосчастні" и „намісник"), такъ, что исчерпывающе представить его здѣсь нѣтъ ни мѣста ни возможности. Авторъ, нпр., пишетъ „кожний" (въ смыслѣ, однако, не „отъ кожи", не „венерическій", хотя это слово украинствующими иногда употребляется и въ такомъ смыслѣ, а въ смыслѣ „каждый"), но въ косвен. падежахъ уже, нпр., „кожнім". Не менѣе пеструю и странную картину въ книгѣ представляютъ собой потуги удаленія „мовы" отъ общерусской рѣчи, но и въ случаяхъ, когда, напротивъ, допускается между ними сближеніе, нѣтъ послѣдовательности. Ничего, конечно, возразить нельзя прот въ фонетически написанныхъ въ книгѣ акающихъ формъ: ламаючи, багато, можна и т. д., ибо дѣйствительно, нпр., въ Галиличинѣ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, наши крестьяне акаютъ, какъ настоящіе москвичи, въ цѣломъ рядѣ словъ, и русскихъ (качан, калач, халява, багач, гарячій, яблака и мн. др.), и даже иностранныхъ (кампанія (компанія), натаруш (нотаріусъ), адвакат и др.), но и въ этомъ должны бы обязывать и соблюдаться какія-то правила и послѣдовательность. Затѣмъ еще это несчастное: увесь, ввесь, весь, и еще болѣе несчастное смѣшиваніе предлоговъ у и в, въ зависимости отъ гласной или согласной въ концѣ предъидущаго слова, при совершенномъ невниманіи къ факту, что и въ малорусскомъ — это два разныхъ предлога, не одинаковаго, а напротивъ, различнаго смысла, который куда важнѣе будто бы необходимаго устраненія hiatus-a. А, впрочемъ, что тутъ толковать, разъ въ книгѣ красуются такіе цвѣточки, какъ: ці дві силі (это, видите-ли, драгоцѣннѣйшее

двойственное число, отличное отъ литературно-русскаго!), цюди (вм. сюда), одне (видання) и мн. др.

Трудно, конечно, винить за все это автора, выдающагося русскаго филолога до половины января 1918 г., скорѣе только сожалѣть остается, что онъ, перекинувшись въ украинца-сепаратиста и взявшись за „мову", очутился нынѣ въ такомъ безпомощномъ и безвыходномъ положеніи. И самъ, кажется, это чувствуя и сознавая, авторъ въ слѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ значительно измѣнилъ и мову и правописаніе, но, увы, оба они въ нихъ не лучше, скорѣе напротивъ, — еще хуже. Желая, повидимому, все же найти какой нибудь выходъ изъ этого тупика, проф. Огіенко сталъ издавать въ послѣдніе годы спеціальный журнальчикъ „Рідна мова", а, между тѣмъ, редакторы львов. „Діло" прозываютъ его круглымъ невѣждой, не знающимъ украинскихъ ни мовы, ни правописанія; его, который до войны написалъ и издалъ рядъ прекрасныхъ пособій по русскому литер. языку для малороссовъ и который своими богатыми и глубокими знаніями малорусской рѣчи могъ бы всѣхъ львовскихъ украинствующихъ редакторовъ въ бараній рогъ согнуть. И они, однако, по своему, правы, ибо, въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ роковомъ, заколдованномъ кругу украинскихъ безъязычія и безграмотности, онъ безпомощно мечется на всѣ стороны какъ бѣлка въ колесѣ, хотя сверхсильные, но совершенно безплодные потуги въ этой области галицкихъ украинствующихъ, въ продолженіи 40 лѣтъ съ лишнимъ, при всемощной австрійской поддержкѣ да и въ послѣвоенныхъ все же сносныхъ условіяхъ, могли бы и должны бы быть, кажется, для проф. Огіенка достаточно вразумительнымъ предостереженіемъ.

При чтеніи его книги невольно беретъ досада: съ одной стороны авторъ вложилъ въ нее столько труда, знаній и опыта, съ другой же, какъ будто нарочно, онъ, этими неестественными рѣчью и правописаніемъ, самъ же ее немилосердно и подорвалъ. Весьма желательно, чтобы слѣдующіе томы этого замѣчательнаго труда были отъ этихъ чувствительнихъ недостатковъ свободны.

Для исторіи львовской Ставропигійской печатни XIX в. и понынѣ.

Источниками являются: Ставропигійскій архивъ, приводимый въ настоящее время въ порядокъ, ежегодные отчеты о печатнѣ во Временникѣ Ставропиг. Института, каталоги Ставропиг. книжной лавки, отчеты и статьи о дѣятельности Львовской Ставропигіи въ повременныхъ гал. русскихъ изданіяхъ, литературно-научные труды, поскольку относятся къ печатно-издательской дѣятельности Ставропигіи, съ сопровождающими ихъ библіографіями. Затѣмъ еще:

Левицкій И. Е.: Галицко-русская библіографія XIX столѣтія, Львовъ, 1888 г., со слѣдующими продолженіями и дополненіями.

Шараневичъ И. И.: Историческій очеркъ о Ставропигійской Успенской Церкви во Львовѣ, въ Юбилейномъ изданіи Ставропигійскаго Б-ва, т. I, Львовъ, 1886 г.

Свистунъ Ф. И: Прикарпатская Русь подъ владѣніемъ Австріи, Львовъ, т. 1, 1895 г., т. II, 1897 г.

Ваврикъ В. Р.: Черные дни Ставропигіи, во Временникѣ Ставропиг. Ин-та на 1927 г. и особымъ оттискомъ, Львовъ, 1928 г.

Яворскій Ю. А.: Кукушкино яичко въ Ставропигіи, во Врем. Став. Ин-та на 1923 г.

И, наконецъ, отрывочныя замѣтки и записи о львовской Ставропигійской печатнѣ въ отдѣльныхъ, напечатанныхъ въ ней церковно-богослужебныхъ и др. книгахъ и сами эти книги.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	Стор.
Юбилейные годы льв. Ставропигіи	3
Первенство Ивана Федорова въ русскомъ книгопечатаніи	4
Положеніе церковно-славянскаго и русскаго книгопечатаніи до Ивана Федорова	5
Начало книгопечатанія въ Москвѣ	7
Выѣздъ Ив. Федорова въ Литовскую Русь и печатня въ Заблудовѣ	14
Прибытіе Ив. Федорова во Львовъ и основаніе львовской печатни	16
Выѣздъ Ив. Федорова въ Острогъ и основаніе тамошней княжьей печатни	20
Личность Ивана Федорова.	25
Пособная роль княжьей Острожской печатни	26
Выкупъ печатни Ив. Федорова львовскими Успенскими братчиками	29
Начальная дѣятельность братской печатни	34
Патріаршія грамоты и королевскія привилегіи	35
Строеніе Успенской церкви и перемѣщенія печатни	37
Андрей Скульскій и Михаилъ Слезка	41
Доходы изъ печатни и продажи книгъ	49
Борьба Іос. Шумлянскаго съ Ставропигіей и ея печатней	50
Подъ владычествомъ Австро-Венгріи	56
Вторая половина XIX и начало XX вв.	61
Военное и послѣвоенное время	62
Заданія Ставропигійскаго печатоиздательства	63
Библіографія	65

Оттискъ изъ Временника Ставропигійскаго Института на 1935 г.